

ЖИВАЯ СТАРИНА

4 '2000

Журнал о русском фольклоре
и традиционной культуре

НОТЦУ ЗА ПОДВИГ ДАЛИ
ТРИ СЕРЕБРЯНЫХ МЕДАЛИ
ЗОЛОТЫХ КРЕСТА ЧЕТЫРЕ
ЗАСНЯЛИ НА МУНДИРЕ...

Худин 2000

Шуточные лубки нашли своих художников в лице Куликова и отчасти Хвостенко. Оба они делают ошибку, ударяясь в стилизацию под старый народный лубок, пытаясь сочетать эту тенденцию с современной частушкой <...> К чести современного потребителя, надо отметить очень любопытный факт. Все эти листы не расходятся. Очевидно, нарочитая подделка под восприятие массового потребителя его отнюдь не удовлетворяет.

Красная Нива. 1929, № 2, с. 15

↑ «Милка куря, дым пушая...» Оригинал лубка. 1927—1928 гг.

↩ «Уж как стары-то старухи». Оригинал лубка. 1927—1928 гг.

Статью
О.Р. Хромова
«Лубочный мир
Афанасия Куликова»
читайте на с. 23—27

↓ «Ах-ты да ох-ты, все пошили кофты». Оригинал лубка. 1927—1928 гг.

Мы, художники, — самые счастливые и в то же время самые несчастные люди. Счастливы тем, что до гробовой доски нас не покидает непосредственное детское чувство при созерцании прекрасного, будь то природа или произведения искусства; несчастные тем, что острее и больнее, чем кто-либо, переносим времена уничтожения и разрушения в мире прекрасного.

Из письма А.Е. Куликова
сыновьям на фронт. 1942 г.

ЖИВАЯ СТАРИНА

4(28) '2000

Журнал о русском фольклоре
и традиционной культуре

Учредитель и инициатор возобновления издания Государственный республиканский
центр русского фольклора Министерства культуры Российской Федерации

Основан в 1890 году
Возобновлен в 1994 году

Главный редактор С.Ю. Неклюдов

Редколлегия:

О.В. Белова (ученый секретарь)

Л.Н. Виноградова

В.М. Гацак

А.А. Горелов

В.Е. Гусев

М.А. Енговатова

А.С. Каргин (зам. главного редактора)

М.А. Некрасова

А.Ф. Некрылова

В.Я. Петрухин

С.М. Толстая

А.В. Чернецов

Ответственный секретарь редакции
А.С. Подгаец

Научный редактор С.П. Бушкевич

Макет и компьютерная верстка

И.К. Дергуновой

Корректоры Н.А. Мясникова,

Л.Г. Рыжова

Зав. редакцией И.Д. Васенкова

Адрес редакции: 119034,

Москва, Кропоткинский пер., 10

Тел.: (095) 246-8417, факс: (095) 246-3389

E-mail: crf@inbox.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати
и информации Российской Федерации. Свидетельство № 01827 от 30 ноября 1992 г.

Подписано в печать 13.12.2000. Формат 60×90 1/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л.
8,0. Тираж 3000 экз. Заказ 130. Цена договорная

Отпечатано в типографии ООО НТЦ «КВАН»
109391, Москва, Рязанский пр-кт, 2

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна

Журнал можно приобрести (оптом и в розницу)
по адресу: Москва, Кропоткинский пер., 10. Го-
сударственный республиканский центр русско-
го фольклора

© «Живая старина», 2000

На 1-й стр. обложки: И.И. Кузин (с. Троицкое
Сызранского р-на Самарской обл.). Портрет
отца — Игнатия Ивановича Кузина. Холст,
масло. 2000 г. Частное собрание.

На 4-й стр. обложки: И.И. Кузин. Астры.
Холст, масло. 1980-е гг. Частное собрание.
Фото В.Ф. Шевченко.

СОДЕРЖАНИЕ

«НАИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

С.Ю. Неклюдов. Тексты «наивной литературы»	2
Ф.А. Виноградов. «Ну теперь, барышни, пройдемте по гуляню...»	
Публикация О.Р. Николаева	4
Д.Е. Сидорова. Фрагменты дневника. Публикация О. Щербининой	8
Стихотворения А.И. Попковой и А.А. Садкова. Публикация О.В. Гордиенко	11
Н.М. Челов. На закате. Публикация В.Ф. Лурье	13
Н. Лифенцев. «Когда я подрост, себя стал возвышать...» Публикация Е.А. Михайлова	14
В.А. Блауне. «Я записал, что сохранилось немного в памяти моей».	
Публикация Н.Н. Миргородской	15
И.И. Кузин. «Вот я всё это хотел запечатлеть...» Публикация В.Ф. Шевченко	17
Н.П. Петрова. «Вот сижу и сочиняю...» Публикация А.В. Поповой	21
Н.И. Дмитриева. «Но про боль свою душевну никому не говорю».	
Публикация Н.А. Окининой, А.В. Тарабукиной	22
О.Р. Хромов. Лубочный мир Афанасия Куликова.	23

СОВРЕМЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР

Т.Ю. Власкина. Детские текстографические загадки	28
Т.В. Лис, И.А. Разумова. Студенческий экзаменационный фольклор	31
В.Г. Смолицкий. Байки «Неясной Поляны»	34

ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ

Л.Н. Виноградова. Рождественская звезда как ритуальный символ	35
Е.Л. Мадлевская. Образ Деда Мороза и современные представления о нем	37
Н. Лауринкене. Символика девятирогого оленя в литовских календарных песнях.	
Перевод с литовского М.В. Завьяловой	39
В.В. Усачева. Можжевелник в обычаях и обрядах славян	41
Вертеп в селе Ласицк Пинского района. Публикация М.А. Копыловой	44
Вертеп в белорусском Полесье. Публикация О.В. Ковалевой	45
В.С. Зубарева. «Даты не можем сказать, когда это было, но было...»	46

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Е.А. Костюхин. Два издания хрестоматии по русскому фольклору в свете истории советской фольклористики	48
В.Н. Медведева. Из истории хоровых обработок русских народных песен.	50

ЭКСПЕДИЦИИ

М.П. Чередникова, М.Г. Матлин. Экспедиции в Среднем Поволжье	54
М.А. Лурье, А.В. Филиппова. Змея в бутылке	55

ЮБИЛЕИ

К юбилею М.П. Чередниковой	57
К 100-летию Василия Ивановича Абаева	58

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В.Е. Гусев. Ценный труд словенского филолога	59
И.А. Седакова. Региональная культура Болгарии	60
Н.Р. Тимонина. Новая литература по фольклору и этнографии	61

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Е.В. Вельмезова. Конференция «Концепция человека в традиционной культуре»	62
О.Б. Христофорова. Фестиваль «Салехард-2000»	63

Содержание журнала «Живая старина» за 2000 г.	63
---	----

ТЕКСТЫ «НАИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

В последние годы исследователи современного фольклора все чаще стали обращать внимание на рукописные (реже — надиктованные) тексты авторов «из народа». Эти тексты явно не относятся ни к литературе (в привычном смысле этого слова), ни к «письменному фольклору». Стало ясно, что мы соприкоснулись с весьма значительным по объему, но почти совершенно не освоенным исследовательской рефлексией слоем народной словесности. Первой (и пока едва ли не единственной) попыткой подобного освоения является книга Н.Н. Козловой и И.И. Сандомирской «Я так хочу назвать кино. "Наивное письмо": опыт лингво-социологического чтения» (М., 1996).

«Наивная литература» (стихотворчество, жизнеописание, агиография и т.п.) имеет много общего с «парафольклорными» формами: песенниками, альбомами, рекомендательными эпистолярными (поздравительными и пр.) формулами и т.п. Она объединяется с ними как продукция спонтанная, официально не санкционированная, производимая «на потребление», а не «на сбыт».

Эти сочинения испытывают сильное влияние устной речи — лексическое (использование диалектных слов и выражений), фонетическое (воспроизведение на письме произносительных форм), синтаксическое (преобладание паратакиса над гипотаксисом), стилистическое (переход на рашный стих, включение в текст рифмованных строк, параллелизмов и других элементов народно-поэтического языка).

Есть у «наивной литературы» и ряд кардинальных отличий от фольклора. Прежде всего, ее тексты ориентируются на литературные (а не на устные) образцы; самими создателями они расцениваются как продукт индивидуального творчества (а не коллектива), т.к. включают выраженное авторское начало (в противоположность анонимному голосу фольклорной традиции). Соответственно, образцы «наивной литературы» представляют собой «разовые» (и в этом смысле уникальные) произведения. Зачастую они ориентированы на камерное, даже интимное бытование (семья, узкий круг друзей и т.п.) и не предполагают тиражирования.

По этим параметрам «наивная литература» противостоит не только фольклору, но также текстам массовой культуры, как раз тиражируемым и предназначенным «на сбыт».

Тем не менее критерии, по которым выделяется данная предметная область, не вполне четкие, а ее главный признак — «наивность» (следствие невладения на-

выками того самого литературного мастерства, которое принято за образец) — определяется и «градуируется» достаточно субъективно.

Поэтому «наивная литература» не отделена непроходимым барьером от сопредельных (или даже противостоящих ей) форм. Вне зависимости от авторских амбиций «наивное» произведение (например, «графоманские» вирши) остается в рамках камерного бытования, а интимный по своему замыслу дневник (даже и достаточно «наивный») при определенных обстоятельствах может иметь определенный издательский успех.

Источник, на который ориентируется «наивный автор» (например, хрестоматия начальной школы), подчас определяется довольно легко: не в силах выйти из поля эстетического притяжения своего образца «наивные сочинения» бывают склонны воспроизводить его большими, легко узнаваемыми фрагментами. Однако круг этих источников изменчив — и исторически, и социально. Переход «наивного творчества» в фазу «литературной самодельности» (вхождение в различные ЛИТО) повышает не только уровень писательской грамотности автора, но и его статус, модифицирует его коммуникативные установки (отношения с реальной или потенциальной аудиторией) и шкалу эстетических ценностей, что влечет за собой и смену литературных ориентиров.

Этим и многим другим научным проблемам, стоящим перед исследователями «наивной литературы», был посвящен семинар «Оппозиция устности/книжности в "низовой" словесности и традиции "наивной литературы"», который проводился 20—22 апреля 2000 г. в Институте высших гуманитарных исследований РГГУ (руководитель — С.Ю. Неклюдов). В нем приняли участие специалисты по народной культуре из Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Ульяновска, Перми, Челябинска, Шадринска. Приводим некоторые выдержки из выступлений на заключительном заседании.

«Наивная литература» — это художественные (непрагматические) тексты, автор которых осознает себя как Автор (в отличие от фольклора); тексты, в которых неосознанно нарушаются нормы существующей литературной системы. Для того, чтобы отнести произведение к «наивной литературе», нам необходимо рассматривать автора как человека, не имеющего ничего общего с литературой (в том числе и по социальному статусу) (А.С. Башарин).

Возможно, «наивная литература» — это следствие процессов, которые происходили в литературе в 1920-е — 1930-е годы, когда было провозглашено, что поэтическому и писательскому мастерству можно научить, и особенно приветствовались писатели и поэты из рабочей среды (Н.Е. Ливанова).

М.С. Крамской. Семейное праздничное чаепитие. 1970-е—1980-е гг.

Критерии для обсуждения проблемы «наивной литературы» могут быть предопределены социологией литературы, антропологией письма и чтения как типов культурной деятельности. Если мы будем рассматривать литературу прежде всего как социальный институт и лишь потом — как поэтический феномен, у нас появится возможность говорить о социальной типологии письменных текстов, получающих определенный статус в контексте различных общественных групп. Именно в рамках такой статусной структуры можно проследить те тенденции, которые приводят к появлению «наивно-литературных» форм (А.А. Панченко).

В контексте социологических и психологических дисциплин вопрос о том, что такое «наивная литература», мог бы звучать таким образом: когда и почему возникает необходимость в различении «наивной» и «ненаивной» литературы, какова социальная инстанция, заставляющая полагать или только соглашаться, что такой-то автор «наивен» и т.д. (К.А. Богданов).

Одним из значимых критериев выделения «наивной литературы» в особую область является специфическая социально ориентированная позиция наивного писателя: эта позиция располагается не в производительной, но в моральной сфере. Он представляет себя в качестве посредника (иногда — медиума в прямом смысле слова) между той социальной группой, чье сознание и опыт он верифицирует, и адресатом (потомки, молодежь, вся мировая общественность и пр.), отношения к которому имеют для автора обязывающий характер. Если идея служения для высокой литературы это то, к чему приходят в конце концов, то для «наивной литературы» это исходная посылка (С.Б. Адоньева).

Необходимо разграничение понятий эпигонства, графоманства и того, что может быть названо «третьесортной литературой», с одной стороны, и собственно «наивной литературы», с другой. Такое различие возможно при обращении к содержательной стороне наивных произведений, их телеологии, ограничению/предпочтению тематики, идеологии, характерным чертам мировоззрения (например, историософии), если таковые возможно выделить (К.А. Маслинский).

Нужно разграничивать собственно «наивную литературу» и литературу, бытующую в тех или иных субкультурах, где литературное творчество включено в систему, а произведения вполне соответствуют кодам, выработанным в рамках данной традиции (И.Е. Ферапонтов).

Применительно к обсуждаемому материалу необходимо разграничение «литературы» и «словесности». Если «наивная литература» осуществляет своего рода незаконную экспансию на территорию «высокой культуры», то это может относиться к «на-

вному» роману или поэме, но никак не к дневнику или частному письму. Имеет смысл обдумать что-то вроде понятия «наивный дискурс», под которое будет подпадать любое высказывание (в том числе и не имеющее литературной формы), устное или письменное, ориентирующееся на кодифицированный литературный язык, но не соответствующее конвенциональным нормам (Е.В. Кулешов).

Необходимо выявить, существовала ли какая-нибудь традиция, опосредующая ориентацию «наивного писателя» на «высокие» литературные образцы, и насколько сознательно и эксплицирована ориентация на них (М.Л. Лурье).

Важно проследить связь между явлением наивного писательства и массовым школьным образованием — ведь именно оно задает стандарты, ценностные ориентиры. Возможно, именно школа и создает наивного писателя, давая некоторые знания, но не давая полноценного литературного вкуса, чувства меры и достаточных навыков.

Хрестоматии образуют свое замкнутое смысловое и стилистическое пространство, настолько отличное от обыденного бытия, что наивный писатель воспринимает это пространство как священное. Отсюда — попытки ввести себя и свою судьбу в этот мир хотя бы путем изложения своей биографии языком пушкинской сказки (И.Е. Ферапонтов).

Поскольку «наивные авторы» имеют весьма приблизительное представление о «литературном каноне» (или совсем его не имеют), их тексты в первую очередь реализуют установку не на «художественную правду», а на «правду жизни». Это может придавать особую содержательную значимость тем элементам художественной формы, которые с точки зрения литературной нормы выглядят как несовершенство. «Наивная литература» предстает тем своеобразным типом художественного творчества и мирозерцания, для которого нехарактерна отчетливая рефлексия, вычленяющая субъект из предметного мира (Е.В. Милокова).

Авторы «наивных текстов» и носители литературного языка находятся в двух разных социокультурных пространствах, в каждом из которых действуют свои ценности, нормы, критерии, находящиеся в коллективном пользовании. Авторы «наивных текстов» принадлежат к другому социолекту, говорят на другом социально-идеологическом языке. Они пользуются литературным языком как иностранным, они в нем не живут. Пользуются, потому что социальный статус литературного языка выше, чем статус просторечья с его диалектами. Эта манера обращения с кодифицированным литературным языком как с чужим также может быть критерием, выделяющим «наивное письмо» из других текстов.

Однако автор «наивного текста» допускает систематические ошибки по отношению к литературной норме, отличающиеся от ошибок, которые допускает иностранец. В обоих случаях происходит столкновение разных «картин мира» и систем ценностей, но автор «наивного текста» все-таки находится в той же национальной культуре, что и носители литературного языка. Есть в «наивных текстах» стили мышления и образы, не характерные для нормированной культуры. Чтобы понять «наивный текст», нужно извлечь из него систему ценностей автора (А.И. Минаева).

У литератора из народа несоответствие написанного литературному образцу проявляется не только в отношении языка или поэтики опуса (что очевидно), но и в отношении прагматики текста (Е.В. Кулешов), не в невладении кодами, а в невладении грамматиками соединения привычных или не очень привычных единиц (И.Л. Тумаркина). Невладение кодом не тождественно нарушению нормы — такие нарушения могут быть и следствием определенного художественного задания. Принципиальна в данном случае осознанность или неосознанность нарушений (Т.А. Китанина).

Наивная литература идет за литературой профессиональной, может быть, с отставанием и противоречиями, но никаких новых форм она не выдумывает. Основным признаком «наивного» текста является зазор между нормативными характеристиками литературного образца (будь то жанр, конкретное произведение, поэтическая форма как таковая, письменная речь вообще) и реальностями текста; основным признаком «наивного автора» будет непреднамеренное невладение этими нормами (М.Л. Лурье).

«Живая старина» уже публиковала отдельные тексты «наивных авторов» (Гура А.В. Вологодская свадьба глазами крестьянина // ЖС. 1994. № 2. С. 40—43; Глинкина А. Невольное детство. Предисл. В. Щурова // ЖС. 1994. № 3. С. 42—45; Мороз А.Б. «А еще она страшно боялась пауков и лягушек...» // ЖС. 1996. № 1. С. 13—17; Яковенко М.Т. «Карагод». Предисл. В.Н. Медведевой // ЖС. 1998. № 1. С. 35—38). В этом номере вниманию читателей предлагается специальный раздел материалов и исследований по «наивной литературе».

Редколлегия благодарит М.Л. Лурье за участие в подготовке данного раздела.

Публикация осуществляется в рамках пилотного проекта 2000 г. «Виртуальные мастерские» Московского общественного научного фонда (проект поддержан фондом Форда, США).

Ф.А. ВИНОГРАДОВ

«НУ ТЕПЕРЬ, БАРЫШНИ, ПРОЙДЕМТЕ ПО ГУЛЯНЬЮ...»

А.Е. Куликов. Влюбленные. Эскиз декоративной росписи. 1917 г.

Федор Алексеевич Виноградов (1896—1987), мой дед по материнской линии, по особенностям своей судьбы, психологического склада и мировосприятия представлял собой ярчайший культурный тип русского крестьянина XX в. Он родился в д. Железница Холмского уезда Псковской губ. (сейчас — территория Торопецкого р-на Тверской обл.) в бедной крестьянской семье, имевшей, кажется, мещанские корни: его отец знал «портновское дело», чем зарабатывал на жизнь, мать гордилась в деревне тем, что она — «холомская мещанка». Закончил три класса церковно-приходской школы; выученные наизусть хрестоматийные стихотворения он любил читать и цитировать всю жизнь, применяя к разным жизненным ситуациям. Рано оставшись без отца, вынужден был ходить на заработки в соседнее с. Краснополье (бывшее имение графа Кушелева-Безбородько), чтобы помочь матери прокормить семью (еще два брата и сестра). В середине 1910-х гг. по совету родственника, занимавшегося отходничеством, мать отправила Федора в Петроград. В Питере он прожил несколько лет, обучился сапожному ремеслу и городской культуре мещанского образца («город приучил к всем культурным делам»). Федор Алексеевич оставил любопытные воспоминания о событиях октября 1917 года, увиденных глазами простодушного сапожника, вчерашнего крестьянина. Он участвовал в Гражданской войне, но обстоятельно об этом не рассказывал, ограничиваясь упоминанием курсов красных командиров, тифа, военных госпиталей того времени. В первой половине 1920-х гг. дед вернулся в родную деревню, сначала сапожничал (об этом периоде его жизни и повествуют публикуемые фрагменты), потом работал «по лесной части» (уполномоченным по лесозаготовкам). Ему довелось участвовать еще в двух войнах: в финской и в Великой Отечественной. Во время Великой Отечественной служил старшим поваром на офицерской кухне; за то, что подкармливал солдат, отправлен на передовую, где зимой 1942 г. получил тяжелое ранение; лежал в госпитале в Челябинске и в конце концов был списан. В Челябинске Федор Алексеевич окончил бухгалтерские курсы и, вернувшись домой, работал в колхозе счетоводом до самой пенсии. В 1974 г. д. Железница, известная по документам с XV в., прекратила свое существование. Федору Алексеевичу и его жене Ефросинье Михайловне пришлось переехать в пос. Плоскошь.

После смерти Ефросиньи Михайловны в 1984 г. дети забрали его в Ленинград. Именно здесь, по моей просьбе, он в 88-летнем возрасте и начал писать свою биографию.

Дед был прекрасным рассказчиком. В его репертуаре автобиографические рассказы и «были» о старой жизни занимали первое место, фактически отсутствовали традиционные повествовательные жанры, за исключением нескольких бытовых сказок и пародийных анекдотов. Рассказы были построены как своеобразные циклы «повелл»: о жизни в Петербурге, о войне и т.д. Некоторые из его «жизненных анекдотов» ушли в фольклорное бытование и пересказывались земляками. Федор Алексеевич сознавал ценность своего жизненного опыта и за автобиографию взялся охотно. К «писательству» он отнесся серьезно (каждое утро, попив чаю, садился за записи), хотя по свойственному ему ироническому складу патуры на вопрос гостей, что он делает, обычно отвечал: «Чужу!» Слово «чудить» с его производными было одним из любимых в лексиконе дед.

Письменная форма автобиографии задала ему совершенно иной тип повествования о своей жизни. Почти исчез повеллестический принцип описания событий, сюжетность оказалась размытой, подчинившись бытописательскому началу с вкрапленными элементами официальной документальности. Сказался чиновный опыт; скорее всего, для Федора Алексеевича значимым образцом словесности была именно деловая письменность. Художественной литературы он не читал, на пенсии увлеченно слушал радио и просматривал газеты, особо ценил официозную информацию, хотя и иронизировал по поводу ее штампованности. Шуточные импровизации, спровоцированные газетными заголовками, были его любимым занятием. К документам он имел особую любовь. Хранил всю колхозную документацию 1940-х—1950-х гг., что, кстати, сделало его деревенским ходоатом в 1960-е—1970-е гг.: благодаря сохраненным им колхозным бумагам многие его односельчане получили пенсии или добились их повышения. Впрочем, и вся хозяйственная жизнь собственного дома с расходами, доходами, заготовками сена, рождением овец

и телят, приездом детей была тщательно им зафиксирована в старых счетоводческих книгах. Интересно, что «чиновность» сказалась и на внешнем виде рукописи: почерк дед, искаженный с возрастом и по причине искаленной на войне кисти правой руки, тем не менее обладал признаками писарской витиеватости. Особое отношение к письменному слову, его мемориальность и репрезентативность (в историко-культурной перспективе восходящие к сакральности) ярко видны на фоне стратегии устного речевого повествования Федора Алексеевича, выполнявшего в деревне функции шута и балагура. Шутовское начало полностью отсутствует в письменной биографии человека, которого до сих пор жители окрести помнят скорее по многочисленным прозвищам (все они восходят к его излюбленным словечкам и выражениям), чем по настоящему имени.

В этой публикации представлены два фрагмента автобиографии Федора Алексеевича, объединенные одной темой: «как молодость гуляла в старицу». Во 2-м фрагменте история «гуляний по молодости» предстает в виде трех этюдов о любовных ухаживаниях. Интрига первого строится вокруг «интересной» репутации героя, его цегольства и «культурности» (кстати, в устных рассказах дед было еще более яркое описание своего пижонского облика тех лет: «при шляпе, с тросточкой, белый шарфик»); во втором — этикетное бытописание ярмарки осложнено коллизией «свое—чужое», что подготавливает появление третьего этюда, построенного на онегипской ситуации отповеди юной и неразумной возлюбленной. Любовные похождения героя заканчиваются по решению матери, напавшей достойную невесту своему сыну, который без внутреннего напряжения подчиняется ее воле. Вообще в «любовной прозе» Федора Алексеевича создается некий повествовательный конфликт: между игровой функцией, заданной спецификой описываемого материала, и правоучительностью, обусловленной преклонным возрастом автора и, вне всякого сомнения, самим типом письменной речи, требующей, по его мнению, дидактической идеализации. Устные рассказы дед были, как правило, лишены какой-либо подчеркнутой правоучительности.

Несомненное историко-культурное значение имеет описание «любовного быта» русских крестьян, столь мало известного науке: поведенческий и словесный этикет знакомства, ухаживаний, праздничных гуляний «с барышней». Отмечу еще одну характерную черту стиля «любовной прозы»: в ней эпизодически всплывает рифмованная речь, причем не только в случае этикетных фор-

мул, но и в самом повествовании. Подобную особенность можно заметить, например, в любовных дневниках купцов XIX в., что, очевидно, объясняется подчеркнуто игровой природой менцанской любовной культуры. Равенный стих в таком случае выполняет функцию своеобразного сигнала, указывающего на игровую реальность.

В тексте автобиографии Ф.А. Виноградова отсутствует членение на предложения, заглавные и строчные буквы одинаковы по написанию, почти не употребляются точки, из других знаков препинания используются только запятые. В глаза бросается преобладание в синтаксисе сочинительной связи, что сближает подобный повествовательный стиль с древнерусским. При подготовке фрагментов рукописи к публикации были расставлены знаки препинания, в основном с целью передать интонационный строй текста и специфику его синтаксиса, орфография приведена к современным нормам, за исключением написания, передающего диалектное звучание слов.

1.

Обычно проводилась ярмарка 4-го мая каждого года в поселке Красноселье, и все население праздновали, назывался праздником, и в церкви служба проводилась, желающие заходили утром богу молиться, большие старикашки, молодежь собиралась на гулянье, девушки и парни с гармошкам, нарядные, идут партиями: парни играют, девушки подпевают — с таким весельем. А на площади настроены деревянные ларьки по сторонам дороги; навезено с города всякого товара: мануфактура, разные сласти, конфеты — все ларьки завалены. А главное — вся забава в молодежи — семечки покупают и лущат, ходя вдоль дороги; девушки хорошо одетые, и начинают веселье заводить, парни как заиграли в гармошки, тальянки; прохаживаются и песенки поют:

Разойдись, толпа народа,
Шайка жуликов идет.
Если будет непорядок,
Вас отсюда уберем.

Парни разгулялись, стали гостинцев покупать и начали подходить к барышням, просить разрешения: «Уважаемая, как бы с вами сегодня познакомиться». Барышня: «Можно, пожалуйста». Парень Миша говорит: «Вашу ручку! Как вас зовут?» Отвечает: «Необязательно». Парень Миша руку крепче девушке жмет, в глаза смотрит: «Так как же мы с тобой будем знакомы, и другу друга встречать, и не буду я вас знать, как вас звать? Какие в меня могут быть к вам любезные ласки? Вы откройте свои глазки, сколько в них ласки». — «Я Танька». — «Вот теперь я уже вижу, что вы ко мне приближаетесь. Так я вас угощу, Таничка, гостин-

цем». Взяла: «Спасибо». — «Разрешите вас, Таничка, взять под ручку, и пройдемся по ярмарке». Народу очень много ходит по ярмарке, веселятся; собирается молодежь кружкам на дороге, приносят сиденье гармонисту, сажают в круг гуляния, гармонь в руках, начинает играть, заказывают русского — две девушки с одной деревни, Носково, Тоня с Верой, молоденькие — «нам с песнями!»:

Гармонист, гармонист,
Хороша гармоника.
Разрешите, гармонист,
С вами познакомиться.

По всему поселку и всей ярмарке такое открылось веселье, хоть домой не ходи. А тут такую шутку устроили: два парня, а дружили с одной девушкой, деревни Лука, Маруся, очень интересная, красивая, кудрявые волосы, — и вот народу много, все стараются, кому что надо, жмутся, эта же красавица Маруся стояла близко к стенке. Все гуляют, покупки покупают, а она подзастряла. Народ стал расходиться от ларька, эта красавица Маруся тоже, народ отошел, еще малость оставши, и вот она стала повертываться; хотела шагнуть, а ей не оторваться от ларька. Она посильней дернула... и провала новое хорошее платье. Тут все, кто видел, на смех подняли. Оказалось, что драночным гвоздям платье было приколочено к доске, и платье так разорвалось, что нижняя рубашка видна, вся задняя часть видать. Тут достали, немного подзашили, а тут все на смех подняли: «Зачем красивая родилась, всем парням нравится». А тут по народу разнеслось: «Маруся, не будешь двух парней любить! Вот тебе подружки и подшутили на обозрение всей ярмонки». Но результатов не выяснили, что кто подшутил. Так Маруся тут и ярмарку бросила, до конца не догуляла, своих парней и не видала.

А тут еще самое гулянье было в молодежи — знакомились, ходили, танцевали, плясали, песни пели, но очень многие познакомились, и стали девушек с гулянья парни под ручки провожать до самых домов, где и какая девушка живет. Разошлись, распрощались, все довольные остались, на расставанье песен попели: «Хорошо было свыкаться, ишедши с гулянья, но тяжелешенько расстаться, друг от друга уходить». Но говорит Маруся другу Мише: «Люби меня, как я тебя, будем счастливы — ты и я».

2.

Дальше выехал из города в деревню, как говорится, на родину. Мать с братишкой жили в деревне, но жизнь была тяжелая, все же я был приучивши шить кожаные сапоги <...>.

Вот и я целью задался, пошел на эту работу, работать приходилось у крестьян.

Тогда еще при царском царстве жили единокличники, и вот узнали, что такой мастер явился — шить с нашей выделки целые сапоги, никаких шов нет на верхнем сапоге. И, бывало, приходят к хозяину, где я работаю, смотрят и мне говорят: «Как отработаете у этого хозяина, заходите, пожалуйста, ко мне, в меня пары на две сапог товару». — «Но хорошо, зайду». Вот так и получилось, зашел посмотреть, товар был у хозяина хороший. И вот я шил этому хозяину, который приглашал, три пары мужских сапогов с голенищам — очень понравились. А в него было три дочки, оне говорят: «Теперь мы вас попросим, сшейте нам по бареткам, и вот с этого товару». Я отобрал, который был мягче и потоньше, выбрал — и как для барышень и угодить, и с этого времени стал с ними знаком, дружил, и на гулянье ходил, и пока у них работал, так оне меня уважали и очень хорошо кормили. Хозяйство крепкое было, и животных держали: 4 коровы, 2 лошади, овец, борова большого. И вот оне мне хорошо заплатили — мясо, вообще всей продукцией. Так хорошо с хозяином и хозяйкой дружбу завели — вплоть до того, что они даже согласны и дочку за меня выдать замуж или к себе в дом взять, но еще молодые — 16 лет, но они все втроем мечтали.

Но я, конечно, прославился — хороший сапожник, меня в своей округе все население узнали, что я молодой человек, такой красивый, и все не нахвалятся, даже приходили к мамы, Пелагеи Ивановны, на дом, в нашу деревню Железницу. За несколько километров был праздник, праздновали в одной деревне Вознесенье, и вот пришла одна женщина, 40 лет, и меня не было дома, а было гулянье, от нашей деревни два километра. Эта дамочка зашла к нашему соседу и расспросила: «Что такое?.. Есть в вашей деревни такой молодой человек, приехавший из города Питера; слух прошел — он очень красавец и сильно умный». Да бабка ей говорит: «Да, правда, — говорит, — нашим девушкам не поделить». — «И вот как бы мне его увидеть, посмотреть». Так, она не поленилась, дошла до той деревни, гулянье в одном доме. Но я-то с города, одет очень хорошо — в костюме, ботинках, при шляпи — высокий, стройный, танцует. «Откуда это парень?» — «На! — говорят, — городской, с Железницы». А эта бабка с Игнатьева, Богача. Так ведь бабка разведку сделала, сватывала железенского парня, Федора Алексеевича, дочке Маруся, и говорит: «Да, доча, не знаю, как этого парня поймать? С ним-то и поговорить надо уметь. Я насмотрелась на него, так мне его вся не только краса, но вся выходка, и вся фигура — только смотреть».

И вот как раз в той деревне был праздник, и там гулянье, ярмонка. Было около церкви Столопно, много собралось молодежи, богомоление было, дорога хорошая, сухая, так с гармошкам парни ходили, пес-

ни пели, погода ясная, солнечная, такое гулянье, пляска; лавочки были настроены по обеим сторонам дороги, и вот толпам народ прохаживается, молодежь, подходя, гостинец покупает и тут же девушек угощают. Шутки, смех — почти с 8 часов до 10 вечера часов, все гулянье тут малость подвыпили — веселей пошло. Девчаты все спрашивают: «Откуда молодой человек?» — «Да, — говорят, — с Железницы». И вот я с парням знакомым, со мной прохаживались, — и как раз эта барышня, которая к нам хотела подознаться. Я-то не так знал этой барышни, но она говорит своим знакомым парням: «И этого молодого человека приглашайте, пойдем ко мне в дом, в меня гулянье будет в доме. Вот мы, — говорит, — с девушкой пойдем, а попосле с гармошкой, и вот пусть с парням». Оне говорят: «Надо немножко глнуть для смелости»; но и я говорю: «Можно помалу». Глонули — мои ребята заиграли и запели, уже нас встречают девушки на дороге; мы тут сели на сложенные бревна на улице, хозяин дома ведро малированное целое несет к нам, парням, и я с ним, меня не бросали с компанией. В ведре пиво хлебное, своего варения, и вот — нам, начинает угощать — вкусное такое. По бокальчику выпили, поблагодарили. «Потом, друзья, пойдемте в комнаты, дадут праздничного, ведь наш престольный праздник — Илья». Ну что? — приглашает хозяин, надо идти. Стол уже собран и все собрано, стоит всего... — разной закуски, вина на столе. К столу посадили, и хозяин с нам в компании, наливает и угощает; вино торговое, крепкое — хорошо! Дальше открыли в доме гулянье: танцы, песни, пляска — пошло! Вот так я погулял, потанцовал, поплясал русского, и вот все собравши на гулянье, так я уважил — с этой барышней Маруськой, с этого дома; бабка любовалась все на меня и на свою дочку Марусю, как я с ней танцевал, и бабка так довольна, что такой парень познакомился с моей дочкой. Так отгуляли полный день в этой деревне да еще и вечера хватило. Я пошел домой: «Ну, теперь, Маруся, провожай меня домой!» Посидели, распрощались до первой встречи, она одна пошла домой, и я тоже пошел домой. Домой пришел, мама говорит: «Где ты, сынок, был?» — «А я, мам, на твоей родине гостил, на Игнатьеве деревне, в Даньшове, у Димитрия Богача. Вот и невесту нашел, да как меня там угостил хорошо. С ярмонки пригласила Маруся, про которую говорили все: богачка, парням идтить к себе в дом... взять хозяйна. Вот пожалуйста, и дом можно — займет».

Но я-то сам себе думаю: нет, надо оглядеться, что будет дальше, свой дом надо поднять, еще мать и брат, надо и поддерживать, пока я еще работать хорошо могу и денег заработать тоже, поднять свое хозяйство, а это дело — идти в чужие дома — это всякое время не поздно. А, во-вто-

А.Е. Куликов. «Ох, не страданье, а только мученье...» Оригинал лубка. 1927—1928 гг.

рых, еще молодой, да в такой славы, в хорошей — погуляю, молодость буду вспоминать, как проводил молодую жизнь, есть, про что вспомнить. Да еще интересно: молодой — куда ни пойдешь, все с почтением относятся, а тем более девчата, хотя, правда, стеснялись меня, но барышня одна, боевая, смелая, скажет: «Не, девушки, нам с ним и говорить-то не сумеем. Он же городской, — говорит, — так модно, а мы серая деревенщина — стыдно встречаться. Мы-то: "Здорово!" — и называть: Федор Алексеевич, — тоже стыд нас одолевает, не намерены сказать. Все стыдно так, что...» А охота девушкам познакомиться, но деревенским девчатам, конечно, совестно, что оне нигде не бывали и знакомы ни с кем не были, а я такой парень — город приучил к всем культурным делам, даже до того, что каждого человека называть по имени-отчеству. Вот если разговариваю я с кем-либо и называю по имени-отчеству, то девицы прислушиваются и удивляются, и между собой говорят, что «нам охота с ним познакомиться, но совестно».

И вот была ярморка в селе Бончарово, барин Чириков, село очень красивое, аллеи по обеим сторонам дороги, и дороги оканавлены очень прямо, чистота. А ярморка бывала каждый год в Пятроводень, 25 июня, и вот людей собиралось очень много, а главное — молодежи, с гармошкой гулянье, прямо толпам ходят парни, девушки, в гармошку играют, песни поют, пляшут. А тут неожиданно подходит незнакомая личность к нам, а мы с товарищем шли вдвоем, говорит нам: «Не ошибусь вас спросить, как бы мне узнать сапожника с деревни Железница. Говорят, он городской сапожник, все говорят, хороший, Федор Алексеевич». Он мне отвечает, старик: «Но я вас хочу попросить, как бы вас ко мне на дом пошить сапоги,

в меня есть материал своей выделки и часть хорошего для легких бареточек, в меня ведь есть молоденькая девочка». Но хозяин культурный, идут девчаты, и вот стоит хозяин, крикнул: «Надя, ко мне!» Дочка Надя и сейчас подбежала к нам и поздоровалась, хотя, говорит, молодые люди незнакомые. «Так вот, доченька Надя, я и сапожника нашел, могу познать, вот этот, молодой, Федор Алексеевич, молодой, обещается выполнить мою просьбу». Договорились, за этим разошлись, но барышня мне понравилась, и все же разница от деревенских — одета красиво. Так мы разошлись, но эта барышня мне понравилась, Надя.

Так, мы с парнем опять пошли по ярмарки гулять, погода была хорошая, приятно было пройти, но я говорю своему товарищу: «Что же мы одни ходим? Смотри, товарищи с барышнями прогуливаются, а мы разве не сумеем пригласить да пройти с девушкой». А вот идут совсем незнакомые, с дальних деревень, с которыми мы разговаривали, и их шло две, и Надя с подружкой навстречу нам. Я подхожу и говорю: «Барышни, вот будто я вас узнаю. Нельзя ли с вами познакомиться и пройти». А дороги длинные были, еще горка, снизу вверх поднимаются, красиво, трава, цветы за канавой, подсолнух. «Вот, девчата, можно пройти». Вот мы с товарищем и пошли с ним. Теперь мы разлучимся по парочки, пошли: я — с этой Надей, а товарищ — с другой барышней. Я говорю: «Что же вы ходите под ручки, так и разрешите вас, незнакомых, взять под ваши ручки, поближе быть знакомым». И они на все согласные дают, вот мы прошли с конца в конце по всему гулянию. Здесь и на дороге танцы, пляска с песнями. Тут я говорю: «Но как вы, девушки, чем занимаетесь, какая пляска знакома, то пожалуйста, я закажу, гармонист сыграет». Оне

говорят: «Кого может». Заиграл — «Вас, Надя, с подругой» — пошли танцевать. Я Надю пригласил, а товарищ — подругу, Паршину Валу, и начали. Толково было, было разгулялись. После танцеванья прошли еще по гулянию. «Ну, барышни, теперь пройдемте в парк, посидимте». Там много зелени, разных цветов, пруд с водой, лавочки для сиденья. Походили по саду, цветов нарвали, все так по-толковому, познакомились. Но потом: «Барышни, наверно, уже куснуть, чего догуляли, надо». Пошли на ярмарку, подошли к ларьку, взяли пива, печенья, конфет и тут же начали барышень угощать. Они стесняются, пива не пьют, а по прянику, конфет взяли, но я говорю: «А что вы не пили раньше пива? Но все же для прежнего знакомства хоть малость надо выпить». Я товарищу говорю: «Сходи, наливки возьми», — будто неудобно дальних барышень не угостить, домой пришедши, мамкам нечего сказать, как погулялось, с кем-либо повстречались, или к вам никто не признался с молодых людей — это же матерям очень интересно знать, что детей призрили.

Да вот, вина, коньяку принес товарищ, я говорю: «Девочки, ну теперь на прощальную пойдемте в парк, там столики есть». И вот мы с ним пошли в парк, четверо нас: Надя и Валя, и мы с другом, пришли в парк, к столу сели, разложились на столе, что есть, поставили бутылку коньяка, пирожное, конфет, пряники. Наши барышни ни в какую, стесняются, но сели к столу, но в меня была для случая взята питерская минзурочка, я наливаю прежде своей Наде — никак! Я говорю: «Это же царьковское вино, что причащают», — но прямо беда! «Но, хорошие девочки, мы больше с вами встречаться не будем, если вы нас не уважите, то наша с вами может дружба потеряться. Так вот, вы, Надя и Валя, выпейте, хоть пополам минзурку». Вот тут оне — «ну, уважая вас, за ваш уход за нами» — выпили, и вот мы с товарищем — «за ваше первое знакомство» — выпили. «Ну теперь, барышни, пройдемте по гулянию, да потанцуйте, попляшите, мы вас проводим; а то можем пригласить к нам попочевать, если у вас желание. Не забывайте нас, если мы вам приглянулись, и понравилось в наших краях, и вообще наше гулянье». Так мы с другом провели километров пять, попрощались, им на дорогу дали гостинца — снести своим родителям, чтобы родителям было весело, что были наши дети в чужом краю призрены.

И вот после этой ярмонки сколько разговора в наших девчатах, что это у нашего сапожника были барышни. Всем нашим девчатам очень удивительно, «что откуда так явились девушки, наших парней считай, от нас отобрали, и нам обидно стало; но мы теперь будем умнее и смелее

встречаться со своими парнями, вообще знакомиться и приглашать на гулянье», — вот так стали девчата. Как собирается гулянье, я встречаюсь с девчатами, идут с работы навстречу, и они «Здравствуй!» дают и с улыбкой говорят: «Хоть совестно, но откаемся вас пригласить на наше гулянье, в воскресенье, нерабочий день, в деревне Носково собирается молодежь». Одна молодая девушка, смелая такая, говорит мне, Федору: «Вот вы нас, своих, обидели на ярмарке в Бончарове, призрили дальних барышень, а что разве мы такие плохие, некрасивые, и я бы с вам рада время провести как с городским молодым человеком». И вот вроде она мне понравилась... такая, Наташа. «Ну вот, приходите на наше гулянье, будемте знакомы, и нас девчат развеселите, и вы к нам привыкните, и нам будет посмелее к вам подойти». Вот так с ней побеседовали на дороге, и пригляделся на ее выходку, а главное, поговорить, может быть, и приютит, и тоже не оттолкнет от себя. И вот я, Федор, на гулянье на их сходил, так эта Наташа приглашала даже танцевать с собой, и вот так она понравилась мне на первый раз. Девушки говорят: «Вот наша, живо и познакомилась с таким парнем, а главное, с городским. Но ведь такая смелая, ей ничто нипочем». Вот так я хорошо погулял да еще познакомился со всей молодежью. Начали с гулянья уходить, и эта же Наташа... — я, стоя с товарищем на крыльце, все с гулянья уходят к дому мимо нас — и вдруг неожиданно она подбегает к нам с товарищем и говорит: «Молодой человек, вы одни тут, вам одним идти, так я вас приглашу, желаете, пойдемте ко мне». А уже свет начинается, но я ей отвечаю: «Товарищ пошел», — она говорит: «Совестно, но вы не стесняйтесь, ведь свой край, своя родина, надо обращаться смелее. Так вот желаете: вы меня провожайте или я вас». Но я говорю: «По закону, как я мужчина, должен ухаживать за женским полом, да еще за молодой барышней, да первый раз встретивши, мне вас надо поблагодарить за ваше внимание, что вы меня так приняли на гулянье, развеселили и хорошо потанцевали, гулянье было очень хорошее, теперь я вас провожу до вашей деревни». Четыре километра провел, попрощались — «в следующий раз встретимся».

И вот она, эта барышня Наташа, — все распрощались, она домой, и Федор домой — и вот она влипла в меня, что не дожидаться того времени, как бы встретиться со мной, даже прислала записку, как я бы пришел хоть вечерком. А там, на ихнем поле, речка протекала, летом время — цветов так много, вот надо потешить барышню, а оказалось ей еще семнадцать лет, еще она... и в ней умок детский любовь ест. Вот я справился, пошел к речке, а она тама уже цветов набрала и ходит

около речки и напевает: «Жду и не дожусь милого Федюшки на этом месте. Наверно, меня разлюбил, или я нехороша, или мной недоволен. Но что еще сделать и чем услужить, чтоб он полюбил бы меня. Я с ним обращаюсь и ласково, как родная сестра. Что скажет, все приказания выполняю — не отказать, не смогу, потому что люблю, даже во сне вижу, будто мы спим, все любимся один с одним, все хочется видеть его». Но вот идет ко мне навстречу с цветам и бросилась на плече, ласкается, как молодка, со мной, говорит: «Я соскучилась по тебе». — «Но пройдемся до речки, посидим, побеседуем по-настоящему». «Вот, Наташенька, я, Федор, как ваш друг, дам вам совет добрый, что вы — молоденький умок, еще глупой, вам нельзя с молодым парнем знакомиться, они парни бессовестные бывают, а в тебя, Наташа, умок еще детский, ты еще помедли новые уступки. Но мне, Федору, жаль, еще тебе можно гулять, но мы с тобой будем дружить. Пока я дома поживу, по-хорошему дружить и встречаться пореже, нельзя так крепко дружить — пореже, а то похудеете и гулянья не увидите. Я вас бросать не собираюсь, пока поставлю хозяйство свое, как мне нравится. Вот будешь помнить навсегда, а будешь человеком, будем встречаться пореже, когда ко мне подбегашь повидаться, когда времечко будет. Ну, а что другое нам с тобой делать еще рановато в таких годах, что дальше будет... в дальнейшем. Будьте здоровы, Наташенька, еще наша жизнь впереди, а к семейной жизни не нужно, это еще впереди, никуда не денется, надоест и та жизнь, с таких лет вступивши в семейное положение, надоест: что жил, молодых лет не видели, когда они прошли, ничего хорошего не видели, все прошло, все прокатилось, и молодость прошла. А нам надо молодость провесть, как положено, до 25 лет, тогда будем вспоминать свои молодые годы — погуляли, повидали всего». И вот на это заключение даем.

Продолжение об этой барышне, что сказала: «А как быть?» Я ей, Федюха, ответил: «А что я тебе говорил, что в таком возрасте нельзя вовлекаться сильно в гулянье и присматриваться на молодых парней, а успокоиться и установить себя, сделаться самостоятельной девочкой, чтобы и соседи сказали, что вот наша познакомилась с молодым человеком, какая умная стала, уважительная, и разговор приятный стал, слушать интересно стало». Она встретила со мной и стала даже мне, Федору, говорить, что «меня, Наташу, похвалили, что я познакомилась с хорошим человеком, он меня наставляет на передовую жизнь, а в настоящее время надо жить с родителями и им помогать в хозяйстве, на работе, а в гулянье не уклоняться. И если себя не поддерживать, после сама. Наташенька, будешь обижаться, а гулянье

не уйдет от тебя, и твой еще возраст не большой, и дальше наживешься в семейной жизни. Вот учти, в семье науку будешь помнить навсегда, но я науку даю, что мне вас будет жаль, что можете свою молодую жизнь потерять, но я вас буду держать в уме». Я этой деве дал слово, что я вас буду держать в уме, а сейчас я сменю свою работу, поступаю работать в лесную организацию по работе мастера-заготовителя леса, и дров, и других материалов лесной продукции.

Но дома бывал изредка, работал на участке Ярославк Галибичского сельсовета, было от моего дома, от моей деревни, 30 километров. Приходилось снимать у хозяина комнату, где работаю. А снимал так: договорились с хозяевами — вы берите с меня за месяц, я с вами буду питаться вместе, как ваш семейный, и все ваше хозяйство за мной, все — я как ваш семейный. Вот договорились, я так стал на участке работать, получать зарплату месячную, получал 75 рублей, а в месяц платил хозяину 25 рублей за все расходы, но еще получал премировки за выполнение, перевыполнение плана, за хорошую работу, а эту сапожную работу бросил, кой-кому изредка — не забывал, порабатывал. Всех барышень знакомых стал забывать, все заводил свое сельское хозяйство. Мать с сыном дома работали и кормились, но, конечно, с моей помощью. А потом на своей деревне Железнице нашла мне невесту, прихожу домой со своего производства, она мне говорит: «Сынок, я тебе нашла невесту, рядом с домом, Ефросинью Михайловну. Она рабочая, спокойная девушка, будет мне помогать. Я, сынок, плоха стала, хоть небольшое хозяйство, но надо ухаживать». Корова была, овцы, куры, лошадь — все надо делать, брат помогал и на сторону, к людям на работу ходил. Но согласился я со своей мамашей: «Довольно, сынок, погулял, хотя дома, но мы тогда вдвоем будем жить, а ты нам будешь помогать со своего заработка». Так, мы свадьбу сыграли, в церковь Красноселье ездили венчаться по-крестьянски. Даже мои знакомые девушки на свадьбу приходили, свадьба веселая, бабки песни пели, плясали, полный дом народу было. Одна девушка заплакала, говорят посторонние: «Такой парень женился на деревенской девушке: за его красоту, за его выходку ухаживали ученые». А в некоторых разговорах такой был, что мать уже в работе слаба стала, надо ей помощница, вот он умно делает. Вот я пока работаю в лесной части, построил домик хороший, стали и соседи завидывать. Стал хозяйство поднимать, заработки стали повышать, и дело пошло в гору. И вот и хозяйка молодая, рабочая, все старалась, и мамы легче стало, все за меня Богу молила, что я вина не пил, все старался в доме.

Публикация О.Р. НИКОЛАЕВА
(Санкт-Петербург)

Д.Е. СИДОРОВА

ФРАГМЕНТЫ ДНЕВНИКА

Произведения Домны Ефимовны Сидоровой (1893—1981) увидели свет только после ее смерти — в наши дни¹. С детских лет она завела тетрадки, в которых записывала события жизни, свои стихи, рассказы, сказки, а еще огромный роман из жизни крепостных крестьян «Барщина». Тяга к писательскому труду для нее самой была необъяснимой; просто она не могла не писать, хотя окончила всего три класса сельской школы. Тетрадки исписывались с корками, бережно перевязывались бечевками — по годам — и складывались в черный фибровый чемодан. Домна Ефимовна во всех скитаниях своей трагичной, беспокойной жизни берегла этот чемодан как главную драгоценность. Часто тетради извлекались на свет, из них читалось вслух, заучивалось наизусть — для выступлений в госпиталях во время войны, на праздниках и елках в детских садах: Домна Ефимовна долгие годы работала с детьми. Дети — другая страсть (после писательства) ее долгой жизни. Может быть потому, что росла старшей дочерью в семье смоленских крестьян Жуковых и выпяничла десятерых своих братьев, она мгновенно находила общий язык с детьми.

Дважды Домна Ефимовна выходила замуж. Первый муж Черняев сгинул в годы гражданской войны, как и многие близкие. Выйдя замуж вторично за уроженца города Тюмени А.Н. Сидорова, Домна Ефимовна берет новую фамилию. Под ней мы и публикуем фрагменты ее дневника конца 1920-х — начала 1930-х гг., передающие атмосферу тех лет, утопические чаяния и горести поколения.

К печати текст подготовлен внучкой автора. В квадратных скобках даются пояснения публикатора. Орфография и пунктуация выправлены; в некоторых случаях сохранено старое написание.

Тетрадь 13-я

...Прошло три года [после замужества]. Детей у нас нет. Начинается новая сказка... Я, конечно, очень переживала: муж меня очень любит, но ему не хватает для полного счастья ребенка. В 24 году нам подбрасывают мальчика 6-ти месяцев, звать Василий, крещеный. Кругом сады, может, мать тут скрывается, мы не стали искать. Муж пришел со службы, я его встретила: поздравляю, говорю, Саша, у нас сын Вася. «А ну, где?» — Я поднесла к нему. Муж: «Ну, богоданный сын, иди ко мне». Малыш улыбнулся и подал ему руки. С этого дня он стал наш родной, все было для него². Мы поклялись с мужем не говорить никому, что у нас подкидыш. Свой — и basta. Муж пишет своим родным на Урал: у нас семья прибавилась.

Домна Ефимовна Сидорова в конце 1950-х гг.

Сестра старшая, которая ему заменяла мать, пишет: «Санчик, я очень соскучилась. Я хочу знать, счастлив, нет ты в своей женитьбе». Он пишет: «Мне больше ничего не надо, у меня дочь [дочь Домны Ефимовны от первого брака Груня Черняева, моя мать] и сын, все меня любят, на работе все меня уважают...»

26-й год. ...Сестра Анна Никифоровна, больная, пишет: «Приезжай, я погляжу твою семью и спокойно умру. Я тебя 7 лет не видала...» Что же, пришлось поехать. Любовь сестры все трудности победила.

Декабрь месяц, хотя не холодно — снег, слякоть. На конях до Бешкека [из Талды-Кургана] мы тянулись месяц, весь декабрь, сколько за дорогу приняли — не перескажешь... 27-го декабря прибыли на станцию Тугулым. Нас встретили на трех подводах. А мороз — сорок градусов, мы с непривычки просто задыхались. Вася закутан, ему 2 года и 6 месяцев. Ехали мы от станции 5 километров час, промерзли порядком: одежда легкая, а валенок там не носят. Сестра Аноута нас встретила со слезами, Васю передают с рук на руки. Анна Никифоровна: «Господи, надо же! Копия Санчик! Он был такой же маленький, волосы такие же беленькие». Но и хорошо, подошел под сидоровскую приrodu.

Началась новая жизнь. Муж устроился на завод в Тюмени бухгалтером.

В 28 году новая смута: гонение наро-

да. Местные власти вели несправедливую, [не]ленинскую линию: одних выгоняют, а других в кучу сгоняют. Старший брат мужа записался в колхоз, он хороший хозяин, прямой и справедливый человек. Пишет: «Саша, выезжай [из Тюмени], я тебя записал в колхоз».

Мы приехали. Муж начал работать бухгалтером колхоза, я на полевых работах. Вот на общем собрании начали судить да рядить; молодые коммунисты очень искажали ленинскую идею. Идея новая, большая, широкая, никто ее правильно не изучал. А управляли кто как мог: партбилет в кармане — управа на аркане! Волокут ее [идею] во все стороны. У нас вначале родилась сельхозартель, можно назвать первая ступень коммунизма. Не было никаких трудностей, нас было 4 души, работали по возможности — получали по потребности, все были довольны³.

Началась новая смута: надо крепить артель, а ее начали разгонять. Но что делать, кому жаловаться?

Бог высоко,
А Москва далеко.
Хоть бы кто посетил,
Да план новый начертит⁴.

Собрали собрание и переливают с пустого в порожнее! Одни говорят — другие молчат, по какой дороге идти — не знают. Старший брат мужа выписывал московскую газету, вытащил: «Послушайте, братцы, что пишет нам Москва. Мы не прислушиваемся, как нас учат управлять. Что мы толкемся кругом да около, ничего у нас не клеится!» Тут молодой коммунист Мальцев закричал: «Уходи со своей газетой! А если будешь бузить — мы тебя уберем с дороги, ты нам мешаешь строить и укреплять колхозную жизнь».

— Иннокентий Никифорович! — закричали старики, — говори! Ты правду говоришь!

Брат мужа: «Дайте, — говорит, — в последний раз сказать правду. Вы не ладно судите: из батраков и пастухов колхоз не постройте. Надо всем в одно сливаться. Наш колхоз звание высокое занял — «Передовик», первый в районе [Тугулымском] родился, так пойдемте вперед, а за нами весь народ. У нас кулаков нет, есть пять семей зажиточных, у них нет ни заводов, ни пароходов, мы все хлебобобы. А если не так — я подаю заявление [об уходе], я вижу, что правду никто не любит. А я выписываю и буду везде говорить правду!»

Все собрание зашумело: правду Сидоров говорит! Молодой коммунист Мальцев закричал властным голосом: «Ты, Сидоров, бузотер, уходи и никогда не носи собрание свою газету!»

Я вышла, заступиться за деверя: «Товарищ Мальцев, — говорю, — вы искажаете ленинскую идею. Я беспартийный большевик, в политике мало понимаю, но

мне не понравились ваши выражения... Ведь мы по новой жизни являемся перво-классники, начинаем нашу жизнь с аза и буки...»

...На второе собрание Иннокентий Никифорович принес заявление, его отпустили, не стали возражать. Но этим дело не кончилось. Вызвали в сельсовет и заявили: «Ты соберешься, Сидоров, поедешь в Тобольск. Запрягай свою пару, сади детей, муки мешок. А дом останется государству». Он говорит: «Вы что меня, кулаком считаете? За что вы меня из дому гоните, за язык?»

— Там будешь газеты читать!

Собрался наш Иннокентий, посадил четырех детей: два сына и две дочки. Зима стояла холодная. Сели и поехали без малейшей вины...

Вот тут я не поняла новой политики.
Один палку перегнул,
Другой ему подмигнул,
Третий посмеялся,
Четвертый в «кулацкий» дом

забрался...

30 г. Мы работаем с мужем, дочка вышла замуж. Я поступила в дет/ясли, поваром год проработала, меня послали на курсы сестер-воспитательниц. Сдала [экзамен], начала работать. Засуха, неурожай, обрабатывать землю нечем. Кони плохие, машин нет...

31-й год. Совещание правления, пришли агрономы, зоотехники. Позвали актив, я пошла, все меня интересовало. Агроном говорит:

— Что будем делать? Надо коров мобилизовать — боронить не на чем! Сорвем посевную.

Все бабы заголосили:

— Не дадим коров! У нас вся надежда на коров. Дети подохнут с голоду!

Зоотехник выступил:

— Что вы шумите, молоко не потеряется, еще больше будет.

— Верно! — закричали женщины. — Ты нас не дурачь! День будет борону таскать и столько молока будет?

Я говорю: «Не надо скандалить. Поле наше, надо обрабатывать. Завтра коров не погоним в табун. Надо помочь, пока земля совсем не высохла. Поймите: все наше. Как посеешь — так и пожнешь».

На второй день пошли наши кормилицы боронить, чтобы честь «Передовика» не уронить. Моя корова большая, как конь. До обеда таскает борону, устанет — ляжет в борозду и хоть убей — не встанет. Неделью хорошо ходила, но ее, говорят, били дрыном по ногам. Корова стала жаловаться на ноги, молока совсем не стало, корова лежит. Пришел врач: корову придется резать, у нее ноги, вымя — все атрофировалось. Так пришлось расстаться... Зато моя Красуля заборонила сто га...

Прибыл дорогой гость — трактор. Все ходили толпами глядеть — стар и мал. Я

взяла старшую группу детей и повела смотреть. Пришли мы на поле, встали в ряд, идет мальчик-пионер, привел бабушку: погляди, и как отлично пашет!

Баба хмуро заворчала,
Головою покачала:
Вам потешно и смешно.
А пахать на нем грешно!
Создал его леший,
Лучше ходить пешей!

Эта бабушка была Степанида Сидорова. А председатель колхоза в то время был Василий Воробьев. Мировой парень, грамотный, народ его уважал. Но были такие люди, которые его чернили, ставили ему пятном дядин дом: он сирота, у дяди воспитывался, так его, беднягу, трепали не глядя на его заслуги. Он провел электричество, изобрел сушилку, но ему не давали ходу, били, как говорится, по рукам. Заместитель его — Б. Фадюшин. Парень молодой. Как человек хороший, но этого мало — надо иметь знания, подход к людям...

Я встаю со светом, в пять утра выхожу на работу. Как-то зашел секретарь райкома тов. Серов в 6 утра в дет/ясли: у меня уже детей полно. «Вот, — говорит, — как рано приносят матери ребятишек!» — «Нет, — говорю, — товарищ начальник, матери едут на поля — детей прямо в окно кидают, как снопы».

32-й год. Пишу вкратце, времени совсем нет. В конце года приехал какой-то из области: снова чистка! У нас ровно нет грязных. А все копаются. Начали все ворошить, добрались до мужа. Он, говорят, в белых был. Я говорю: да он же обозный писарем был, его забрали не спрашивая, он не стрелял ни в кого. Он у белых был 6 месяцев, а теперь вот уже сколько лет у красных трудится⁵.

Муж, как и я, не вступал в партию. Коммунисты Бога отвергали, говорили — не надо ни совести, ни жалости. В новую жизнь я верила всей душой — в такую жизнь, где не будет ни господ, ни рабов, все будут равны и счастливы. Но я не согласна, что без Бога можно построить счастливую светлую жизнь. Потому я всегда называла себя — беспартийный большевик. А у нас была активная коммунистка — Анна Михайловна Борзунова. «Надо, — говорит, — проверить жену Сидорова, может, она поповна: привез откуда-то».

...Проверили — убедились, что я из бедной крестьянской семьи.

33-й год. Меня премируют как ударницу деньгами и овечкой. Бегают мои премии на ферме. Осенью вызывают моих работниц в сельсовет: Татьяну Степановну Елешеву, она работала зав. дет/яслями, беднячка, вдова, трое детей; вторая — Анна Андреевна Фадюшина, работает прачкой. Прихожу на работу — они заплаканы. Я: в чем дело? Что случилось? Заведующая говорит: тетя Дося, у нас большое горе.

СТИХОТВОРЕНИЯ А.И. ПОПКОВОЙ И А.А. САДКОВА

Публикуемые стихотворные тексты принадлежат двум крестьянским авторам из Владимирской обл.

Аграфена Ивановна Попкова родилась в 1910 г. в с. Татарово Гороховецкого (ныне — Муромского) уезда Владимирской губ. Отец был грамотный, «по старой вере», мать — неграмотная. Из 7 детей — 6 умерло. Жила семья в деревянном доме, имела лошадь, 2 коровы, овец. Мать занималась «со скотиной», отец — «на лошаде работал». Летом — «все выходили в поле». Незадолго до революции семья переехала в Иваново (где отец стал работать кучером у хозяина ткацких фабрик Яманина), но в 1917 г. вернулась в родную деревню. Образования (из-за отрицательной позиции родителей, говоривших: «На что учицца-та?») Аграфена Ивановна не получила. Посещать школу она стала уже взрослой («почти невестой») и смогла прозаниматься лишь полгода. В 19 лет ее выдали замуж за местного пастуха. Работала дояркой, потом — свинаркой. Муж сильно пил. В семье появилось четверо детей. «Складывать» стихотворные тексты А.И. Попкова начала сразу, как пошла работать. Поводом для этого, по ее словам, было то, что «бригадиры стали поворовывать». «Сложу, и вот садимся мы отдыхать, и в перерыве я им рассказывала. Много я им прибаутывала. А остальные меня поддерживали: «Давай, давай, Аграфена! Надо!» Вот я и сфабрикую ещё что-нибудь». Многие из того, что тогда было «сложено», к моменту первой встречи с фольклористами (1988 г.) Аграфена Ивановна уже не помнила. Некоторые свои стихотворные тексты она исполняла на совхозных собраниях, вызывая недовольство тех, кого «прокладывала» в стихах. Выйдя на пенсию, стала активно заниматься самостоятельным творчеством. Была запевалой местного фольклорного ансамбля, с которым в 1989 г. приезжала в Москву и выступала на концерте в Доме композиторов. Первая запись стихотворных текстов А.И. Попковой была произведена в 1988 г., последняя — в 1998. Ее стихи чем-то напоминают традиционные скоморошины, свадебные «приговоры» дружки и подружек.

Информация об Андриане Алексеевиче Садкове (1900—1949) крайне скупа. Пастух И.А. Романов, пересказавший по памяти два его стихотворных текста, сообщил, что А.А. Садков родился в с. Татарово, был малограмотным и большую часть жизни проработал пастухом. Сочиненный А.А. Садковым стих «Как бык забодал пастуха» имеет, судя по всему, автобиографический характер, т.к. пастуха в нем зовут Андрияшкой. Некоторые сти-

хотворные «формулы» этого текста переключаются с соответствующим произведением («На татаровской на ферме») А.И. Попковой (вероятно, слышавшей стих либо в исполнении автора, либо в исполнении И.А. Романова). Связь стихотворных текстов А.А. Садкова с традиционными фольклорными жапрами также очевидна. Запись текстов произведена в 1988 г.

А.И. ПОПКОВА

На татаровской на ферме

На татаровский на фирме
Племянные есь быки.
Оне масью сироваты,
Только больно озороваты:
Двух доярок забодали
И за фирмером погнали.
А фирмер — в избушку да за дверь:
— Что, говорит, за бык у нас, за зверь!
Николай Крышён не растерялся,
Он за быком с кнутом погнался;
И фуфайку бросил в снег:
— Не уважу, говорит, быку век! —
Николаю вдов-ти жалка:
Бьёт быка, да жидка палка.
Все доярки напугалис,
И все с фирмы разбежалис.
Ну Лукоянова-то Грушка,
Она «Рязанки»-ти подружка,
Вот пошли оне опять
В обед коровок убирать.
Уж бык («эт на второй раз»)
на Анну строго поглядел:
Второй раз — убить хотел.
Быка Анна напугалас,
Под ясли она бросалас.
Ут несчастного быка
У Анне на ж... рана глубока.
А подруги, как не птицы,
Подвезли её к больницы.
(«И всё».)

Как и Жучкин да Маслѳв

Как и Жучкин да Маслѳв
Оне с обманым разговорам
(Поедем, будто, за маторам)
До Фоминки добралис.
Оне тут водки нажралис,
В Быкасово за рыбой подалис.
Им дорожка не мила,
Повстречали оне «ЗИЛ».
Как и «ЗИЛ» сгорячка
Дал в машину им толчка.
Далѳко Маслѳв па асфальту катилс,
И, бедный, кровью тут облилс.
— Эх-ка несчастну, говорит,
в эту дороженьку! —

Отшибло Маслѳву ноженьку.
Едут и думут:
— Как, говорит, топерь бывать?
Куды машину-ту сбывать?
Давай, говорит, доедем до «глинки»,
Оставим машину в Фоминки.
Утремонтируем, говорит, опять,
И народ не будет знать! —
А мы мол, товарищи совхозники,
все узнали.
(«Я им со сцены валяла».)

Про картошку

Это дело прошлым летом была:
На концах — всё сено сгнила.
Это Жарикова оплошка —
Перемёрла вся картошка.
А управляющий сидит в углу и кричит:
— Остань, Грофена!
Давно всё у тия слышил!
Всѳ одно по акту спишим!
Приложим к акту печать —
За картошку некто не будет утвечать!
На что картошка?
Много грузу!
Мы посеем кыкурузу!

Быль

Новый год все весело встречали,
Никакой беды не чали.
А «Партаорга» и «Совет»
Натворили много бед.
«Совет»-ат в «Партаорга»
он влюбилс:
Из-за любви он удавилс.
Руку на сердце положил,
Говорит: «Анна Михална! Я пять лет
с тобой дружил!»
В квартире сидели — этого не чали:
К им в окошко застучали.
Занавеску уткрывали,
Оне Лизу увидали.
У Лизы ж не выдерживат сердце
не крошки,

Начинает бить окошки.
Николай Иваныч растерялс,
Скорѳ было к двери он подалс.
Нет, уж дело было сбыто:
Дверь была палкой закрыта.
Из окошка вылезали,
И «Совета» выпускали...
Он с ростроеной головой
Побрѳл тихонечко домой.
До двора он добиралс
И в сарайку продвигалс,
Привалилс он тут к стени:
— Эх! Вот так, говорит, попалс!
Как неловко! —
На глазах висит верѳвка...
— Что мне делать? Как мне быть?

Топерь, говорит, ут стыда
сея надо удавить.
Завтри райком узнаит...
Как я, говорит, буду перед Пановым
утвечать?

Уж утберёт топерь печать! —
Он пальто в сторону бросает,
На шею петлю надёвант:
— Мне, говорит, могильные дороги,
А вы устайайса дуры оби.

Совхоз «Красная звезда»

Совхоз «Красный звезда» —
Всё несчасье да беда!
Натворили много дел...
И свинарник-от сгорел!
— Ты, говорит, Грофена,
в это дело не лезь!

Свинарник сгорел, да ше не весь!
Толька ночки ни стемняли —
Пришли на фирму за свиньями.
Нет там сторожа не крошки:
Там поросят тощя́т в окошки!
А дилектор напугалса,
И в овраг скорё забралса.

А.А. САДКОВ

Как бык забодал пастуха

Ну как залесский пастушок,
Он играет им в рожок.
Утром встанет, пробудит,
В трубу медну затрубит.
Ондрешка — пастух смелый,
Похлыстал — быка прогневал.
Бык задумал отплатить,
И давай за нём катить!
Он подкрался невдогадь,
И давай Ондрешку бодать.
Так на етем месте, тут:
То под спину, то под грудь.
На быка глаза окинул,
Кричит: «Господи, помилуй!»
Услыхал подпасок Ваня:
— Что он разорался тама?
Он: «Я бил тово-де миг!»
Глядит — бодает его бык.
Пастуха подпаску жалко,
Бьёт быка — да жидка палка.
А заглядел бык на подпаска:
— Сейчас е вам будет тряска!
Тут вскочил он в бёжку
К мелкому перелеску.
Тут слетела с него кепка,
Намял бо́ка ему крепко.
Пропорол поджилку, бровь.
Вот така Ондрешкина любовь!
А подпасок вся грустит:
Побег в деревню — повестить.
Грустно плачет, слёзы льёт,
Некто не́как не поймёт.

А.Е. Куликов. Лето. Эскиз росписи крышки шкатулки. 1913 г.

Непонятно лепетал:
— Бык Ондрешку забодал!
Начинают все спешить:
— Укажи, где он лежит.
Утвечает пастушок Ваня:
— Он прошёл в больницу тама.

Про Аришку

(«Это в деревне Сергеево было дело».)

Ориша в девушках гуляла.
С какою цели?
Она примерчик взяла
С Адама и Евы.
Она думает сее,
Что славущку пускают.
А за это ведь выгнали Адама
С Евою из раю.
Некто замуж не берёт
Девку у старушки.
Им пришлось зятя принять
С чужой деревушки.
Поженилися с Павлухой
Порою летней.
Мы не будем его хаять —
Парень безответный.
Когда лягут на кровать,
Вся тут его воля:
А он боится руку наложить,
Не тока что иноя.
И закрылся у ёй вход...
(Царство небесно!)
Приключился приплод —
Это всем известно.

Комментарии

«На татаровской на ферме». «Сложено» в конце 1950-х гг.

Николай Крышов — дворник татаровской фермы.

Лукоянова Грушка, «Рязанка» (Анна) —

доярки татаровской фермы. Прозвище «Рязанка» Анна получила потому, что была переселенкой из Рязанской обл.

«Как и Жучкин да Маслов». «Сложено» в середине 1950-х гг.

Жучкин — татаровский шофер.

Маслов — управляющий татаровского совхоза.

Фоминоки — село, в 1950-е—1960-е годы — райцентр Владимирской обл.

Быкасово — деревня, где ловили и продавали свежую рыбу.

Эх-ка несчастну, говорит, в эту дороженьку! — более грубый вариант этой фразы («Ах, говорит, в душу мать в эту дороженьку») был зафиксирован при повторной записи текста.

Глинка — так называют грунтовую дорогу, проходящую неподалеку от Фоминок.

«Про картошку». «Сложено» в середине 1960-х гг.

Жариков — директор татаровского совхоза.

А управлюющий сидит в углу и кричит... — данный эпизод происходит на совхозном собрании в сельском клубе.

«Быль». «Сложено» в начале 1960-х гг.

«Партаорга» — такая форма слова подчеркивает, что парторгом была женщина.

«Совет» — председатель Татаровского сельского совета, которым был мужчина.

Лиза — жена председателя сельсовета.

Панова — в начале 1960-х гг. секретарь Фоминонского райкома КПСС.

А вы устайайса дуры оби... — при повторной записи прозвучал менее приличный вариант этой фразы: «А вы устайайса б...и оби».

«Совхоз «Красная звезда»». «Сложено» в начале 1960-х гг.

«Красная звезда» — название совхоза в с. Татарово.

Ты, говорит, Грофена, в это дело не лезь!.. — слова, сказанные А.И. Попковой директором совхоза.

Публикация О.В. ГОРДИЕНКО
(Москва)

Н.М. ЧЕГЛОВ

Рукопись, о которой пойдет речь, была найдена случайно близ мордовских лагерей, в конце 1980-х попала в ЛОСФК, фонд «Живая память». Две небольшие тетради озаглавлены: «Н.М. Чеглов. На закате». Это отрывки воспоминаний, остальные тетради, скорее всего, не сохранились. Автор был солдатом на I-й мировой войне. Подробности его жизни неизвестны, из повествования видно, что на рубеже 1940-х и 1950-х гг. он сидел в лагере. В 1950 г. ему было не меньше 55 лет. Последние записи, описывающие жизнь на поселении, датированы 1959 г.

Автор рукописи не столько стремился фиксировать подробности быта, сколько хотел запечатлеть свои душевные переживания. В некоторых случаях повествование ведется не только в прозе, но и в стихах. Два стихотворных текста солдатских песен времен I-й мировой можно считать фольклорными; остальные стихи — авторские. Н.М. Чеглов любил и читал Пушкина, Лермонтова, Некрасова, и интонации этих поэтов слышны во всех текстах.

В рукописи прямо или косвенно описываются причины создания этих стихотворений (обрамляющий стихи прозаический текст в основном остается за рамками данной публикации). Это «безотрадная жизнь» в лагере, которая описывается, проклинаясь, — и выражается надежда на то, что «забудем горе и тоску, обнимем мать, жену, сестру». Это известие о смерти жены, которое гасит все надежды, выраженные в первом стихотворении. Это поразивший автора факт сожжения деревни партизанами. И, наконец, это появившиеся у него на свободе досуг и пристрастие к стихосложению.

Как видно, у автора сходный со многими народными стихотворцами культурный багаж и тематика стихов. Однако символика и фразеология его стихотворений иная, чем в старой крестьянской лирике. Она ближе к городскому романсу (ожидание письма, «черты любимого лица» и т.д.) и классической поэзии XIX в. (догоревшая свеча, заветная мечта и т.д.; «Пожар в Коростино» напоминает «Бородино» М.Ю. Лермонтова), а также к описательности рабочего фольклора и тюремной песни («По утру рано мы встаем...»). При этом следует отметить, что психологический источник этих стихов тот же, что и у причитаний, — драматическая и одновременно субъективно-лирическая реакция на жизненные трагедии. Кстати, и плачи, которые как жанр были распространены широко, часто имели авторов и исполнялись только ими.

Творчество Н.М. Чеглова вообрало в себя деревенскую и городскую песенную культуру, его поэтика близка традиционному фоль-

НА ЗАКАТЕ

Фрагменты рукописи

клору. Рассмотрим кратко, как построены его стихотворные тексты. Лексика стихотворения «На смерть жены» связана с городским бытом, а его формульность сближается с романсом. Тем не менее это стихотворение ближе всего к элегии и плачу. Хорошо ритмически организованное, оно имеет всего 4 чистых рифмы на 45 строк: *пришла — умерла, дорогой — луной, буду — не забуду, лила — умерла*. То же и в стихотворении о лагере: 4 рифмы на 27 строк. Конечные слова образуют аллитерационную переключку: *встаем, спешим, едим, идем; отмечает, швыряет; возвращаясь, подчиняясь, издеваясь; ряды, рабы, любви*. Скорее всего, эти тексты сочинялись на память, устно, а были записаны позднее (писать и просто иметь бумагу в лагере было запрещено). Написанное на воле стихотворение «Пожар в Коростино» в большей степени тяготеет к литературной форме и более насыщено рифмами. Оно ближе к эпической, балладной песне. А стихотворение «В изгнании» — тоже элегический плач.

В публикации этих стихотворений и примыкающих к ним фрагментах прозаического текста сохранены все особенности авторского написания.

В бараке жилплощади на заключенного полагалось 2 метра на человека. В бараке всегда тесно и душно. Во время подъема утром теснота, одеваясь давили друг друга, нельзя повернуться, чтобы не задеть кого-либо. Итак, однообразно протекала наша лагерная жизнь. Жить было тяжело и трудно, и грустно. Все это надо было пережить и выстрадать. Часто нас оскорбляли и унижали незаслуженно, но приходилось терпеть и молчать. Жаловаться на обиду некому. Всю эту безотрадную жизнь в лагере я решил выразить в стихах. Хотя я раньше никогда стихов не писал, а поэзию я любил, особенно Пушкина, Лермонтова и Некрасова. Вот лагерную жизнь я выразил так:

По утру рано мы встаем
Бегом в столовую спешим,
Горячим супом обжигаясь,
По-собачьему едим.
На вахту строем мы идем,
Нарядчик в списке отмечает,
Считает каждого из нас,
И за ворота нас швыряет.
Забор и проволока крепко

Кругом сжимает лагерь наш,
Везде на вышках автоматы
Здесь крепко охраняют нас.
Мы поздно в лагерь возвращаясь,
Там ждет поверка часовая,
По пять мы строимся в ряды,
И року слепо подчиняясь
Стоим как древние рабы,
Над нам начальство издеваясь
Не знает жалости-любви
Так от зари и до зари,
Проводим время дни свои
В душе мы лагерь проклиная,
Считаем прожитые дни
И ждем свой день освобождения,
Когда вернемся в дом родной,
Забудем горе и тоску,
Обнимем мать, жену, сестру.

И вот через месяц я получаю от брата печальное письмо. Это письмо я не могу забыть и сегодня. Оно сразило меня, как тяжелый удар и поразило меня в самое сердце. Оно нанесло мне тяжелую жизненную рану... Когда я дочитал до того места письмо, где брат пишет: Катя умерла 10 октября 1952 г. Когда вскрыли комнату, то нашли Катю сидящей на стуле мертвой с платком в руке. Когда я дочитал до этого места, то письмо у меня выпало из рук и я его не мог дочитать до конца. Мне стало плохо, все потемнело в глазах и я упал на пол и потерял сознание. Сколько времени я лежал не помню. Когда очнулся, то вижу передо мной стоит врач и сестра. Мне дали два укола и отливали водой. Когда я пришел в сознание, слезы у меня текли и я не мог удержаться. Долго я не мог свыкнуться с тем положением, что нет больше в живых моей дорогой и любимой Катюши. Нет близкого и дорогого друга в жизни. Я сразу ощутил это страшное и непоправимое горе и свое одиночество. Потеряна последняя надежда в моей жизни. Одиночество, это грустное состояние, и не каждый может вынести его. Куда же мне теперь преклонить голову после освобождения. Некуда! Меня никто не ждет. Всю тоску и горе я выразил в стихе на смерть жены Кати.

На смерть жены. 10.X.1952 г.

Долго, долго я томился,
Ждал от милой письма,
Вдруг приходит весть печальная,
Моя любимая мертва.
Меня ты долго поджидала,
Томившись сидя у окна

И угасала незаметно,
 Как догорающая свеча!
 И вот не вынесла ты горя,
 Уставши в комнату пришла,
 На стул присевши задремала
 Шутя ты сидя умерла,
 И наклонившись одиноко
 В холодной комнате одна,
 Но смерти ты не испугалась
 И смерть покой тебе дала.
 Прощай любимая Катюша,
 Прощай, заветная мечта,
 Я долго, долго не забуду
 Черты любимого лица.
 Твой взор, улыбку дороую,
 Как мать любимое дитя
 Ты перед смертью мне шептала
 Прощай мой миленький Колюша
 Прощай любимый дорогой
 Теперь не встретимся мы больше
 Под солнцем звездам и луной,
 В земле сырой лежать я буду
 И о тебе, мой милый, дорогой,
 Я и в могиле не забуду.
 Настанет день когда вернешься
 В свои любимые края
 Весною ранней наведишь
 Могилку свежую мою,
 В земле сырой я здесь лежу,
 На Серафимовском кладбище,
 Потупишь очи молчаливо,
 И на краю моей могилки
 Ты вспомнишь милую мою
 Как по тебе я горевала
 И слезы горькие лила
 Тебя мой милый не дождалась,
 Жила забытой, одинокой,
 В тоске и горе умерла,
 Твоя Катюша дорогая!

Жители деревни Коростино мне рассказали жуткую вещь, когда во время войны немцы заняли деревню. Скот и имущество у крестьян забирали все и отправляли в Германию. Молодежь из деревни в неволю угоняли всех в Латвию. Когда Красная Армия перешла в наступление, немцы поспешно покинули деревню, дома оставили целыми, не успели поджечь. После отступления приходят советские партизаны и деревню Коростино жгут всю, без остатка. Хотя к этому не было никакой необходимости. Старики просили партизан не жечь деревни, но все было напрасно. Деревня горела. Когда жители вернулись на родину после войны, они увидели и не узнали свою деревню. От деревни осталась только зола на месте бывших домов и все поросло травой и бурьяном. Все приходилось строить заново.

Пожар в Коростино

Сто лет Коростино стояло,
 Пожар и бури миновало,
 Дома постройки красовались,
 Садам тенистым украшалось.
 Но 41-й год пришел,
 Фашисты заняли село.
 Народ в неволю угоняли
 И разорили все село.
 Так долго долго мы страдали
 В краю чужом язык нам чужд,
 Враги нас всюду презирали
 Мы избавленья ожидали
 От Красной Армии своей.
 Когда фашисты отступали,
 И про дома совсем забыли
 Свое имущество тащили.
 Приходят наши партизаны
 Зажгли Коростино-село
 По дикой глупости своей
 Себе отчет не отдавая,
 Зачем сожгли они село
 Постройку всю уничтожая
 Приказ нелепый выполняя.
 Когда закончилась война,
 Врагов с родной земли изгнали,
 Влекла нас родина туда,
 Где мы родились и росли
 Не зная горя и нужды
 Оставив Латвию поспешно
 В края вернулись мы свои
 И партизанов неразумных
 Мы проклинали в эти дни.
 От наших прежних тех домов
 Остались только лишь угли,
 Травой бурьяном поросли.

В изгнании

И стал я изгнанник народа,
 В степях в Крыму сию у моря,
 И на сивашском берегу
 Здесь кур колхозных стерегу,
 И темной ночью длинною,
 В хибарке глиняной сию
 Сколько грусти, сколько горя
 В эту ночь переживу,
 Сколько горьких слез украдкой
 В темну ноченьку пролью.
 Эти глиняные стены,
 Что в курятнике сию
 Строго тайну охраняют
 И не скажут никому.
 А чтоб сердцу было легче,
 Я и песню запою,
 Про любовь страны советов
 И про Родину свою!

Публикация В.Ф. ПУРЬЕ
 (Санкт-Петербург)

Н. ЛИФЕНЦЕВ

«КОГДА Я ПОДРОС, СЕБЯ СТАЛ ВОЗВЫШАТЬ...»

В начале 1950-х гг. мой дед И.Л. Михайлов работал литконсультантом в редакции газеты «Таганрогская правда». Среди многочисленных авторов, приславших в газету свои произведения, был и Н. Лифенцев, чьи стихи, заботливо записанные моей бабушкой в специальную тетрадь, дожили в семейном архиве до наших дней. Социальный статус и место жительства Н. Лифенцева точно не известны, но, судя по стихотворению «Старик над Волгой», он — из поволжских крестьян. В публикации сохраняются авторские орфография и пунктуация.

О тебе много думал я мыслей,
 Успокоить решила меня,
 Ты письмом мне писала не песней,
 Очень рад, дорогая моя.

Но спросить о тебе я решился,
 Как живёшь и проводишь ты жизнь,
 Сколько время тебе ещё ныть,
 Ты всю дрянь с головы только вынь.

Мы должны с тобой жить
 восхищаться,
 В жизни нашей могучей стране,
 Любить партию, народом
 развлекаться,
 За тобою следить надо мне.

Поэт веселит все народы,
 Он с критикой шуткой зовёт,
 Берёт первобытные орды,
 Собирает всё вместе, кладёт и даёт.

Муж и жена

Занимал муж высокую должность,
 Капитан был он лётных частей,
 Одевал украшал как голубку,
 Он смотрел лучше всех здесь за ней.

Проходила недолго приятность,
 Скоро муж изменил и жене,
 Познакомившись муж и с врачихой,
 По какой это было вине.

Капитану вдруг ноту заводит,
 Ты желаешь со мной только быть,
 Нужно бросить жену молодую,
 Её нужно сейчас отравить.

Яду я принесу в пузырёчек,
 Ты придёшь, когда станешь с ей есть,
 Чтоб отрезала хлеба кусочек,
 Яд вольёшь, что не будет и знать.

Муж приходит домой сам весёлый,
При жене только песни поёт,
Он садится за стол какой бодрый,
Но жене он тут ноту даёт.

Принеси ты жена дорогая
Мне из кухни бутылку вина,
Разопьём мы с тобой пожелая,
Кто здесь в счастье иль муж иль жена.

Из столовой жена удалилась
Яд налил муж, не знала жена,
Быстро с кухни она возвратилась,
На стол ставит бутылку вина.

Суп был с мясом по 8 кусочков.
Говорит муж своей здесь жене:
Выйду я посижу возле бочек,
Затошнило чего-то здесь мне.

Вышел муж из квартиры приятной,
Ожидает жена его есть.
Посчитала — кусочки поменьше.
Обмену, пока мужа здесь нет.

Муж приходит, садится в столовой,
Начинает жене что-то петь.
С выпивкою они закусили,
А вина у нас больше здесь нет.

Муж подходит к жене — дорогая,
Меня вдарило в голову вдруг,
Что случилось я здесь не знаю,
Ты тарелки меняла вокруг.

И жена ему всё отвечала —
Мяса меньше в тарелке твоей,
Пожирней я решила поставить.
— Значит мне суждено умереть!

Думал я — ты умрёшь здесь скорее,
Буду я веселиться с другой,
Но судьба рассудила вернее,
Очень быстрый весёлый какой!

Старик над Волгой

Я жил возле Волги в отцовской избе
В разваленной старой хатёнке.
Учиться нельзя было здесь мне нигде,
Я на маленькой был работёнке.

Когда я подрос, себя стал возвышать,
Почувствовал волю народов,
Весь ненужный народ постарался
изгнать,
Не мешать процветанию ордов.

Постепенно народы поняли,
Как жить надо, трудиться в борьбе,
Всё народ от народа узнали,
Как трудиться, работать везде.

Если нас пригласят на Камчатку,
На работу по разным видам,
Нас обуют, оденут в перчатку,
Свои силы я все вам отдам.

Публикация Е.П. МИХАЙЛОВА
(Санкт-Петербург)

В.А. БЛАУНЕ

«Я ЗАПИСАЛ, ЧТО СОХРАНИЛОСЬ НЕМНОГО В ПАМЯТИ МОЕЙ»

Владимир Андреевич Блауне родился 24 апреля 1909 г. в Кропштадте. В 30-е годы он работал в Большом театре кукол. Участвовал в советско-финской и Великой Отечественной войнах, несколько раз был ранен; как позже он писал о себе: «ветеран войны и ветеран партии. Кавалер ордена Славы III ст. и ряд медалей». После демобилизации он сначала вернулся в финский поселок Куркиёки, а в 1948 г. с семьей уехал в Выборг, где работал в трамвайном парке кузнецом. Затем Владимира Андреевича направили в колхоз в д. Засторонняя Сланцевского р-на Ленинградской обл., но через год семья Блауне переехала в д. Заовражье. Здесь Владимир Андреевич построил кузницу; в д. Новоселье он организовал кукольный театр, кукол делал сам. В Заовражье В.А. Блауне прожил до конца своей жизни (умер 19 мая 1985 г.).

Писать Владимир Андреевич начал уже после войны, в конце 40-х или начале 50-х гг. Свои произведения он читал в кругу семьи, в сельском клубе на праздниках, посылал в различные газеты («Знамя труда», «Сельская жизнь»), где их не печатали (по словам его сына Г.В. Блауне, лишь сланцевская газета «Знамя труда» однажды напечатала стихи отца).

Свои стихи он записывал в тетрадях, которые сохранились. Осенью 1999 г. внучка В.А. Блауне, М.А. Барашова, позволила снять копии с текстов участникам фольклорной экспедиции Академической гимназии СПбГУ.

Литературный архив В.А. Блауне состоит из 28 тетрадей различного объема и нескольких разрозненных листов. В общей сложности в этих тетрадях содержится 63 различных стихотворения, 6 поэм, 1 басня, несколько анекдотов, сочиненных самим Владимиром Андреевичем, 7 коротких сатирических рассказов, партии отдельных персонажей пьесы «Большой Иван» и несколько писем. Выбор тем чрезвычайно разнообразен. Прежде всего это «стихи военных лет» (так озаглавлена одна из тетрадей) — стихотворения и поэмы, посвященные войне; много стихов о любви; несколько философских стихотворений. Некоторые произведения посвящены друзьям и знакомым, чаще всего они написаны к определенному событию. Среди множества сатирических произведений встречаются «антирелигиозные» стихи и поэмы, герои которых — черти, поп, сатана и т.п. В начале одной из тетрадей содержится своеобразное предисловие: «Воскресенье 13-го января 1974 года начата эта

книга. В ней хранится труд, мысли, и любовь к искусству. В этой книге записано все то что слагалось, и было записано на разных листках и лежало в разрозненном виде последних лет моей жизни. Пусть редакция не пишет не пускает свет мою эту книгу, но все же найдутся люди которые прочтут ее и скажут: да а все же интересно».

В публикацию вошли пять произведений, представляющие различные жанры в творчестве В.А. Блауне: поэма «Трагедия матери», элегия «Седина во мне», любовное послание «Не кривь наивною душою», басня «Залц холостяк» и образец сатирической прозы — пародийное «Письмо солдата».

Названия произведений даны самим автором. Тексты приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Седина во мне

Мне голову кружит под шляпой серой
И кто мне верный даст совет
Хоть коронадаш мой поле сеет
Но не нахожу я в нем ответ.

Где нет нужды и нет печали
Где ласкою на ласку отвечают
Где не извилия путь
Где может спутник отдохнуть

Жить начать опять с начала?
Нет! Станет прожитого жаль
А времечко течёт не остановишь.
И вдушеньку врезается печаль

А эсли в жернова пустится
в муку смолоть меня
И снова в хлеб оборотится?
Нет! Чтoб кто-то съел меня!

Уж лутше дубом стать
И корни вземлю глубоко пустить
Чтoб ветром немогло кочать

Да стать бы дубом молодым
А предомною вырослиб березки
Не разрешал бы их рубить
И не пилить на доски

Изних я выбралбы одну
где больше есть — тепла и ласки
Чтoб в жизни воду немутить
Не вызывать чертовской пляски

И чтoб не знали мы вражды
И между нами клин не вбили
Не раскололи на куски
А вечно были мы своими

Не суждено мне снова молодым
и предомной не вырастут березки
А седина во мне напоминает мне
что в мрачной путь итти
Понадобятся доски.

Трагедия матери

Вышли в полдень старик и старушка
провести свой свободный досуг.
На пути их стояла осина
и тарчал внея предательский сук

Как страшилища выставив руку,
точно подати просит какой
Люди помнят зловещую муку
у той осине без душевной гнилой

И старушка не может спокойна
чтоб без слез на осину глядеть
На ней вешали младшего сына.
Надо крепкое сердце иметь

Принял смерть совершенно спокойно
Только плюнул фашисту в лицо
Крикнул людям: Радные прощайте!
И веревка замкнула кольцо

Тело корчилась видила мать
И упала залившись слезами
Так всю ночь пролежав до утра
Утром, рано ушла к партизанам.

В руках с автоматом срожался отец,
делил спартизанам горбушку
Однажды в отряде в сосновом бору
он встретил родную старушку

О горе поведала мать старику
Расстрелы, пожары, погромы.
Как жить остовалясь на том веку
Ни хлеба, ни соли, ни дома.

Дрогнуло сердце тогда старика
К себе автомат прижимая
Пусть всхватке смертельной
Не дрогнет рука сказал он
жену обнимая

Так вместе с мужчинами
Женщины шли
их стало патом миллионы
росла партизанская наша семья
Свои защищая законы

И веру в победу народ не терял
Скопилась могучая сила
и злобного зверя вьегоже берлоге
Советская пуля настигла

Слышно ветер гудит в проводах
точно ведьму какую хоронят
Стой осины злодейки гнилой
Лист оторванный гонит и гонит

Проклинаю асину прощаясь
той осенней позней порой
точно пьяные тихо кочаясь
Старики вазвращались домой.

Не кривь наивною душой:
Зачем же другу обещать,
Любовь — весеньнюю порою,
Потом — в затишье — сокращать,
Стакой наивною душою.

Не прячь — любовной прямооты,
И не гордись передомною.
Цветов появлях не дари
Не кривь наивною душою.

Перед друзьями не хвались.
Что ты давно владеешь мною.
во мне — той нет цены такой.
Не кривь наивною душою.

Домой проводишь ты меня
Обратный путь — ведешь другую
Какую выгоду таишь?
Не кривь — наивною душою.

С одной — ты пламенно горишь,
С другой — раступишься — грошами,
На третью — глаза косишь
Кривишь наивною душою.

Не жди меня и не встречай
Я не хочу дружить стобую
Свою любовь — комне — кончай
Не кривь наивною душою.

«Заяц холостяк»

Какой-то заяц, холостяк,
Решил приобрести семью.
Подумал, в звесил, так и сак...
Женится: это не пустяк.

Нашел себе жену (зайчиху)
Похожа, свиду на купчиху
Как говорится. (Бог сберет).
Была что в доль, то поперек.

Хотя она была сера,
Но в кругу красавицей слыла
А прямо скажем без затей,
Все зайцы бегали заней.

Пашли семейные дела...
Зайчиха зайцу родила
Штук десять маленьких зайчат.
И все болуются кричат.

И вот от сих семейных дел
Наш заяц даже заболел.
Зайчихе тож не мало дела
И на ряду с ним при болела

Хоть годы их не вилики
Но оба стали старики
Ходили оба еле еле
Лиш как держалась душа в теле

Как откуда не возмись
в дверях соседка появись
И тут у зайца в тот же час
К соседке разгорелся глаз

Вот стало зайчика тянуть
Как бы к соседки за глянуть
Зашел на час, зашел на два.
Потом остался на всегда

Мораль
Средь нас не мало зайцев есть
Терять способны стыд и честь
Идя к соседним воротам
Свои оставил сиротам.

Письмо солдата

Здравствуй моя дорогая Авдотья Егоровна. Я жив и здоров. Чего и тебе желаю. Я таперича не тот. Что был давеча. Во мне таперича Ахвицерская кровь течет. И ты стало быть Ахвицерская баба. А по этому не позволяй себя дунькою называть. А чтоб Авдотья Егоровна. Поняла? Посылаю тебе 50 рублей.

1) купи сабе этажерку с трюмой, да...

2) часы с кукушкой. Справсабе пальто, а на ворот пришей — какую нибудь шкуру что мафтой называется. Купи сабе юбку токую чтоб талия у табя была, а она у табя есть. Найди сабе бабу, что дом работницей называется. Свиныю таперича в хате не держи. Продай мою гармонь и купи роял с пиониной и постав яну в том углу где наш телок стоял. Да сходи к Егору Кривову. Что у пруда живеть пусть он тебе на туфли каблуки по более набьет. Съездий в город постриги нокти да покрась. Это моникуром называется, а у парикмахеров спроси пусть они тебе волосы в гнедой цвет выкрасят. Да ходи не так как баба старая согнувшись а так чтоб все видели смотри кверху да виляй задницей как наш шарик. Харюто пудрой маш не жалей пудрыто да корондаши разные купи красными губы маш черным волосья что над глазами торчат. Опроялятся ты в подсолнухи не ходи, а сделай себе глазет в углу возле плиты где нибудь, да задницу соломою не вытирай. А купи букварь. Да смотри ты умения: не ослушайся! А то разведусь. Будь похожа на ту бабу скоторой я сдесь шляюсь.

Твой Егор.

Публикация Н.Н. МИРГОРОДСКОЙ
(Санкт-Петербург)

И.И. КУЗИН

«ВОТ Я ВСЁ ЭТО ХОТЕЛ ЗАПЕЧАТЛЕТЬ...»

Почти 80 лет живет в с. Троицком Сызранского р-на Самарской обл. удивительный человек — фронтовик, ныне колхозный пенсионер Иван Игнатьевич Кузин. Есть у Ивана Игнатьевича две тетрадки. Одна озаглавлена так: «И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должникам нашим». В ней, ясное дело, хозяин исправно записывает: кому и чего (деньги ли, бутылку ли водки) в долг дает, а у кого сам берет и когда эти долги возвращаются. Годы идут — и запись, естественно, постоянно увеличивает-ся.

Во вторую тетрадку Иван Игнатьевич аккуратно печатными буквами переписывает свои стихи. Под каждым своим поэтическим произведением, а их около семидесяти, автор проставляет точную дату написания. Самое первое стихотворение сочинено солдатом второго года службы 12 февраля 1941 г. в Хамар-Дабане (это в далекой Монголии). «Я это вам письмо пишу // И объяснится вам хочу... // Я вас любил и любить буду // И никогда вас не забуду...» Юношеское признание в любви. Но не этому посвящена вся общая тетрадь. Объектом поэтического интереса является жизнь вообще — жизнь, которой живет автор и которую он наблюдает. На протяжении более полувека объект и отношение к нему неизменны. Изменяются только время и место: будни (и курьезы) воинской службы, госпитальное (после ранения) существование, жизнеописание (истории, сатиры и куплеты) родного села и колхоза. Многие из этих

стихов пелись автором со сцены сельского клуба под аккомпанемент гармони или балалайки. Частушки и бытописательные хроники изложены лексикой «живого великорусского» языка и буквально построены из стереотипов, присущих «простонародной» устной и письменной речи: народнопесенных, частушечных, пословично-поговорочных оборотов, формул надписей на «фото», альбомных стихов, начала и окончания писем и пр.

В тетради рядом с авторскими, не отличаясь от них, соседствуют три текста, одинаково озаглавленные «Фольклер»: «Колокольчики-бубенчики звенят...», «Еврей был бедный Сёма...», «Раз приносит барин чаю...». Интерес к «фольклеру» у Ивана Игнатьевича давний. Еще мальчишкой он завел свою первую общую тетрадь, куда записывал сказки и загадки, которые доводилось слышать в селе. «Вот услышу сказку — я её записываю... и к ней делаю рисунок».

Кроме стихов И.И. Кузин пишет еще и картины. И это его главное увлечение. Пишет маслом, сам подготавливая и грунтуя холст. Иван Игнатьевич считает себя пейзажистом. Но на персональной выставке в Ульяновске два года назад, наряду с лесами, прудами и холмами, окружающими родное село художника, зрители любовались и бытовыми сценками, и портретами, и натюрмор-тами. «Натюрморт у меня дорогой, — рассказывает Иван Игнатьевич. — Эт самые дорогие мои картины — сколько денег надо потратить. Поехал на базар в Сызрань. Ку-

пил утку, купил лёща, купил курицу, положил на стол. И котёнка рядом посадил. И начал делать. А котёнок чтоб не убегал, я ему суну в окошечко колбаски. Он пока там ест, я его скорей-скорей... Не успеешь сделать — он опять лезет. Ему стукнешь по лбу: сиди там, в окошке. Опять ему колбаски сунешь, он пока ест... Вот я это сделал. И вот, чтоб мне этот натюрморт оживить... Ну, там же мёртво всё было... Вот я котёнком оживил. А то он был мёртвый. Он сразу стал живой через котёнка».

Последние работы — портреты родителей Евдокии Михайловны и Игната Ивановича Кузиных — написаны в большей степени по памяти, т.к. их фотокарточки почти полностью выцвели.

Кредо живописца и поэта совпадают: «Вот я всё это хотел запечатлеть...», «Чтоб люди помнили...», «Главное — записать, как что было...». Об этом замечательном человеке снят документальный фильм (УТК «Репортер, 1997») и рассказано в брошюре «Иван Кузин — художник из села Троицкого» (Ульяновск, 1998). Свою биографию он изложил в стихах, и что удивительно: места для увлечений стихами и живописью там не нашлось.

Моя биография. Поэма

Село Троицкое наше
Для меня милей и краше.
Здесь на свет я появился,
В нашей церкви окрестился.
И скажу вам не тая —
Это Родина моя.
Семья наша небогата.
Было нас в семье три брата,
Две сестры постарше нас.
Мир повсюду был у нас.
Нас растили мать с отцом.
А отец был молодцом.
Он с войны пришел домой,
Был контуженый, больной.
И за подвиг ему дали
Три серебряных медали,
Золотых креста четыре
Красовались на мундире...
1.
Село наше небольшое,
Знаменитое такое.
На самом краешке села
Усадьба барская была.
Там проживал «Дмитриев» барин —
Не чуваш и не татарин.
Иван Иванович русский был
И с крестьянами дружил,
Никого не обижал.
Сам к больному приезжал:
Иногда случалось в ночь
Приезжал больным помоч.
Строит церкву и больницу,
Где бесплатно шли лечиться.

И.И. Кузин. Кладовка. Холст, масло. 1987 г. Частное собрание

Парк в усадьбе посадил
И кругом загородил.
Я запомнил: вокруг сада
Была кирпичная ограда.
В родниках поставил срубы
Из столетнего из дуба,
Плотиной отгородил —
Половодье отводил.
Был порядок. А сейчас
Все заброшено у нас.
Тишрек пересыхает,
Парк крапивой зарастает,
Заросли травой поля,
Вся отравлена земля.
И зачем вам говорить,
Как сейчас мы стали жить.
Опишу когда нибудь.
Надо детство вспомнить...

2.
В школу я пошел учиться
И, конечно, стал лениться.
По два года я сидел
И учиться не хотел.
Мирно жили мы, и вот
Наступил голодный год.
Год суровый тридцать третий
Помнят взрослые и дети.
Ели пыль, траву, мякину,
Ели дохлую конину,
Чтобы выжить, уцелеть,
Протянуть, не умереть.
Полегло немало люду —
Я, наверно, не забуду.
Но нас горе обошло.
Мы покинули село.
Чтобы голод пережить,
Мы за Волгу едем жить.
Там Кулагин жил Ефим.
Пересхали мы к ним.
У него жена болела:
Не пила она, не ела.
«Машу» жаль ему до слез —
У нее туберкулез.
Для нее он так старался,
И лекарство добивался,
Все, что надо, доставал,
Сам порою уставал.
Она таяла, как свечка,
Тихо билось сердечко,
До тепла не дожила
И в апреле умерла.
Мать с отцом на кухне жили,
нас на печку поместили.
Хорошо жилось на печке
Нам на тепленьком местечке.
Летом вырыли землянку,
Печь сложили в ней голандку,
Нары сделали нам спать.
Тут не стали голодать.
До весны мы сытно жили.
Нам работу предложили,
Чтоб пасли мы личный скот, —
Так решил совхозный сход.
Летом сена накопили,
Телку стельную купили —
Так в достатке стали жить.
Вроде не о чем тужить...

3.
Вот весною как-то раз
Гость какой-то ищет нас.
Оказалось, мамин брат
С нами встретиться был рад:
Он сумел проторговаться
И приехал к нам скрываться.
Год в землянке с нами жил,
О семье своей тужил.
Он учетчиком трудился,
И с большим трудом добился —
Свою семью перевез.
Тут помог ему совхоз.
У Кузьме была жена.
«Маня» Кузе неверна:
Кто нуждается бывало,
Она с чувством выручала.
Дети были: два мальчишка,
Колькой звали их и Мишкой.
Две семьи три года жили
Как положено, дружили.
Вот Кулагин наш Кузьма
Просто выжил из ума:
Здесь не нравится чего-то,
Ему в Троицкое охото.
— Здесь меня искать не стали
И растрату всю списали.
— Ну, так что-же, поезжайте,
Лихо нас не вспоминайте.
Мы остались одни
Коротать в землянке дни...

4.
Вера с шофером дружила,
Ему голову вскружила,
С ним любовь она нашла,
И в другой совхоз ушла.
Перевез ее в свой дом,
А совхоз зовут «Крайком».
Бородулину она
На всю жизнь была верна...
А сестрице нашей Поле
Ей досталась злая доля:
Вышла замуж не любя,
И винит во всем себя.
Она в Сызрани живет.
Муж частенько водку пьет.
Он ведь Петинька-чика
Не достоин мужика:
Издевается, зорует,
Часто дома не ночует,
А приходит пьяный — бьет.
Поля наша слезы льет.
Много лет терпела Поля.
Издевалась еще Оля.
И сыночек родился,
А как вырос — распутился.
Он к тебе на шею сел.
Без конца в тюрьме сидел.
И за что судьба такая,
Жизнь проклятая, лихая.
Не родилась-бы красивой,
А родилась-бы счастливой...
5.
Мы в землянке проживаем,
О своем селе мечтаем.
Стали часто тосковать.
Как-бы дома побывать.

И.И. Кузин. Портрет матери, Евдокии Михайловны. Холст, масло. 2000 г. Частное собрание

Тут мы прожили пять лет,
А в совхозе школы нет.
Дети мы, конечно, рады.
Но ведь нам учиться надо.
Тут как раз письмо пришло:
Нас опять зовут в село.
Скот пасти нам надоело,
Да и степь вся померзела,
Печь соломою топить,
Из колодца воду пить.
Мы недолго собирались
И с совхозом распрощались.
Мы поехали домой.
Год пошел тридцать седьмой.
Вот приехали мы. Дома
Здесь нам с детства все знакомо.
В школу мы опять ходили,
В выходной в лесу бродили.
Трое братьев-молодцов
Ловим в речке огольцов,
На тележке дров возили,
Огород свой городили
И про дом не забывали:
Все, что надо, помогали...

6.
Не пришлось в семье пожить:
Призван в армию служить,
И в году сороковом
Покидаю отчий дом.
Нас в вагоны посадили
И по рельсам покатали.
И лежит нам путь далек —
Повезли нас на восток.
Только после мы узнали,
Что в Монголию попали.
Тут барханы и пески —
Можно сдохнуть от тоски.
В «Хамардабе» в землянках жили,
Из «Халхингола» воду пили.

Там камышь заготавливали,
Им землянки отапливали.
Надо было, мы и жили,
Честно Родине служили.
А вот главная беда:
Там стояли холода
Сорок пять и пятьдесят.
Патрулем идешь в наряд.
А на кухню попадешь,
До землянки чуть дойдешь,
До чего-же там устанешь,
На другой день еле встанешь.
Служба трудная была.
А страна войны ждала...

7.
Начинается война —
Всколыхнулась вся страна.
Нас на фронт пока не брали:
Здесь японцев ожидали.
А приказ готовым быть,
Честно Родине служить.
Прожит сорок второй год —
Подошел и наш черед.
Нам повесили погоны,
Посадили всех в вагоны.
Ну, Монголия, — прощай.
Здравствуй наш советский край,
Здравствуй русская земля.
Нас привозят в лагерь.
Лагерь советские
Звать «гороховецкие».
В лагерях нам пушки дали,
Их подробно изучали.
Все старались, как могли,
Чтоб в бою не подвели.
Ежедневно занимались
И так скудно мы питались.
Знали, что идет война
И воюет вся страна.
На болоте клюкву ели
И на фронт скорей хотели.
Но зависит не от нас,
А когда придет приказ.
До июня простояли,
И приказ нам зачитали:
На платформы все грузить
И немедленно отбыть.
И в суровую годину
Привезли под «Духовщину» —
Незавидный городок,
Перекресток трех дорог.
Сразу нас бросают в бой —
Взрыв, огонь, снарядов вой —
Не найти нигде спасенья.
Первый бой для нас крещение.
Пушки многие разбиты,
Были ранены, убиты.
Все-же мы торжествовали —
«Духовщину» с боем взяли.
Так с боями продвигались,
В землю в мерзлую вгрызались,
Днем и ночью воевали,
Города и села брали.
Померззел нам Гитлер-гад.
Восемь месяцев подряд
Из боев не выходили,
Много нечисти побили.

Вот под Полоцком стояли
И снарядов поджидали.
Вырыть я окоп хотел
И на мину налетел —
Она там в снегу лежала,
Меня что ли поджидала.
Взрыв, огонь и глухота,
И сплошная темнота.
Жив остался — не пропал,
В Читу в госпиталь попал.
Долго там меня лечили,
И врачи так заключили:
— Ты отныне инвалид.
У меня был страшный вид.
Я солдат нестроевой,
Но не рыпайся домой,
Ведь идет еще война,
В нас нуждается страна.
Инвалидов нас собрали
И в Монголию послали
Лошадей сопровождать,
На Украине их сдать.
Лошадей нам подогнали,
Мы в вагоны их загнали,
Дали сена им паек —
Путь в Украину далек.
Мы в дороге их кормили,
А на станциях поили.
Много было канители:
Кони ржали и храпели,
И друг дружку покусали
И к себе не подпускали.
Эта дальняя дорога —
Канители было много —
Посчитай-ка тысячу пять.
А на станциях стоять
Приходилось по неделе.
Добрались мы еле-еле.
В «Изяславле» все-же встали,
Лошадей по списку сдали,
В часть явились отдыхать
И домой отправки ждать.
Зачитали нам приказ:
Нас уволили в запас.
В октябре сорок четвертом
Я пришел солдатом тертым,
Третьей группе инвалидом
С изуродованным видом.

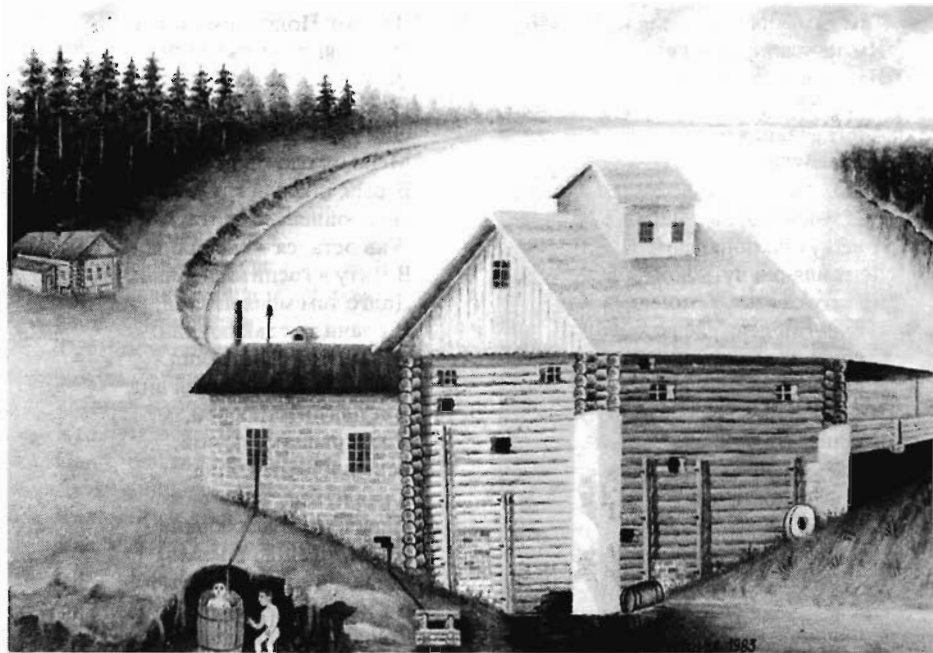
8.
Вот в родном доме живу
Не во сне, а наяву.
А как только отлежался,
На работу я подался:
Инструментальную принял
(Мне Миронов ее сдал).
Я освоился моментом
И следил за инструментом,
Подучился, все узнал,
И по маркам выдавал.
В «Безенчук» нас посылали,
Там валы нам шлифовали.
Тут вертишься, словно бес,
В нашей сельской МТС...
Был директор Антон Бойко:
Всю войну держался стойко,
Дисциплину соблюдал
И без дела не ругал.

Но ему и подчинялись,
Уважали и боялись,
И старались раньше встать
В МТС не опоздать.
9.
Вот и кончилась война.
Ликовала вся страна,
Веселился весь народ.
Был уж сорок пятый год.
Брат погиб наш средний Коля,
Не вернулся с поля боя.
Из села у нас немало
На полях с фашистом пало.
И стучалась похоронка,
Где живет вдова-бабенка.
Она всюду побывала,
Редкий домик обошла...
Ну, а мне, как говорится,
Уж пора пришла жениться,
Было ровно двадцать пять —
Надо семью создавать.
В Черемоховку ходил,
Дружбу с девушкой водил.
А в одну пришлось влюбиться,
Да боялся ошибиться:
И красива, и богата,
Ростом чуть вышековата.
Я в любви ей признаюсь:
— Согласись, я женюсь.
— Я согласна, — говорит, —
Моя мама мне велит.
Ребятишек у нас мало —
На войне поубивала.
Мы тут с ней договорились...
Свадьбу весело играли:
Пели песни и плясали.
А теперь пора вам знать,
Как мою невесту звать?
А зовите ее Аней,
А меня, понятно, — Ваней.
Расписались, поженились,
Тут и дети появились:
Народилась Валя дочка.
Стали ждать еще сыночка.
Родилась Лидушка дочь,
Не смогли мы ей помочь:
Всем лечили — не спасли
И на кладбище снесли.
Родился сыночек Саша —
Вся надежда, гордость наша.
Три семьи в доме одном —
Мы купить решили дом.
С Грецуком мы порядились,
В том-же доме расплатились.
Трудно было, но смогли
Дом кой-как перевезли.
До зимы с ним провозились,
Днями целыми трудились.
Дом собрали и покрыли,
Внутри дранкою обили,
На полу месили глину,
В нее сыпали мякину.
Оштукатурили весь дом.
Чтоб тепло держалось в нем,
Печь железную топили,
Штукатурку просушили.

Побелили, все убрали,
 Мебель кой какую дали:
 Стол, две лавки и кровать.
 Чтобы сесть где было, спать.
 Так вот мы в сорок седьмом
 Переходим жить в свой дом.
 Хорошо в своем дому —
 Не мешаем никому.
 Стали малость обживатьсь,
 По хозяйству заниматься.
 Мы в Осиновку сходили
 И корову там купили.
 Масляев Яков помогал,
 Он у коров приметы знал.
 Тесть конюшню подарил
 И не раз не покорил.
 Разводить мы пчелков стали,
 На поклон которых дали.
 Даже матери моей
 Пчел держать велели ей.
 Наша пасака растет:
 Держим их десятый год.
 И в хорошую погоду
 Собирали бочки меду.
 С Нюрой ездили вдвоем
 В ресторан его сдаем,
 Чтоб детей обути, одеть,
 А то стыдно поглядеть.
 Хорошо мы стали жить,
 Вроде неочем тужить.

10.

А сейчас хочу сказать
 И всю правду описать,
 Как действительно всё было.
 Да всё было и уплыло.
 Не причём тут наша хата.
 Во всем Нюра виновата.
 Вот она берет роман
 И ложится на диван.
 Она столько начиталась,
 А потом сама призналась:
 — Мы живем шестнадцать лет,
 А любви с тобою нет.
 Ты не муж, а наказание.
 С тобой жить — одно страданье.
 Прочитала я в романе:
 Говорилось там о Тане,
 Как её все уважали
 И до дому провожали,
 Про любовь с ней говорили
 И подарки ей дарили —
 Кто чего сумел давал.
 Муж её не ревновал.
 — И скажу я тебе Нюра,
 Что ты видная фигура.
 По гостям тебя водить
 С мужиками водку пить.
 Чтобы все тебя любили
 И подарочки дарили.
 Чтобы каждый целовал,
 Ну а я не ревновал.
 Понял я, Майоров Саня,
 Как с тобой трепалас Аня,
 А ты этому был рад.
 Подлость мне подсунил, гад.
 Одного ей было мало —
 Помоложе подыскала.

И.И. Кузин. Мельница. Холст, масло. 1983 г. Частное собрание

А как звать, вам не скажу,
 Я в секрете подержу.
 Его звали К.... С....
 Уж судьба такая наша.
 Сама Нюра мне призналась,
 Что с Майоровым трепалась.
 Нюра Сашу полюбила,
 Ну, а мне всегда грубила.
 А как сына родила,
 Тоже Сашей назвала.
 Тесть пришел к нам как-то раз,
 Был скандал опять у нас.
 Он на нас тут поглядел,
 Встал, пальто своё надел
 И сказал мне: — Разойдись.
 По селу ты не стыдись.
 Пусть сварливая жена
 Поживет теперь одна...
 Расхолись — не ругались,
 По хорошему расстались.
 Все к папаше увезла:
 У ней не было с ним зла.
 Как-то раз ко мне приходит,
 Разговор такой заводит:
 — Домик в городе купить,
 Не с родителями-же жить.
 Я не стал ей возражать.
 Дом детям пошли искать.
 Объявления читали,
 Подходящий дом искали.
 Мы весь город обошли,
 Какой надо не нашли.
 Мы на улице расстались,
 Через месяц повстречались.
 На Крестьянской дом купили.
 Меня дети попросили
 Им проводку заменить:
 — Тут положено платить.
 Тяжело у нас с деньгами,
 Мы запутались с долгами.
 — А ведь тесть вам денег дал,

Так в займы-ли — не сказал.
 Заменял я все, как надо.
 Тут уж Нюра была рада.
 Мы опять тут с ней расстались,
 Потом долго не встречались...

11.

Теперь слушайте, друзья.
 Как сложилась жизнь моя.
 Целый год я жил один,
 Не тужил, как господин.
 Кой-чего в дому устроил,
 Свои нервы успокоил.
 Сам приглядываюсь я:
 Где-же спутница моя.
 Как-то сродник мне сказал,
 На посёлок адрес дал:
 — Есть там женщина одна,
 И красива, и скромна,
 Много лет живёт без мужа
 И на все дела досужа.
 Признаюсь: её не знал
 И не разу не видал.
 Радиоузел я включаю,
 Туго камеры качаю,
 А потом на велик сел
 И, как пуля, полетел.
 По поселку я гуляю,
 Валин дом вообще не знаю.
 Повстречался «Ваня лей»
 И повёл он меня к ней.
 Но её не оказалось:
 На конюшне убиралась.
 — Ты сиди, а я пойду
 Её мигом приведу.
 Не сбежишь, — он мне сказал.
 Рекса к двери привязал.
 Вскоре Валя появилась:
 — Извините, не помылась,
 Я ведь быстро, на ходу
 Всё в порядок приведу.
 Скоро сродники пришли,

Водку, брашку принесли.
Оповестил Кулагин их:
Пришел свататься жених.
Так до вечера сидели,
Водку пили, песни пели.
Недалёко от села
Тут помолвка была:
Мы помолвились, гуляли.
Мать с отцом мои не знали.
Надо было к ним сходить,
Обо всем поговорить.
Говорит при всех мне Валя:
— У меня есть дочка Галя,
Ей сейчас шестнадцать лет,
Но сейчас её здесь нет.
У моей сестры она.
Уж приехать бы должна.
Надо в Сызрань ей явиться
На бухгалтера учиться.
На квартиру встанет там
И мешать не будет нам.
Я, конечно, был согласен.
И вопрос мне этот ясен.
Стал с гостями я прощаться
И в дорогу собираться.
Меня Валя не пускает
И все двери запирает —
Оставляет ночевать.
Мы ложимся на кровать.
Хорошо, что не ушел.
Ночью дождичек пошел.
Радиоузел выключать
Стал я Шури поручать.
И Кожевникова знает,
Когда скажешь, выключает.
Ночь прекрасно мы проспали
Лошадей в ту ночь украл.
Надо было загонять.
Теперь Вали отвечать...
Припасаться к свадьбе стали.
Всех родных своих позвали:
Я открытки посылал
И на свадьбу приглашал.
Расписались в сельсовете.
Были против мои дети.
Была свадьба у меня,
И гуляли мы три дня.
«Горько, горько», — нам кричали,
Целоваться заставляли.
«Молодым даем совет:
Жить в согласии сто лет».
Свадьба кончилась — и вот
Расходиться стал народ.
Гостей мирно проводили,
Посошком всех наградили.
Потихоньку разошлись.
За посуду мы взялись:
Перемыли и убрали,
Разнесли, у кого брали.
До полночи провозились,
потом спать мы завалились.
Сон хороший видел я —
Биография моя.
7/1 — 1989 г.

Публикация В. Ф. ШЕВЧЕНКО
(Ульяновск)

Н. П. ПЕТРОВА

«ВОТ СИЖУ И СОЧИНЯЮ...»

Надежда Петровна Петрова родилась 15 ноября 1917 г. на хуторе близ д. Корпово Плюсского р-на Псковской обл., в годы коллективизации переселилась в Корпово, где и прожила всю жизнь. В последние годы в связи с болезнью Надежда Петровна вынуждена на зиму пересезать в город. Стихи она начала писать несколько лет назад, когда оказалась парализована: «И знаете еще что: в то время это, когда я, было у меня скотина, работала — мне как-то не до этого было. Я устану, мне с головы токо дума была: что мне надо прожить, как-то кормиться, сено паковать, вот такое дело, так что я об этом как-то не задумывалась. А теперь я вот иногда думаю, что надо, может, было пораньше этот занятый-то, по не было время, я б, может, насочиняла бы и сборник каких-нибудь стихов; я щас думаю: могла бы, если могла бы писать...»

В своих стихах Надежда Петровна отражает пережитые ею события. Часть стихотворений с ее слов были записаны родственниками в отдельную тетрадь. Публикуемые стихотворения продиктованы Надеждой Петровной по памяти и приводятся в той последовательности, в которой они были прочитаны, с сохранением речевых особенностей автора и комментариев по ходу исполнения. Тексты записаны И. Назаровой, А. Поповой и И. Филипповым в фольклорной экспедиции Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета 1 августа 1999 г. и хранятся в Фольклорном архиве АГ СПбГУ.

На широких просторах России
Есть заветный родной уголок,
Где в далёкие прошлые годы
Одинок стоял хуторок.
(Хутор, вы знаете: там на окружности
только поля были все.)

Там весною поля зеленели,
Летом долу клонила роса,
Ранним утром там косы звенели.
Но где прошлое? Ничего не вернётся...
Вот на том хуторке моё детство
Пролетело, как клин журавлей.
Всё же в памяти много осталось
Моей юности радостных дней.
Помню я материнские руки,
Что когда-то ласкали меня,
Помню чудные, нежные звуки,
Когда лилась та песня соловья.
Но с годами там всё изменилось:
Хуторок, словно в сказке, исчез,
Где раньше хлеба колосились,
Там стоит лишь задумчивый лес.
Только ветер колышет вершины,
Словно делится грустью своей,
И печально кукушка кукует:
Видно, скучно ей без людей.
Ты оставь свои песни, кукушка,
Не тревожь мою душу тоской,
Кто здесь жил — никогда не вернётся,
Все ушли на бессмертный покой.

С той семьи лишь одна я осталась,
И не надо по мне горевать,
И уйду я по той же дорожке,
И никто не будет о нас вспоминать...

(Осенью надо уезжать, я сижу вот, смотря вокруг всё, ну и думаю: «Уеду я вот осенью: вернусь я сюда или не вернусь — я не знаю», — вот сижу и сочиняю.)

Прощай, родная деревенька!
Не знаю, встретимся ли вновь.
Но так печально расставаться,
К тебе сильна моя любовь.
Люблю твои поля и горы,
Люблю и твой зеленый лес,
Твои широкие просторы
И синеву твоих небес.
Любила я, когда зимою
Кружилась вьюга за окном...
(Правда, здесь тогда интересно было!
Вот в окошко посмотришь: кружится вьюга.)

И когда раннею весною
В природе пело всё кругом.
Но всё прошло, всё миновало,
На... [неразборчиво. — А. П.]
И дата круглая настала —
Ведь мне же восемьдесят лет.
(Это я сочиняла, вот мне было восемьдесят лет — в каком году? В девяносто седьмом, пятнадцатого ноября.)

Прошли года, моя тропинка
(Я уже ходить не могла.)
Травой высокой заросла,
От прежней жизни мне осталась
Печаль, тревога и тоска.
И домик наш...
(Вот он стоит.)
Он ждёт меня, наводит грусть.
Не жди, родной, мне нету силы,
Надежды мало, что вернусь.
Но, может быть, ещё весною,
Как лес оденется листвою,
Подарен будет мне судьбою
Увидеть снова край родной.
Мне жизнь, как тусклая свеча,
Горит и светит вечерком,
Одно неловкое движение
Её погасит ветерком.

(По дорожкам люди ходят, а я сижу, вдруг посмотрю на дорогу — вот и начинаю.)

Сижу уныло под окошком:
Весь мир открыт передо мной,
Но там знакомая дорожка
Зовёт, манит меня с собой.
Идти по ней была бы рада,
Но злая спутница-судьба
Болезнь оставила в награду
За труд, за прожиты года.
И только снится мне порою:
Иду дорожкой я лесной.
Как встану утренней зарёю —
Душа наполнится тоской.

Не ценим мы, какое счастье —
Пройти по утренней росе,
Увидеть солнце золотое,
Когда встаёт во всей красе.
Я поздно поняла всё это,
Ничто нельзя мне изменить,
Теперь ничем уже не свяжешь,
Когда разорванная нить.
Цените, люди, счастье жизни,
Оно от Бога нам дано,
Храните милую Отчизну,
Ведь краше ей нет ничего.

*(Вот посмотрю: краше ей нет ничего.
Надо продолжать, но я что-то не знаю,
что не хочет голова работать. Может, я
ещё зимой постараюсь, если доживу, а не
доживу — так пусть. Вот так.)*

Ты Россия, родная сторонка,
Сколько вынесла горя и бед!
На тебя надевали оковы,
Ты добила великих побед.
Той весной сорок первого года,
Ранним утром, безоблачным днём,
Накатилась страшная сила,
Ослепила зловещим огнём.
Застонала земля под ногами
Тех жестоких, коварных врагов,
И залилась Россия слезами,
Провожая на битву сынов.
Потянулись долгие годы
Той жестокой, суровой войны,
Погибли безвинно народы,
Даже малые дети страны!
Сколько вынесли люди России,
Помнит тот, кто остался в живых.
Ну а те, кто с войны не вернулся...
Мы уже сложим легенды о них.
Помню я то осеннее утро
Сорок третьим октябрьским днём:
Окружили деревню фашисты,
Ещё спавшую утренним сном.
Завязалась речь чужеземцев,
Выгоняя из дома народ:
Перед ним на знакомой лужайке
Словно призрак, стоял пулемёт.

*(Это, это всё я взяла из своей жизни
вот.)*

Перед этим исчадием ада
Встала горсточка мирных людей,
Не надеясь никто на пощаду,
Ждали участи горькой своей...
(А вот дальше я ещё ничего не придумала.)

*(Вот самое последнее то, что:)
Годы бегут, словно вешние воды,
Но надо стараться замедлить их бег,
Набрать больше силы при жизни*

*природы,
Чтоб долго и счастливо жил человек.
Тебе я, родная, всех лет желаю,
Здоровья и радости тихой земной.
Пусть беды, тревоги и горькие вести
Тебя и твой дом обойдут стороной.
Пусть солнце апрельское ярче*

*посветит,
Пусть птицы весенние звонче поют,
Цветы расцветут и порадуют душу,
И в дом твой придёт и покой, и уют.*

Публикация А.В. ПОПОВОЙ
(Санкт-Петербург)

Н.И. ДМИТРИЕВА

«НО ПРО БОЛЬ СВОЮ ДУШЕВНУ НИКОМУ НЕ ГОВОРЮ»

С 76-летней крестьянкой Ниной Ивановной Дмитриевой, сочиняющей стихи, мы по-встречались в Локнянском р-не Псковской обл. в августе 1999 г. во время фольклорной экспедиции.

Жизнь Нины Ивановны в последние годы — это постоянное страдание от остро переживаемого одиночества. Зимой в деревне Усадище, где она родилась и прожила всю жизнь, сейчас остается четыре человека, дети живут в городе, корова околела, а болезнь не позволила завести другую. Пустой дом и отсутствие привычной работы оставляют много времени для размышлений, «печаль» рождает стихи: «А вот так вот печаль найдёт, и получают стихи <...> болит и говорю».

Мир в сознании Нины Ивановны разделен на прошлое, в котором дом был наполнен детьми, а дни — работой, и одинокое настоящее. Прошлое кажется счастливым и, несмотря на все трудности, легким: «Ездили раньше с городом много народа — всех принимала. И на танцы, бывало, идут — все у меня, всей слет молодежи. И выпивают, и закуска — все было. А теперь вот дожили так, что трудные годы пришли». Настоящее — не жизнь, а ожидание (приезда детей, смерти) и тоска.

Стихотворения Нина Ивановна сочиняет, как и многие поэты-крестьяне, «в голове», не пужаясь в записях во время создания текста, а записать его потом может далеко не всегда: «У меня лице есть стихи, лице забыла, и забыла много. А некоторые записывала, а некоторые вот сложи и забуду. Ночью бессонница у меня часто бывает, я сплю, вот и получают стихи такие. А усну, наутро уже не получается так. А бывает в дороге, вот сочини стихок большой, куда иду далеко, а потом вот прозабудусь записать, не успею». Немногие же записи потеряли дети, чем очень обидели свою мать. Обида на пренебрежительное отношение детей к стихам оказалась столь сильной, что Нина Ивановна отказалась записывать и помнящееся, и вновь сочиненное.

Тексты, которые приводятся в данной публикации, были записаны участниками экспедиции АГ СПбГУ. Нина Ивановна по собственному почину откомментировала ситуацию, в которой родилось то или иное стихотворение. Ее комментарий мы помещаем в скобках после стихотворения.

Спроси, зачем живу на свете?

Не слышу голос человечий,
Сажу одна я у окна —
Жду, когда навястят меня.
А не дождусь — сердце сожмется,
Сляза горькая прольется,
И скажу сама себе:
«Никто по мне так не скучает,
Никто мяня не ожидает,
Никому я не нужна.
Крепись, дяржись, моя душа,

Пока яще я хороша».

(Это я просто сама с собой говорила.)

Не судите меня, дети,
Что я няласкова была,
Я трудны годики прожила
И лошадкою была.
А когда стала жизнь получше,
Я осталась одна,
Вся работа и забота
Возложилась на меня.
Я много слезонек пролила
На сырую мать-зямлю,
Но про боль свою душевну
Никому не говорю.
Я тогда про все забуду,
Когда вечным сном усну
И пчаль внясу с собою
Во сырую мать-зямлю.
Пусть бушуют в поле ветры
Над могилою моею,
Никогда больше ня встану
И не открою вам дварей,
И ня выйду на крылечко
Своих деток я встречать —
Буду спать в сырой могилы,
Вас ня буду докучать.

*(Ночью у меня бяссонница часто бывает,
ня сплю, вот и получают стихи такие.)*

Посадили в душу камень,
Камень семь пудов.
И когда ж ты меня втянешь
На вечный покой?
Я б тогда ня стала
Больше тосковать,
Ня стала б больше
Деток своих ждать.
Дети дорогие,
Милые, родные,
Все от мого сердца,
Все с моей крови.
А почаму ж на старости
Мамы ничьи?

*(А во дворе корова при смерти лежала.
Так мне тяжело было, и получился такой
стишок.)*

Милый давно ушел из жизни,
А я ответа все жду.
Но, наверно, не дождусь,
Пока сама к ням уйду.
Как умру, рядом положте,
Я про все яму скажу,
А вас, милые, родные,
Поминать нас попрошу.
Вы придете на могилу
И начнете поминать.
Может, вспомните тогда вы,
Что мы были отец и мать.

*(Смотрела на портрет мужа и тоже
стишок сочинила.)*

Публикация Н.А. ОКИНИНОЙ,
А.В. ТАРАБУКИНОЙ
(Санкт-Петербург)

О.Р. ХРОМОВ ЛУБОЧНЫЙ МИР АФАНАСИЯ КУЛИКОВА

«Теперь раненные солдаты ходят в галереи, музеи. Их сопровождают специалисты, объясняющие тонкие вопросы искусства, кажущиеся далекими вчерашним крестьянам. Толково устроенная галерея лубков явилась бы незаменимым местом, где солдат, поставленный лицом к лицу к народной картинке, мог бы действительно поучиться и отдохнуть», — писал в 1917 г. журнал «Путь освобождения»¹.

«Лубок — всеобъемлющая народная наглядная книга <...> Сколько раз картинка будет радовать глаз, двигать простецкую душу, просвещать, поучать и тешить, лубоко западая в людские сердца»².

В начале 1930-х рассуждения о лубке приобрели уже болс определенный характер: «Эта область искусства даст богатый материал при разрешении многих вопросов, связанных с нашей современностью. Ведь если мы свою культуру и искусство строим заново (пытаясь использовать наивысшие достижения в развитии старого искусства), то необходимо иметь в виду, что есть явления в искусстве прошлого — наиболее нам близкие...»³

Первое десятилетие советской власти вошло в историю народного искусства новыми темами, связанными с переосмыслением и наполнением новым содержанием старинной традиции украшения стен крестьянского и городского жилища лубочными картинками.

«Вот что сохранилось в моей памяти о раннем детстве. Лежа в люльке, я смотрел из-за занавески и видел на стене избы картинку около божницы. Сейчас это кажется просто: вся в складках просвечивающаяся кубовая занавеска — шутка матери; из этого шатра виден красный угол избы с божницей и лубочными картинками. Но детское впечатление от этого уголка неопишимо и невыразимо. А может это был сон... Эти лубки у нас долго сохранялись. От Рождества до Пасхи и от Пасхи до Рождества они лежали на полке, а к этим праздникам их прибавляли на стены. К празднику вся изба преображалась, в особенности к Святой», — вспоминал о своих детских годах один из создателей советского лубка замечательный живописец и график Афанасий Ефремович Куликов (1884—1949)⁴.

Для народной картинки характерны повествовательность и размышление, не-

торопливый рассказ или шутка, сочетающиеся с яркими цветовыми эффектами, порой уничтожавшими собственно изображение — рисунок. Эти парадоксальные картины стали открытием в искусстве начала XX в. В статье А.Н. Бенуа «Поворот

к лубку» (1909) был сформулирован господствующий «принцип-тенденция» развития нового искусства: «Одним из замечательных явлений в искусстве нашего времени можно считать то, что я бы обозначил «поворотом к лубку», т.е. умыш-

Автопортрет. 1934 г.

ленное старание художников отрешиться от виртуозности и, наоборот, желание вернуться к грубой простоте примитивного искусства. Явлению этому идет уже второй десяток лет, и оно не только не ослабевает, но напротив того, распространяется все более и более, приобретая все определеннее облик известной тенденции»⁵. Эта «тенденция» отобразилась в различных художественных течениях начала XX в. Ее продолжением в искусстве стал советский лубок, зачинателем которого был Афанасий Куликов.

Художник родился в крестьянской семье недалеко от города Малоярославца Калужской губ., в д. Исаково. Его детские годы проходили так же, как и у других деревенских мальчишек, но в 12 лет Афанасию пришлось расстаться с родным деревенским миром, «уйти в люди». Способности к рисованию привели его в иконописную школу. Прошли пять лет ученичества, и мастер-иконописец А.Е. Куликов приступил к самостоятельным работам, но в душе его не угасало стремление

к совершенствованию, оставалась неудовлетворенность достигнутым. Вскоре он оказался в московской Стенолазной школе, где учили храмовой росписи, а через год стал работать подмастерьем в артелях по росписям храмов. Сведений о нем от этого времени сохранилось мало. Известно, что вместе с будущим директором Палехского музея Н.М. Зиновьевым (1888—1979) он расписывал в Москве церковь Николы в Ямах (снесена в 1959 г.). Позднее, в 1912 г., руководил росписью Елоховского собора в Москве (в 1947 г. по официальному обращению правительства и патриархата в Союз художников он возобновил ее).

В 1906 г. А.Е. Куликов поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Там преподавали А.М. Корин, К.Н. Горский, Н.А. Касаткин, С.Д. Милорадович, А.Е. Архипов, Л.О. Пастернак, А.М. Васнецов, К.А. Коровин, но наибольший след в душе Афанасия оставил В.А. Серов. «Мечтал научиться писать так же, как Серов», — вспоминал А.Е. Кули-

ков позднее⁶. Один год он провел в его классе, но успел получить «похвалу» мастера.

В.А. Серов никогда не обращался к примитиву, лубку, и А.Е. Куликов следовал в живописных работах эстетическим принципам своего учителя. Природа, красота русской деревни, ее жителей, образы провинциальной повседневной жизни — эстетизированные, аристократические — остались на полотнах художника того времени: «Молотьба» (1907), «В трактире» (1908), «В горохе» (1908), «Губернский город» (1909), «Калужский большак» (1910), «Девки» (1910), «Масленица» (1912).

В училище А.Е. Куликов в качестве классного задания выполнял иллюстрации к фольклорным текстам: пословицам, поговоркам, частушкам, сказкам, — а его цикл рисунков к песне про Акульку получил «похвалу» преподавателя. В это же время у художника появляется интерес к образам лесных чудищ, лешего, «чертяк».

По окончании училища в 1912 г. Куликов отказался писать картину для полу-

Лубок «Горы Воробьевские». 1910 г.

чения звания художника, считая себя не готовым создать «натур-реалистическое произведение». С этого года он интенсивно занимался церковным искусством, расписывал храмы: необходимо было заработать средства для семьи (к этому времени у художника было уже трое детей) и самосовершенствования в Италии. Первая мировая война спутала планы. Поездку в Италию пришлось отложить.

Художник обосновался в городе Малоярославце, где построил дом и прожил с семьей до своей кончины, пережив все катаклизмы эпохи.

В Малоярославце он обратился к декоративным росписям подносов, шкатулок, ларцов. Продолжал заниматься живописью и писал графические произведения в лубочном стиле. «Писал в свойственной мне манере», — вспоминал позднее художник о предреволюционных годах.

Еще в 1906—1908 гг. А.Е. Куликов начал записывать фольклор в родных краях, пытался иллюстрировать его. В эти же годы были сделаны первые попытки создания народных картинок — не иллюстраций песен, сказок, легенд, которыми он занимался в училище, а именно лубков. Самая ранняя дошедшая до наших дней картинка датируется 1910-ми гг. Ее ком-

позиция основана на принципах старинного русского лубка, но по своему строю это еще обычная иллюстрация без какой-либо внутренней нагрузки: поучительной или юмористической. Сюжет картинки — «Песнь о Вороне и Горюч-Камне» или «Горы Воробьевские», записанная мастером в 1908 г. в д. Исаково от родственника жены Ивана Кузьмича Кузьмина.

Ой вы горы, горы Воробьевские!
Ничего вы, горы, не породили,
А породили один бел-горюч камень.
Из-под камня течет реченька.
Как на той ли реке рос ракитов куст,
А на том ли на кусту сидел млад-сизой
орел.

Во когтях он держал Черного Ворона.
Он и бить его не бьет,

а спрашивает:
— Ты скажи, ворон, где летал,
где полетывал?

— Я летал, летал по темным лесам
Да по чистым полям;

Я видал, видал ворон диво дивное:
Там лежит, лежит тело белое,
молодецкое,

Над ним вьются три ласточки,
Что три ласточки, три касаточки;
Перва ласточка — родна матушка,

Другая ласточка — сестра молодцу,
А третья ласточка — молода жена.
Мать плачет — река течет,
Сестра плачет — частый дождь
моросит,

А жена плачет — роса падает:
Взойдет солнце — росу высушит.

«Перевод» фольклорного поэтического пространства в изобразительное был непростой задачей для художника XX в., воспитанного в традициях реалистического искусства. Куликов внутренним поэтическим чутьем уловил формульность народной песни. Орел и Ворон, непохожие на реальных, почти неразличимые символы «вещих птиц», изображены в центре картинки в столь же абстрактной, условной кроне сказочного дерева. Условны и детали пейзажа лубка: иконописные горки, редкие схематично изображенные ели, небольшие сценки, теряющиеся на фоне листа и в то же время занимающие обособленное («свое») место.

В конце декабря 1917 г. А.Е. Куликов впервые экспонировал на выставке «Мир искусства» свои произведения в лубочном стиле: «Гармонисты в трактире», «Слепые около чайной», «У святого колодца» и «Беседа около деревенского трактира».

«Я Калинина люблю...» Оригинал лубка. 1927—1928 гг.

КРЕСТЬЯНКА! НЕ ПРОДАВАЙ ЯИЦ ЧАСТНИКУ. ОН НАЖИВАЕТСЯ НА ТВОЕМ ТРУДЕ.

«Крестьянка! не продавай яиц частнику». Эскиз плаката. 1920-е гг.

Немного ранее, летом и осенью 1917 г., художник создавал «галерею лубков» для журнала «Путь освобождения», издаваемого Художественной секцией Московского совета солдатских депутатов (МССД). Судьба галереи неясна, но МССД была выпущена первая серия «новых революционных» лубков Афанасия Куликова: «Авось да небось (Крещение революцией)», «Бедный Макар», «Вдоль по Питеру. Песня», «Горе Земли-Матери», «Стезя добродетели. Деспот».

Первые лубки художника не были похожи на традиционные произведения московских металлографий и литографий XVIII—XIX вв. Они только по форме воспроизводили мотивы старинной русской народной картинки. Произведения А.Е. Куликова — это размышления о войне и мире, добре и зле. Мастер занимался и литературным творчеством, придумывал тексты в жанре сказаний, песен или частушек, соединял их с изображениями.

Один из самых интересных листов этого времени «Пришествие антихриста» (1918). Он разделен на несколько регистров. В верхней части листа изображено явление Архангела Михаила, геенна, пожирающая смерть, камнепад, разрушающий город, тонущие корабли.

...Пшатнися, мать-сыра-земля,
Окунися в океан-море
И обмой ты свое личико,
Что загажено людишками.

Под страшной панорамой конца света следуют прямые «цитаты» из старых лубочных картинок о сотворении Адама и Евы, об образе Божьем в человеке. Однако традиционный сюжет был осмыслен и прочтен Афанасием Куликовым по-своему: за сотворением человека «по образу и подобию Божию» последовало поклонение антихристу — «Не утратили мы образ сей, но бессмертнейшую душеньку мы диаволу запродали...» Далее дается противопоставление идиллического «Божьего Града» с мужиками машинам и небоскребам, дымным трубам заводов.

Не звонят там цари-колкolly,
Не шумят леса дремучие,
А гудят гудки заводские,
И гремит машин железище,
Мины, пушки, истребители,
Людое-резки изготовлены.

В предпоследнем регистре в центре, в окружении рыдающего народа, изображен Христос, заточенный в темницу. На пер-

вом плане разворачиваются батальные сцены, среди которых фигура согбенного в горе, обхватившего голову руками мужика, который противопоставлен Христу. Это финал человеческой истории, рассказанной Афанасием Куликовым: стены черепов и поклонение антихристу, изображенному в виде машин и механизмов.

Картина отличается ясностью композиции. Ее литературная основа, созданная художником, напоминает духовный стих, отражающий народные утопии XX в. о счастливым граде.

«Пришествие антихриста» интересно и художественным решением. В нем нет мелких и второстепенных деталей. Они образуют прочно сцепленные между собой элементы, объединенные логикой текста, который введен в художественный образ листа и выполнен в стилизованной под старую кириллицу манере.

С 1921 г. Куликов начинает сотрудничать с «Госиздатом». С этого времени обычно начинают и историю советского лубка.

Первоначально лубок, по мнению исследователей 1920-х гг., заменяли плакаты⁸. Главное отличие между ними находили в том, что плакат — «орудие боевой агитации. Он имеет задачей оказать еди-

новременное, максимально сильное воздействие на психику потребителя <...> Лубок отличается от плаката сложностью композиции, текстовым изобилием, меньшей ударностью. Если плакат — средство агитации, то лубок носит в себе элементы массовой пропаганды⁹. До конца 1920-х гг. взгляд на лубок был еще не четок: лубочная картинка далеко не всегда соответствовала «задачам дня». По тематике советский лубок разделяли на военный (батальный), этнографическо-краеведческий, бытовой, исторический, портретный, сатирический. К лубку относили и репродукции с различных картин.

С середины 1920-х гг. лубок издавался уже не только Госиздатом, но и Центросоюзом, Ассоциацией художников революционной России (АХРР), Музеем Революции. Со всеми этими организациями А.Е. Куликов сотрудничал. Календарные стенки, открытки, лубки — все это делалось им с любовью, нередко на собственные тексты. В конце 1920-х гг. из лубков А.Е. Куликова исчезают философичность, рассуждения о вечных темах, они превращаются в яркие картины «нового деревенского быта», облеченные в форму шуток, нередко лишённые пропагандистской нагрузки.

«В чем соль этих лубков? — спрашивала ведущий специалист-эксперт в области искусства тех лет Фрида Рогинская. — Против кого они направлены? Надо сказать, что в них меньше всего сатиры. Обычно это просто шутка, как, например:

Я Калинина люблю
Прямо без стеснения
И по радио пошло
Ему объяснение
(по оригиналу худ. Куликова, изд. АХР).

На листе — девушка с радиоушами на голове. Электрический провод ведет прямо в зал заседания ВЦИК, где Калинин произносит речь.

Иногда эта шутка даже бессмысленна, как, например, девушка, пляшущая в кругу ребят и надпись:

Ух, ты, да ох ты,
Все пошли кофты.
А я руки за бока,
Сыграй, Ваня, трепака.

Или крестьянская парочка курит, и надпись:

Моя Милка дым пущая,
Меня дымом угощая.

Выпуск этих лубков Музеем Революции вызывает немалое недоумение¹⁰.

В 1930-е гг. лубок А.Е. Куликова существенно изменился. Образы нового быта, смех, жалость по ушедшей традиционной русской жизни сменялись своеобразными «театральными» образами «новой деревни».

Голод, трагедия колхозного строительства не прошли мимо художника. Он лично ездил на юг за хлебом, был в руках бандитов и продотрядовцев. Его родные и близкие проходили через коллективизацию у него на глазах. Трудно однозначно сказать, понимал ли мастер суть происходящего, но внутренним чувством, ощущением, душой он, видимо, ее осознавал.

В 1930 г. Куликов, как и многие другие художники, был командирован издаваемым Центросоюзом рабоче-крестьянским кооперативным журналом «Смычка» на два месяца в совхоз-гигант с целью запечатлеть плоды колхозного строительства.

«Здравствуйте! Я жив, здоров. Нахожусь в Совхозе имени Крупской Мелекесского р-на Ульяновского округа, за Волгой верст 150. Не везет мне: ездил, ездил и ничего не выезжал. Место некрасиво, ровное, степь. Среди степи постройку и еще только строятся — бараки: стены глиняные, крыша — оцинкованное железо. Стиль железнодорожных рабочих барачников. Ни деревьев, ни травинки, иль ухаба. Всюду тракторы, грузовики — воняет бензином. Солнце жарит... Полуголые люди, запачканные, пыльные, бойко перекликаются, пуская непечатные словечки. Трактористы с надетыми на голову кепками козырьком назад и на лбу дорожными очками в прозодежде немецкого образца (вроде комбинезоны) с засученными рукавами держатся ухарски. На фоне темно-серой пыли группа цвета оржаной соломы детишек строится под руководством комсомолки загорелой с соломенными волосами, собираясь на прогулку. Столовая — тесовый барак с крышей, но без потолка, длинные неровные столы, простые скамьи, два плаката. Посетители самые разнообразные: и бедняки в сермягах и лаптях нечесаные, и средняки аккуратно подбритые — степенные, и рабочие в блузах черных от грязи и комсомольцы в майках, и люди в очках и кепках. Тут и оборванные мальчишки, и оскуделые женщины дожидаются, когда останется недоёденная пища, чтоб ею насытятся». Таким предстал перед художником совхоз-гигант им. Н.К. Крупской, его необходимо было запечатлеть на века как явление «новой жизни». «Осовелый гляжу на эту картину и думаю, зачем я сюда приехал»¹¹.

Аналогичное письмо-отчет художник отправил в редакцию. «Как жаль, — отвечала редактор, — как ужасно жаль, что эта поездка Вам выдалась такая неудачная, а я ждала от Вас совсем другого рода письмо, я надеялась, что это будет отдых для Вас и что сможете многое для себя поработать <...> Я понимаю, что Вам как художнику с вашей чуткостью трудно жить в наше время, и мне бывает очень трудно, но надо смотреть на все легче, сквозь пальцы, словом надо смотреть только на хорошее, а все скверное пропускать мимо глаз и ушей...»¹²

«В лубочной картинке все не похоже на правду и все лучше правды»¹³.

Результаты поездки — сытые хлебопечки, ликующие крестьяне на сенокосе, образы счастливых тружеников на уборке овощей, подобных сказочным плодам, и т.п. Все это внешне кажется «сусальным», заказным, лишенным подлинности, далеким от искусства. Это лубок — «небылица в лицах» — образ счастливой страны сельских тружеников, мечты и утопии, и вместе с тем — размышления в линиях и красках, без злобы, со скрытой мудрой усмешкой художника-мыслителя Афанасия Куликова над судьбой народа, «новой колхозной жизнью».

Примечания

¹ Путь освобождения. 1917. № 3 (20 августа). С. 22.

² Грищенко А. Народная картинка — лубок // Путь освобождения. 1917. № 3 (20 августа). С. 15.

³ Никитин М.М. К истории изучения русского лубка // Советское искусствознание. М., 1986. Вып. 20. С. 415.

⁴ Куликов А. Художник ли я? Воспоминания // Афанасий Ефремович Куликов. 1884—1949. Русский советский лубок: Каталог. М., 1978. Б/с.

⁵ Бенуа А.Н. Поворот к лубку // Искусство и печатное дело. 1909. № 4—6. С. 29.

⁶ Куликов А. Указ. соч.

⁷ См. об этом: Хромов О.Р. «Сотворение мира» в русском лубке // Живая старина. 1997. № 1. С. 10—12.

⁸ Рогинская Ф. Советский лубок. М., 1929. С. 16.

⁹ Поволоцкая Е. О плакате и лубке // Искусство. 1929. № 1—2 (III—IV). С. 107.

¹⁰ Рогинская Ф. Указ. соч. С. 42.

¹¹ Письмо А.Е. Куликова жене К.Т. Куликовой из совхоза-гиганта им. Н.К. Крупской без даты. Здесь и далее письма и документы цитируются по оригиналам, хранящимся у наследников художника.

¹² Ответ редактора. Москва, 7 июля 1930 г.

¹³ Грищенко А. Указ. соч. С. 16.

В 2000 г. в издательстве «Белый берег» вышла книга об Афанасии Куликове, изданная на средства правнука художника Дмитрия Бакатина

Т.Ю. ВЛАСКИНА

ДЕТСКИЕ ТЕКСТОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ

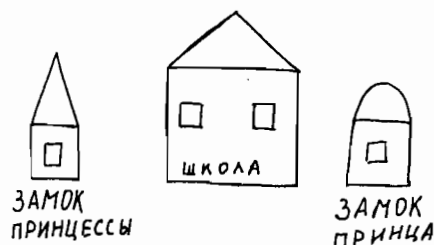
Текстографические загадки — один из распространенных в настоящее время жанров школьного фольклора. Родители, бабушки и дедушки учеников 1—7-х классов, которых автор опрашивала в 1997—1998 гг. в школах г. Ростова-на-Дону, вспоминали о бытовании подобных загадок уже в 1940-е—1960-е гг. Встречаются они, вероятно, повсеместно: нам известны варианты из Ростова и Ростовской области, Санкт-Петербурга, Москвы, Воронежа, Волгограда, Ташкента. Загадки представляют собой текст, передаваемый устно, и сопровождающий его рисунок. По особенностям бытования, формы и содержания среди них выделяются три группы.

Первую группу составляют загадки, в которых рисунок является непосредственным источником информации об ответе. Наиболее распространенные персонажи — *принц и принцесса, дед и бабушка, внучка*. Так же, как и персонажи, подчеркнута сказочными являются обстоятельства развития сюжета. Действие разворачивается в *лесу, возле озера, вблизи замков принца или принцессы*, что, однако, не исключает присутствия в том же локусе таких прозаических объектов, как *школа и магазин*. Такие загадки бытуют преимущественно среди учащихся 1—3-х классов, в однополых компаниях.

Примеры загадок I группы:

№ 1. В одном замке живет принц. В другом — принцесса. Между ними — школа.

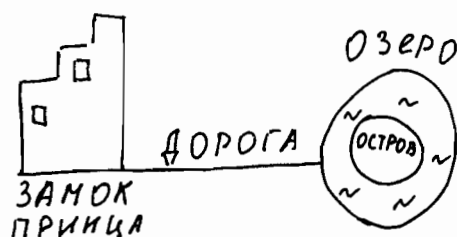
Вопрос: почему принцесса ходит в школу, а принц — нет? (Вар.: кто из них получит пятерку?)

Ответ: потому, что у него карандаш не заточен (при ответе нужно указать на крыши «замков» на рисунке). (Вар.: потому что он «тупой».)

№ 2. В замке живет принц. Он вышел из замка и пошел гулять по дороге к озеру. Вдруг у него из кармана что-то выпало, теперь он не сможет попасть в замок.

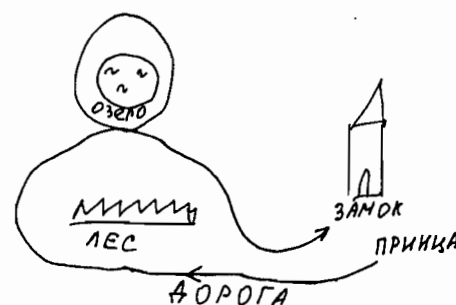
Вопрос: что уронил принц в озеро?

Ответ: он уронил в озеро ключ.
№ 3. От замка принцессы к замку принца ведет длинная извилистая дорога.
Вопрос: что нужно надеть принцессе, чтобы не заблудиться?

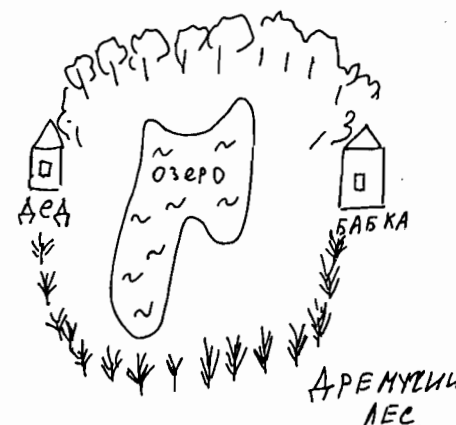

Ответ: очки.
№ 4. Принц вышел из замка и пошел гулять к озеру. По дороге он обошел лес и озеро и вернулся домой.
Вопрос: что он потерял по дороге?

Ответ: зеркало и расческу.
№ 5. Живут дед и бабушка. Вокруг непроходимый, дремучий лес. Между их домами глубокое озеро, которое нельзя переплыть.

Вопрос: как деду пройти к бабушке?

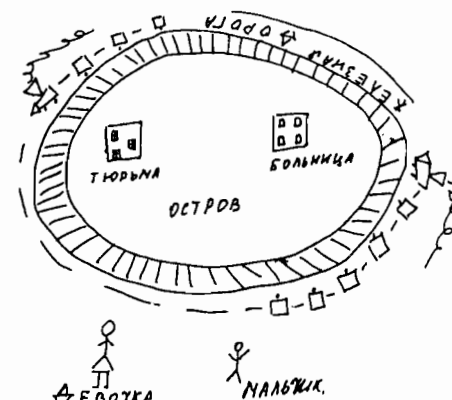
Ответ: озеро — это топор. Надо взять топор, вырубить лес и сделать дорогу к бабушкиной избушке.

Вторую группу составляют загадки, в которых рисунок выполняет функцию иллюстрации. Поскольку ответ прямо с рисунком не связан, основную семантическую нагрузку несет текст, в сравнении с текстами загадок первой группы обычно более развернутый. Уже знакомая по отдельным из приведенных выше примеров сюжетная основа — достижение некой цели, которое возможно только через преодоление препятствия, — абсолютизируется. Из текстов исчезают подчеркнута сказочные герои и декорации — *принц, принцесса, их замки*, зато действие переносится в маргинальные сферы, такие как *тюрьма, больница, кладбище, железная дорога*. Основными персонажами становятся *дед, бабушка, девочка, мальчик, обезьяна*. Для загадок этой группы характерно наличие псевдоперсонажей. К ним относятся персонификации границы: *черти, милиционер, мухи*, а также *поезд*, наделенный свойствами живого существа. Загадки второй группы широко распространены среди учащихся 5-х, 6-х, реже — 7-х классов, как в однополых, так и в разнополых компаниях.

Примеры загадок II группы:

№ 1. Стоит остров. Вокруг него железная дорога. По железной дороге ездит поезд, он никогда не останавливается. Внутри острова тюрьма и больница. В тюрьме сидит отец мальчика, а в больнице лежит мать девочки.

Вопрос: как мальчику попасть к отцу, а девочке — к матери?

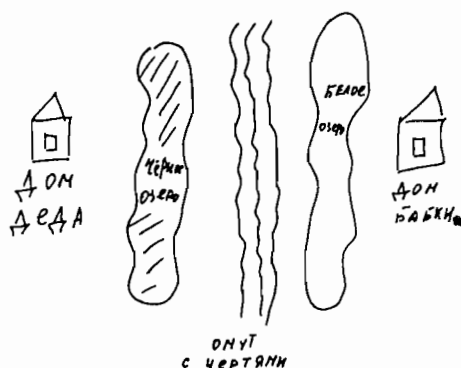

Ответ: мальчик должен кинуть девочку под поезд, тогда мальчик попадет к отцу в тюрьму, а девочка — в больницу к матери.

№ 2. Стоит дом деду, рядом с ним — черное озеро, дальше — омут с чертами,

за ним — белое озеро, за белым озером — дом бабки. Обойти нельзя, пройти мимо чертей тоже.

Вопрос: как деду попасть к бабке?

Ответ: надо деду окунуться в черное озеро, тогда черти примут его за своего и пропустят. Потом он должен окунуться в белое озеро, чтобы бабка его узнала.

№ 3. Стоит дом черта, дальше стоит милиционер, а потом — дом чертихи. Обойти милиционера никак нельзя. Милиционер не пускает чертиху к черту.

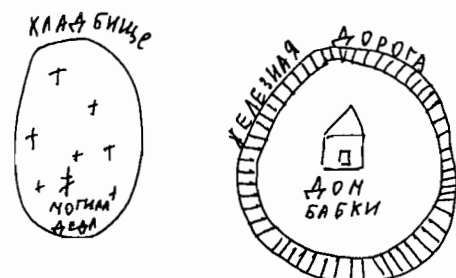
Вопрос: как чертихе попасть к черту?

Ответ: чертиха подойдет к милиционеру, попросит у него закурить, а он «пошлет ее к черту». Вот она и попадет к нему.

№ 4. Стоит дом бабки. Вокруг него железная дорога, по ней без остановки ездит поезд. Рядом кладбище, там могила деда.

Вопрос: как бабке проведать деда?

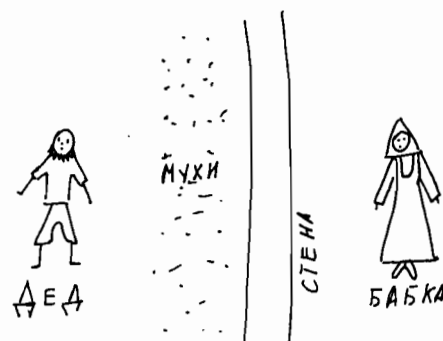

Ответ: бабка бросится под поезд и попадет к деду на «тот свет».

№ 5. Стоит высокая стена. С одной стороны стены — дед, с другой — баба.

Над стеной вьются мухи и не дают деду попасть к бабе.

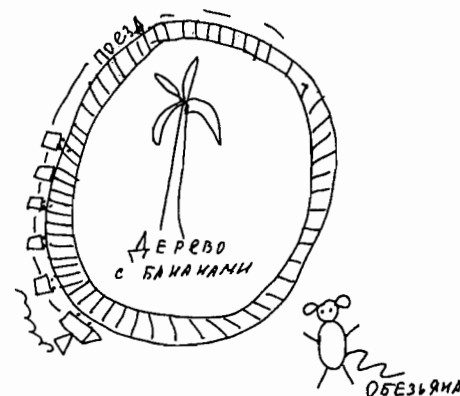
Вопрос: как деду попасть к бабе?

Ответ: дед нас...т возле стены, мухи слетятся на кучу, а дед тем временем перелезет через стену и попадет к бабке.

№ 6. Стоит дерево с бананами, вокруг него всегда без остановки ездит поезд. С другой стороны поезда сидит обезьяна, она хочет достать банан.

Вопрос: как обезьяне добраться до бананов?

Ответ: пусть обезьяна покажет поезд свой красный зад. Поезд подумает, что это семафор, и остановится.

Третью группу составляют псевдозагадки, которые построены на провокации — заведомо некорректно поставленном вопросе. Функции рисунка в них варьируют: рисунок может быть как иллюстрацией, так и источником информации об ответе. Сюжетные коллизии и состав действующих лиц этих текстов подобны тем, что использованы в загадках первой и второй описанных групп. Псевдозагадки распространены среди учащихся 6—7-х классов, в разнополых компаниях. Чаще всего их загадывают «чужакам», а также — мальчики девочкам и наоборот.

Примеры загадок III группы:

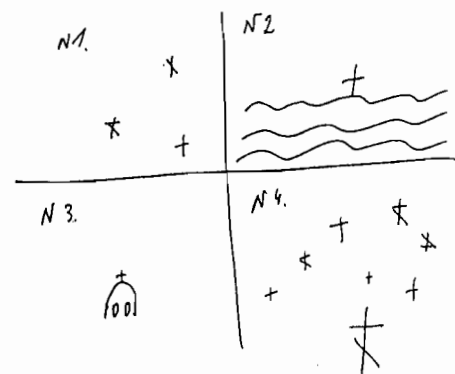
№ 1. Стоит озеро, а в нем плавает огромная акула. С одной стороны озера живет дед, с другой — бабка. Обойти озеро нельзя, переплыть тоже.

Вопрос: как деду попасть к бабке?

Ответ: в озере не бывает акул.

№ 2. «Проверка на тупость».

Вопрос № 1: под каким крестом похоронен раненый солдат?

Ответ: ни под каким, он еще не умер, а только ранен.

Вопрос № 2: на что это похоже?

Ответ: корабль затонул.

Вопрос № 3: на что это похоже?

Ответ: бабка богу молится.

Вопрос № 4: какой крест самый большой?

Ответ: тот, который посередине.

Таким образом, детские текстографические загадки являются фольклорным жанром, который существует преимущественно как сочетание графической и вербальной форм, хотя для определенной их части наличие рисунка не имеет принципиального значения. Они тесно связаны с современной школьной культурой. Прежде всего это проявляется в структурной организации текстов, явно имитирующих математические задачи: условие, чертеж, вопрос, ответ. Загадки первой группы, распространенные среди ребят, недавно пришедших в школу, по форме близки к головоломкам из популярных детских журналов, а их сюжетная основа заимствована из сказок. Однако, выбирая из множества сказочных героев абстрактных и поэтому практически обезличенных *принца и принцессу, деда и бабу*, загадка не только помещает их в декорации несказочного бытия (что, впрочем, вполне согласуется с характерным для жанра загадки

в целом абсурдным совмещением несовместимого), но и уподобляет их «ученикам» и «рабочим» школьных задачников по арифметике. Свойственная традиционным славянским загадкам-текстам «причудливая словесная игра» [1. С. 17] здесь заменяется игрой изображений, в которой предметы и реальные явления предстают в виде рисунков-символов, что, однако, оставляет неизменной основную функцию загадки — преобразовать обыденность, выявляя связи между различными компонентами бытия. В чем, видимо, и кроется причина популярности именно этого типа загадок среди детей младшего школьного возраста, переживающих период переоценки ценностей, пытающихся совместить «старую» (дошкольную) и «новую» модели мира.

В текстографических загадках много общего с другими жанрами современного школьного фольклора, такими как «страшные рассказы» и «саdistские стишки». Особенно это заметно в текстах, отнесенных нами ко второй группе. Именно для них характерно то гротескное, лишенное сентиментальности, «карнавальное» отношение к смерти, на которое неоднократно указывали исследователи детского фольклора [2. С. 11; 3. С. 43—45]. Однако прагматика жанра — необходимость найти ответ загадки — вносит существенный нюанс в трактовку темы смерти. В загадках *смерть* чаще всего не столько повергаемое «страшилище», порождение «взрослой» культуры [4. С. 59—60], сколько средство преодоления преград, способ осуществления перехода в иной качественно-пространственный локус. Другим характерным для загадок второй группы способом борьбы с препятствиями является *смех*. Обращение к «материально-телесному низу», использование таких откровенно площадных мотивов, как изменение внешности, оголение, отправление естественных надобностей, брань, драка (бросание камней), пиршество (добывание кокосовых орехов, яблок), — все это образует целый комплекс преодоления преград путем их снижения и развенчания.

Препятствия в этих загадках представляют собой некую абсолютную категорию вне зависимости от элементарной логики и здравого смысла (ср.: *Стоит дерево с бананами, вокруг него всегда, без остановки, быстро ездит поезд*). Формула *нельзя обойти/переплыть/попасть/достать*, с одной стороны, безусловно связана со стилями школьных задач, с другой — представляет собой доведенную до абсурда систему родительских запретов, которая в восприятии их детской психикой в итоге и образует «предлагаемые обстоятельства» загадок (тот же феномен в полной мере реа-

лизован в «саdistских стишках» [5. С. 550—551]). Появление в текстах различных эпатажирующих деталей вызвано потребностью «произвести впечатление», обратить на себя внимание в разнополюсных компаниях.

Популярность текстов исторических загадок о преодолении препятствий приходится на возрастную группу, для которой актуальны как мировоззренческий поиск, так и деление окружающих на «своих» и «чужих». В качестве инструмента такого деления, своеобразных «инициационных испытаний» подчас выступают именно текстографические загадки, и особенно часто псевдозагадки (не случайно одна из них представляет собой настоящий тест и называется «Проверка на ту-пость»). Псевдозагадка как при правильном, так и при неправильном ответе провоцирует смех, разряжающий психологическую обстановку в компании подростков. Сквозящая в этих текстах самоирония показывает, что для этой возрастной группы востребованными оказываются не сами загадки, а пародия на них.

Тем не менее, несмотря на очевидную функционально-психологическую соотнесенность каждой группы текстографических загадок со спецификой современной школьной культуры, многие черты этого жанра тяготеют к традиционному фольклору. Для загадок характерно использование и воспроизводство ряда универсальных мифологических мотивов. Среди этих мотивов концептуальная роль принадлежит *мотиву пути*. Как и в традиционных волшебных сказках [6. С. 47—48], в текстографических загадках *путь*, который преодолевает герой, имеет признаки *пути в иной мир*. А в ряде случаев, как в тексте № 4 II группы, — это путь в загробный мир: *Бабка бросится под поезд и попадет к деду на тот свет*. Очевидно, что путешествие необыкновенно важно для загадки, ведь зачастую (особенно в загадках I группы) именно с дорогой и связаны превращения препятствий в средства достижения цели. Своеобразной перекличкой со сказкой выглядит в загадках мотив тождества предметов и элементов окружающего мира: *зеркало/озеро, гребешок/лес, ключ/дорога* и др. В сказке это обычно «волшебные предметы», помогающие герою ускользнуть от погони; в загадке — потерянные или необходимые вещи.

Так же архетипичны наиболее часто представленные во всем корпусе загадок персонажи — *дед и бабка*.

Некоторые свойства разделенных территорий явствуют из особенностей препятствий, важнейшее из которых — непроходимость. Препятствия графических загадок не только безапелляционны, как ро-

дительские запреты, они к тому же не могут быть обойдены, как и избушка на курьих ножках, стоящая «на какой-то такой видимой или невидимой грани, через которую Иван (герой. — Т.В.) никак не может перешагнуть. Попасть на эту грань можно только через, сквозь избушку...» [6. С. 59]. Тот факт, что в ряде текстов граница, подвергнувшись воздействию характерной для детской психологии «всеобщей персонализации» [4. С. 61], воплощается в особое существо, только подчеркивает глубокую связь загадок с традиционной мифологией, в которой граница и ее страж часто выступают в симбиозе.

Препятствия загадок неизбежно должны быть преодолены. Способы преодоления — смерть (гр. II, № 1, 2, 4), получение «волшебного средства» (гр. I, № 2, 3, 5), смех (гр. II, № 5, 6) и др. — прямо соотносятся не только со сказкой, но и с традиционными ритуалами изменения социального статуса: через смерть и новое рождение в ином качестве.

Таким образом, школьные текстографические загадки наследуют традиционному фольклору (преимущественно волшебной сказке), заимствуя и преобразуя целый ряд архетипических мотивов. Устойчивость традиционных мифологических элементов обусловлена непреходящей актуальностью для детского сознания ряда сюжетных коллизий и образов «инициационного круга», таких как *приобретение новых качеств, изменение статуса, преодоление препятствий, разделение окружающих на «своих» и «чужих»*. В то же время наиболее вероятно не непосредственная преемственность, а воздействие «универсалий общественного сознания» (7. С. 4) на творческую активность детей — создателей этих загадок.

Литература

1. Аникин В.П. Художественное слово // Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 2. Детство. Отрочество. М., 1994. С. 5—18.
2. Белоусов А.Ф. Вступительная статья // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М., 1998. С. 5—14.
3. Осорина М.В. «Черная простыня летит по городу», или Зачем дети рассказывают страшные истории // Знание—сила. 1986. № 10. С. 43—45.
4. Лойтер С.М. Детские страшные истории («страшилки») // Русский школьный фольклор. С. 56—66.
5. Белоусов А.Ф. «Саdistские стишки» // Русский школьный фольклор. С. 545—557.
6. Лойтер С.М. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
7. Неклюдов С.Ю. После фольклора // ЖС. 1995. № 1. С. 2—4.

Т.В. ЛИС, И.А. РАЗУМОВА

СТУДЕНЧЕСКИЙ ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЙ ФОЛЬКЛОР

В продолжение «студенческой» темы, начатой в «Живой старине» статьей Е.Л. Мадлевской¹, мы представляем небольшой фрагмент коллекции студенческого фольклора, посвященной теме экзаменов. Основу ее составляют тексты, записанные в 1997—1998 гг. от студентов Карельского государственного педагогического университета.

Экзаменационная ситуация предписывает студенту целый ряд официальных нормативных требований и правил. В ответ на это студенческая субкультура вырабатывает собственные формы ритуализованного поведения, магического прогнозирования и защиты, снятия стресса. На наш взгляд, словесность, связанная с экзаменами, представляет самый разработанный пласт студенческого фольклора. Она сопровождает все этапы экзамена (сессии), начиная с подготовки к нему, и выражается в разнообразных жанрах. Аккумуляция и передача опыта осуществляются, например, в рекомендательных текстах афористического характера:

«Перед экзаменом.

Вера — в доброго преподавателя и большую подсказку.

Надежда — на счастливый билет и шпаргалку в рукаве.

Любовь — к хорошим денежкам и банкету после удачно завершившегося экзамена.

Верь, надейся, люби — будешь примерным студентом в глазах окружающих» (зап. Т.В. Лис от Анны, студ. II курса).

Осознание того, что идеальным нормам соответствовать невозможно, актуализирует обращение к высшим силам. Перед экзаменом используются заговорно-молитвенные тексты. Из традиционного фонда отбираются прежде всего заговоры «на подход к властям» и «в дорогу» (что можно объяснить в контексте «переходности» экзаменационной ситуации). В зависимости от субъективного к ним отношения эти заговоры выполняют собственно магическую или «профилактическую» функцию.

В самой студенческой среде в духе традиций «школярского» фольклора рождаются пародийные тексты «молитв», которые преследуют, главным образом, цели снятия психологического напряжения:

«Господи! Иже еси на небеси, на экзамене шпаргалку принеси! Пресвятая Мария-девица! Не дай на экзамене провалиться! Всемогуший Иисус Христос! Не задай на экзамене лишний вопрос! Господи! Спаси от кола и двойки, накажи Иуду предателя в образе преподавателя! Вели-

кий Николай-мученик! Подскажи все недоученное! Во имя Отца и Сына и Святого Духа во веки веков. Аминь» (зап. Т.В. Лис от Людмилы, студ. II курса).

«Господи, прости наши души ленивые, Головы ленивые и бестолковые.

Принеси в них хоть немного знаний, Дай списать из приготовленных шпаргалок.

Аминь» (граффити).

Различные магические способы подготовки к экзаменам существуют столько же, сколько сама студенческая (школьная) культура. В частности, помощь тем, кто учится, призваны были оказывать местноточимые святые. В XIX — начале XX в. в Петрозаводске стояла часовня Фаддея Блаженного, покровителя города, и у гимназистов был обычай обрывать там лепестки бумажных цветов с венков и засовывать их в пишущие ручки (тем же способом сейчас иногда прячут шпаргалки). Считалось, что Фаддей Блаженный помогает сдавать экзамены².

Современный студент больше уверен в том, что «экзамен — это лотерея», поэтому он старается не столько умолять высшие силы, сколько «поймать удачу». Ритуал вызова «Халявы», описанию и анализу которого была посвящена статья Е.Л. Мадлевской, имеет очень широкое распространение среди студентов и школьников. В периоды сессии можно наблюдать, как в зданиях общежитий открываются все форточки и массово совершается магическое действие. Существуют и менее традиционные его варианты. Так, курсанты одного из высших военных учебных заведений Санкт-Петербурга, поймав «Шару» (так они называют этот дух удачи), раскладывают раскрытые зачетки на полу и прокатывают над ними штангу, чтобы Шара наверняка припечаталась к ним (зап. И.А. Разумовой от курсанта II курса).

То, что Халява стала устойчивым фольклорным персонажем, подтверждается бытованием рассказов о ней сказочно-анекдотического характера: «Когда наступила полночь и с окон девятиэтажного общежития на Повенечкой (улица в Петрозаводске. — Т.Л., И.Р.) послышались соответствующие зывания к Халяве, то она решила ответить: "Ловлюсь". Удачливое окно не замедлило попросить: "Хочу четверку". Халява ответила: "Будет и четверка". Тогда окошко обнагле: "Пять хочу". На что Халява ответила: "Тогда учи", — и больше ее никто не слышал» (зап. Т.В. Лис от Ольги, студ. II курса). Нельзя не заметить здесь параллели к сюжету «Золотая рыбка» (№ 555 по Аарне—Томпсону).

В традиционной культуре ритуально отмеченное время характеризуется повы-

шенной знаково-символической деятельностью, предметов, слов. В экстремальной ситуации экзамена испытуемый готов истолковывать все, что находится вокруг него и с ним происходит, в символическом ключе. Возрастает значение сновидений и другой мантической символики.

Приснившийся номер билета или экзаменационный вопрос — один из типичных мотивов рассказов о «вещих» снах. Чтобы такой сон приснился, нужно, ложась спать, пожелать этого. Угадывание номера билета по сновидению иногда требует дополнительных специфических вычислений: «Перед экзаменом мне приснился вещий сон. Я увидела табло, на котором горела твоя фамилия (Лис. — Т.Л., И.Р.). Я подсчитала, что буква "л" стоит на тринадцатом месте, поэтому я решила, что мне попадется тринадцатый билет. Мне, действительно, попался тринадцатый билет, но только вопросы в нем были другие» (зап. Т.В. Лис от Ольги, студ. II курса).

В атмосферу экзаменационных предчувствий и предзнаменований вовлекаются и ближайшие родственники: «Мама видела перед моими вступительными экзаменами число 454. Именно такие и в таком порядке я получил оценки» (зап. О. Аникиной от Р., студента, г. Суоярви). Чрезвычайно усиливается значение числовой символики, указывающей на номер билета и балл.

Если не все, то большинство известных видов гаданий становятся частью студенческой магии: библиомантия, гадание на картах, с кольцом, по «первой встрече» и т.д. При этом используются вопросы, заклинания и даже детские считалки. Вот несколько типовых рекомендаций:

1) спросить у первого встречного, какой билет попадется на экзамене;

2) написать на бумажках номера билетов, положить на ночь под подушку, а утром вытянуть одну бумажку;

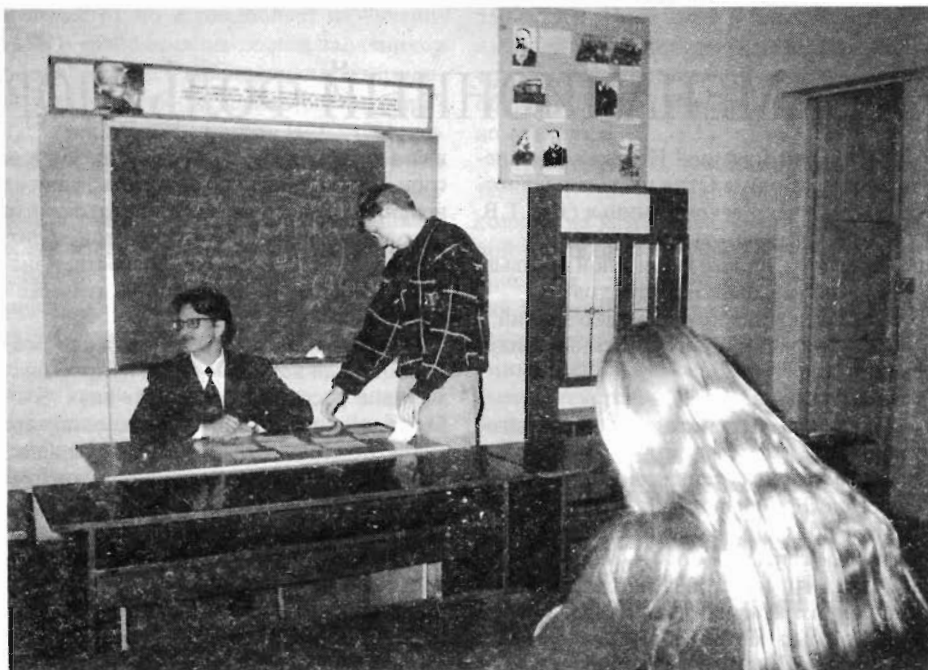
3) в столбик написать номера билетов, взять золотое кольцо, продеть нитку; над каждым номером билета нужно говорить: «Колечко, колечко, выпадет ли мне этот билет?» Если кольцо движется по вертикали, а не по горизонтали, значит, этот билет и выпадет;

4) берешь книгу, с закрытыми глазами выбираешь из нее букву, подчеркиваешь ее ручкой или карандашом; под каким номером эта буква стоит в алфавите, такой билет тебе и достанется на экзамене;

5) раскладывают бумажки с номерами билетов и считают: «Рыба, рыба, рыба-кит, рыба правду говорит, если рыба будет врать, надо рыбу наказать»³;

6) чтобы узнать, удачно ли сдашь экзамен, можно разложить карточный пасьянс.

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ЛИС, студентка; ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА РАЗУМОВА, доктор филол. наук; Карельский гос. пед. университет (Петрозаводск)

Выполняя прагматические функции контроля и аттестации знаний, экзамен одновременно является символической процедурой с центральным персонажем — испытуемым, для которого актуальны многочисленные приметы, запреты, нормы. В большинстве случаев они аналогичны традиционно-обрядовым предписаниям, обязательным в пограничные моменты. Приведем наиболее характерные запреты:

1) не давать перед экзаменом хлеба и соли в долг друзьям и однокурсникам (в основе запрета — представление об опасности отдать свою «долю»);

2) не подметать и не мыть полов;

3) не мыть голову перед экзаменом или вообще не мыться, не стричься во время сессии;

4) не надевать новой одежды и по возможности сдавать экзамен «в одном и том же», особенно если предыдущие были сданы успешно;

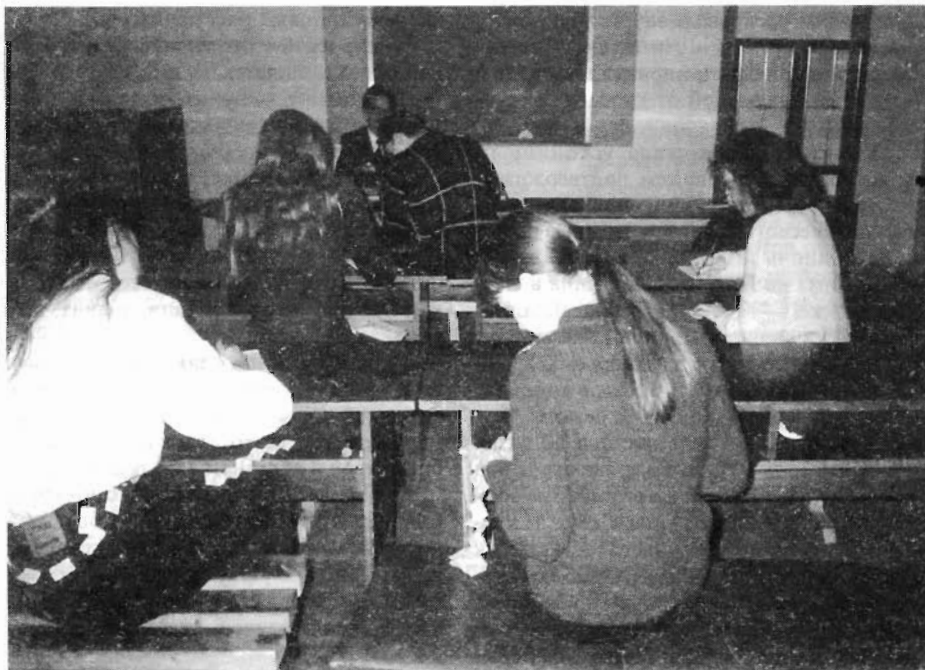
5) не ругаться перед экзаменом;

6) в период сессии близкие не должны называть экзаменуемого «дураком» («дурой»), обзывать нецензурными словами; однако нужно его ругать;

7) нельзя хвастаться, говорить, что все выучил;

8) не писать шпаргалок и не ловить Халяву, если все выучил.

В свете запрета на похвалу традиционные студенческие сетования на плохую память и бравада незнанием приобретают ритуально-магический характер. Со своей стороны, старшие и уже сдавшие экзамен должны подбадривать испытуе-

мых («никого никогда не заваливали»; «я не учил, но сдал» и т.п.), и существуют особые тексты, умаляющие и высмеивающие «опасность» экзамена:

«Впереди у нас экзамен,
Ну, а мы не унываем,
Мы гуляем, веселимся,
Не умеем мы скучать.
Сдать экзамен — не проблема,
Шпоры есть у нас всегда.
Что забыли — подсмотрели,
Выход мы найдем всегда...» (граффити, зап. Т.В. Лис)

Ср. строчки из студенческой песни: «От сессии до сессии живут студенты весело, а сессия всего два раза в год», — которые нередко записываются на столах. Подобные тексты выполняют, с точки зрения экзаменационной ситуации, компенсаторную функцию:

«Все мы бражки здесь, блудницы,
И как весело вместе нам
Пред экзаменом помолился,
Тыщу шпор положив в карман» (зап. Т.В. Лис; из песни-переделки для праздника «посвящения в студенты»).

Некоторые предписания имеют рациональное или квазинаучное объяснение, как, например, рекомендация съесть перед экзаменом шоколадку, чтобы «улучшилась работа мозга», или надевать одежду зеленого цвета, т.к. она «успокаивает глаза» экзаменатора.

Особые нормы существуют для обращения с учебниками, книгами. Рекомендуется спать с учебниками и тетрадками под подушкой — так лучше запоминается выученное. Крайне нежелательно, чтобы

книга, тетрадь или зачетка падали на пол, особенно в открытом виде. Если же это случилось, нужно сесть на них. Общеизвестен запрет оставлять на ночь открытыми любые учебные материалы, чтобы знания «не улетучились».

Чем ближе день и час экзамена, тем больше примет, запретов и правил. Собираясь на экзамен, следует:

- 1) встать с левой ноги (реже — с правой, в отдельных случаях — с обеих);
- 2) обувь надевать с правой ноги (реже — с левой);
- 3) не завязывать шнурки на ботинках;
- 4) цвет одежды подбирать под цвет года в восточном календаре.

Дорога на экзамен особенно чревата опасностями и требует внимания:

- 1) нельзя спотыкаться, а если споткнешься, то нужно топнуть три раза той ногой, на которую споткнулся;
- 2) нельзя оборачиваться;
- 3) ничего не повторять по дороге на экзамен;
- 4) если встретишь мужчину, то все будет в порядке (учащиеся Петрозаводского педучилища № 1 считают, что если перед экзаменом встретить директора, то обязательно получишь пятерку).

И, наконец, последний порог — дверь в кабинет (аудиторию), который без особых натяжек можно сравнить с чудовищем, проглатывающим на время испытуемого. В случае «провала» выход из кабинета именуется «выносом», а к первому, добровольно вошедшему, обращают риторический вопрос: «Ну что же ты делаешь, самоубийца?» Заходить чаще рекомендуется с левой ноги или нестандартным способом: впрыгнуть обеими ногами, задом наперед. Знаатоки советуют при этом держаться за пуговицу.

Усиленная форма пересечения порога — сопровождение заговором: «Чтобы удачно сдать экзамен, экзаменуемый, перед тем как войти в кабинет, должен остановиться в дверях. Левую ногу он ставит в кабинет, а правую оставляет в коридоре. Затем человек повторяет (тихо) три раза особую молитву: «Сею господний мак, как раба божья (имя) скажет, да будет так!» (зап. О. Сочневой, студ. КГПУ).

В выборе билета можно полагаться на Судьбу (случай): не раздумывая, тащить тот, который «бросился в глаза», или вообще брать «не глядя». Другой вариант — строгий отсчет, например, слева до номера своего счастливого числа (это может быть «счастливым числом» знака зодиака). Советуют также «тащить билет левой рукой, стоя на правой ноге».

Неизменна роль талисманов. С пятикопеечными монетами, которые нужно положить в обувь, возникает все больше трудностей. Современные металлические пятирублевки, по убеждению многих, не очень подходят. Экзаменуемые предпочитают использовать универсальный оберег — булавку, приколотую так, чтобы ее никто не видел. В последнее время стало при-

нято иметь при себе голубую или красную ленточку (бумажку). Такие ленточки или нитки вкладывают в зачетки. Туда же иногда помещают записки, сделанные рукой родителей, «на счастье». Преподавателям на всякий случай нужно знать, что не следует вытряхивать из зачеток ни ниток, ни «мусорных» бумажек, дабы не лишить студентов «духа Удачи».

Есть у испытуемых и непосредственные помощники — шпаргалка и однокурсник, который всегда подскажет. Подсказывать на экзамене — обязанность «идеального» (со студенческой точки зрения) студента. Рассказы о ловких и остроумных помощниках составляют немалую часть повествовательного экзаменационного фольклора. Помощник более хитер, чем тот, кому он подсказывает. Вот один из анекдотических меморатов. Студент не знает ответа на свой вопрос. Сердобольная студентка, положив шпаргалку в программку, обращается к нему:

— Андрей, возьми программку.

Тот не сообразил и отвечает:

— Спасибо, у меня есть.

Потом, подумав, говорит:

— Ну ладно, давай еще одну (зап. И.А. Разумовой в Санкт-Петербурге).

Мотив «неведения» испытуемого находит в рассказах самое разнообразное выражение вплоть до истинного «безумия», которое настигает тех, кто «переучил» или переволновался: «Был однажды такой случай. Девушка училась на медицинском факультете. Нужно было сдавать экзамен по анатомии, очень сложный. Ну, она пришла, вытянула билет, посмотрела-посмотрела, а потом достала из пакета спицы и стала вязать — с ума сошла» (зап. Т.В. Лис от Н. Губар, студ. V курса).

Рассказы об экзаменах реализуют сюжет «чудесного спасения» с участием помощника: друга, шпаргалки, высших сил, везения (удачи) и т.д. В этом случае главный персонаж выступает в пассивной роли спасаемого, а преподаватель — репрессивной силы. Такое распределение функций (власть/подчинение) очень характерно для «образовательного» метатекста.

Самую многочисленную группу рассказов составляют тексты анекдотического характера с традиционной парой «глупца» и «шута» в качестве действующих лиц. В большинстве случаев экзаменуемый выполняет функции трикстера. Трикстерское начало весьма сильно в фольклорном образе студента в целом. Иногда испытуемый и преподаватель меняются местами, и рассказ опирается на мотив «преподаватель разгадывает уловки студента».

Менее типично, когда преподаватель и студент оказываются на равных: «Перед зимней сессией <...> один из преподавателей пообщался студентам, что он без особых дискуссий поставит «отлично» тому, кто в день экзамена наиболее оригинально преподнесет зачетную книжку. Наступил решающий день. Начался экзамен. Через пятнадцать минут открывается

дверь и на стол преподавателя летит зачетка. Долго не раздумывая, профессор ставит «отлично» и таким же образом отправляет документ студента за дверь» (зап. Л. Мацулевой от Натальи, студ. III курса). Пародируется сама процедура экзамена, обнаруживая всю меру условности с обеих точек зрения: студенческой и преподавательской.

В заключение приведем переделку песни В. Высоцкого из кинофильма «Вертикаль», представляющую центральную часть «экзаменационного сценария» в его самых устойчивых мотивах и образах:

Здесь вам не школа, здесь ПГУ (вариант: институт),

Экзамены здесь студенты сдают.

Вот сдан экзамен, и надо идти опять.

И можно, брат, получить «автомат»,

Для этого вовсе не нужен блат,

Но мы выбираем трудный путь опять.

Кто здесь не бывал, кто не рисковал,

Тот сам себя не испытал,

Пусть даже он в школе и

вундеркиндом слыл.

Там не встретишь, как ни тянись,

За всю свою счастливую жизнь

Того, что здесь пришлось нам

перенести.

Вот ты у двери, ни шагу назад,

И от волнения колени дрожат,

И сердце готов ты декану

на стол положить.

Только бы сдать, не завалить,

Хотя бы троечку получить,

А без стипендии как-нибудь

можно прожить.

Вот ты заходишь, тянешь билет,

Экзаменатор — хуже нет,

А в голове какая-то все мура.

Надеешься только на ловкость рук,

На друга язык и на собственный слух

И молишься, чтобы шпаргалка

не подвела.

И пусть говорят, да, пусть говорят,

Что наобум идешь ты зря.

Не зря же ты шпоры всю ночь

напролет строчил.

Пятерка в зачетке, ты счастлив и нем,

И только совсем не завидуешь тем,

Другим, у которых экзамен

еще впереди.

(зап. И.А. Разумовой, Петрозаводский гос. университет, конец 1970-х гг.)

Примечания

¹ Мадлевская Е.Л. «Халыва у каждого одна на всю жизнь» // ЖС. 1998. № 2. С. 33—34.

² Митрофанов А.М. Записки старого петрозаводчанина. Петрозаводск, 1987. С. 56—65.

³ Еще одно подтверждение типологического родства заговора и считалки. См.: Топорков А.Л. «Эне, бене, рики, факи...» // ЖС. 1995. № 2. С. 48.

БАЙКИ «НЕЯСНОЙ ПОЛЯНЫ»

Записки дачного сторожа

После выхода на пенсию несколько лет, в 1986—1989 гг., я проработал в Переделкине сторожем дачи Б. Пастернака. Она уже была передана Государственному Литературному музею, но экспозиции еще не было. Еще оставались в живых многие знавшие Пастернака. Рассказывали о нем не только писатели, но и люди, обслуживавшие большое хозяйство писательского поселка: слесари, истопники, сапожники, медсестры и др. Они рассказывали — я записывал. Так сложилась эта небольшая коллекция.

1. Неясной Поляной местные жители называют большое поле, примыкающее к писательскому поселку. Иногда так называют и сам поселок. Многие говорили, что такое название придумал Пастернак.

2. Многие вспоминали его внешний вид: в панамке, в коротенькой курточке. Он ходил по проезжей части переделкинских улиц и в детское ведерко совком подбирал навоз, оставленный лошадьми, для своего огорода, которым он занимался всерьез.

3. Старожилы Переделкина вспоминали, как Пастернак купался в местной речке чуть ли не до заморозков.

4. Вообще это был физически крепкий и сильный человек. Поэт Вл. Соколов рассказывал: «Как-то раз к нему пристал Смеляков, будучи в подпитии. Когда он встал на ноги (после удара Б.Л.), то удивленно сказал: «Какая у него тяжелая рука»».

5. До сих пор на даче находится траншея — укрытие от бомб, — вырытая собственноручно Пастернаком в 1941 г.

6. На территории его дачи в маленьком домике проживала многодетная семья Смирнова, который выполнял по дому всякие работы: помогал вскапывать огород, делать посадки, слесарничал и т.д. Его жена рассказывала: однажды дети, играя, уж больно расшумелись. Она вышла на участок и прикрикнула на них, чтобы вели себе потише, так как Борис Леонидович работает. Поэт выглянул в окно и остановил ее: «Не трогайте их, пусть играют». Ее муж Смирнов во время «нобелевской» истерии говорил Тамаре Владимировне Ивановой, жене писателя Вс. Иванова: «Ничего в рот спиртного не брал, а как пьяный хожу. Все кричат: против народа, против народа! А он, Борис

Б.Л. Пастернак возле своего дома в Переделкине. 1950-е гг.

Леонидович, самая народность и есть».

7. Рабочие «обслуги» вспоминали его доброту и щедрость. У него всегда можно было попросить несколько рублей, расплачивался всегда не торгуясь и часто давал больше, чем просили.

8. Рабочие Переделкина называли его «святым».

9. Когда наследников Пастернака Литфонд пытался выселить из дачи и был учинен подлинный разгром, в этом разгроме принял участие один из местных рабочих, известный в поселке пьяница. Вскоре он умер. Рассказывали: перед смертью он каялся и говорил, что это ему наказание за обиду «хорошему» человеку (Т.В. Иванова).

10. Рабочие имели свое мнение о всех насельниках Переделкина. Один из них делился своими впечатлениями: «Сам Вераимбер (т.е. Вера Инбер. — В.С.) мужик хороший, добрый, но жена у него — стерва!»

11. Одно время на некоторые дачные участки стали наведываться воры. Пастернак принял меры. Он собрал все деньги, которые были в доме, положил их в кон-

верт, который укрепил на самом видном месте на кухне возле прихожей, и подписал: «Ворам!» К деньгам была приложена записка: «Уважаемые воры! Вот все деньги, какие у меня есть, других не ищите, все равно не найдете». И поставил сумму. Вероятно, воры были осведомлены, что многого они здесь не найдут, и поэтому никто не приходил. А Зинаида Николаевна (жена) стала понемногу брать деньги из этого конверта на хозяйственные нужды. Когда Пастернак узнал об этом, он был очень рассержен: «Теперь воры подумают, что я их обманул».

12. Отмечали именины жены Тренева. Среди гостей оказались Н.Н. Бурденко, прославленный хирург, депутат Верховного Совета СССР — самый почетный гость, а также М.А. Булгаков и Б.Л. Пастернак. Пастернак предложил тост: выпить за здоровье присутствующего среди гостей гения — М.А. Булгакова. Именинница его поправила: «Вы, наверное, хотели предложить тост за гения — Бурденко?» Пастернак: «Нет, Бурденко — официальный гений, а М.А. — неофициальный».

13. Жены Н. Погодина и Б. Пастернака были заядлыми преферансистками. Поэтому писатели неоднократно находились в одной компании — Н. Погодин, Вс. Иванов, Б. Пастернак. Погодин чувствовал свое превосходство: «Я всегда пишу верняк» (т.е. то, что сразу идет в печать). Ни Вс. Иванов, ни тем более Б. Пастернак этим похвастаться не могли.

14. Пастернаковский перевод «Фауста» был грубо и несправедливо раскритикован. Б.Л. сильно переживал. Однажды при нем заговорили о Гете. Он, печально улыбнувшись, сказал: «Известно, я в этом не копенгаген». Тогда ходил анекдот, как один генерал вместо слова «компетентен» употребил слово «копенгаген» (Е. Богатырева).

15. На своей даче критик В. Ерилов прибил дощечку: «Осторожно. Злая собака». Кто-то приписал: «И беспринципная».

16. В. Ерилов на одном собрании критиковал критика Усевича: «У нее отсутствует своя точка зрения». Усевич с места крикнула: «Одолжите одну: у Вас их много».

В.Г. СМОЛИЦКИЙ
(Москва)

Л.Н. ВИНОГРАДОВА

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЗВЕЗДА КАК РИТУАЛЬНЫЙ СИМВОЛ

Один из наиболее популярных символов христианского праздника, посвященного рождению Христа, — звезда (как специально изготовленный обрядовый предмет и как обобщенный знак Рождества) была включена в уже готовые формы архаических ритуалов и поверий, относящихся к святочному периоду.

Необычность этого времени, по народным поверьям, отмечена редкостными явлениями и чудесами природы: в Сочельник якобы получает способность разговаривать домашний скот; вода в бочках, колодцах и источниках превращается в вино; деревья в лесах и садах переходят с места на место или на короткий миг зеленеют и зацветают даже в сильные морозы; со дна озер и морей поднимаются затопленные монастыри и храмы и можно услышать звон с их колоколен и т.п. В связи с широко распространенными у славян представлениями о приходе на землю духов предков (а также Божьего Сына), любой гость, входящий в дом в Рождество или на Новый год, воспринимался как особа священная, могущая повлиять на жизнь человека и его удачливость на ближайший год. Поэтому главным требованием было достойно принять, угостить или одарить посетителя; по первому вступившему в дом визитеру хозяева гадали о будущем, вынуждали гостя участвовать в домашних магических ритуалах, призванных обеспечить благополучие в хозяйстве.

К рангу таких сакральных гостей и «божьих посланников» причислялись в народной культуре и колядники, которые приносили «благую весть» о наступлении новых времен: о рождении Христа, обновлении мира, наступающем благоденствии и процветании хозяев. Из числа многообразных святочных обычаев именно колядование (т.е. обряд посещения домов с магической целью поздравителей, получающих от хозяев ритуальное вознаграждение) в наибольшей степени восприняло новые элементы и символы христианского культа. По свидетельству западославянских источников, с начала XV в. католический костел предпринимал активные усилия не только запретить «бесовские» колядные обходы, но и взять их под свой контроль, т.е. придать народному обычаю новое идеологическое содержание. В трактате чешского проповедника Яна Голешовского (начало XV в.) осуждается языческий обычай колядовать в Рождественский сочельник, когда «простак ходят толпами всю ночь и, подражая голосам

Фото 1.

Типы «рождественских звезд» в Польше: 1) Пишемьское воеводство, 1953 г.; 2) Ломжинское воеводство, 1967 г.; 3) Бяло-Подляское воеводство, 1957 г.

животных, громко кричат, себя и других вводя во грех», и одобряется новый церковный обычай, о котором на источнике говорится следующее: «Накануне Рождества и за неделю до него в Чехии и Моравии ходят по домам колядовать ксендзы и церковные служки с пением религиозных латинских песен» [1. С. 66]. В чешских церковных поучениях XV—XVI вв. часто встречаются призывы к верующим различать «греховное», «дьявольское и неспростойное» колядование (с надеванием масок и шумным поведением) и «благочестивые» обходы по домам священнослужителей, которые собирали дары в пользу костела. В них говорилось также, что посетителям последнего типа надлежит гостеприимно принимать и одаривать, а не захлопывать перед ними дверей и не травить собаками [2. С. 267].

У восточных славян исторические свидетельства о колядовании «со звездой» известны с XVII в., а по этнографическим

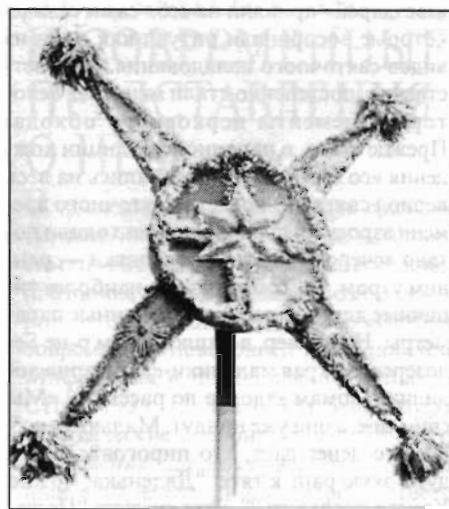
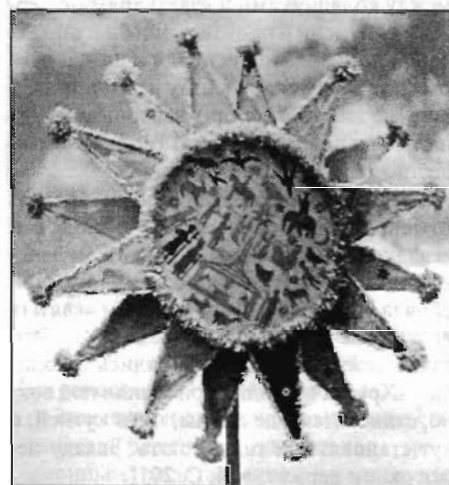

Фото 2.

Фото 3.

описаниям XIX—XX вв. такие святочные обходы уже имели в народной традиции самую широкую сферу бытования. Терминологически они определялись как *со звездой ходить* (в.-слав.), *Христа славить* или *христославить* (рус.), *Рождество петь* (с.-рус.), *церковной колядой ходити* (укр.) и т.п.

Мотив о новой звезде, взошедшей на небосклоне в момент рождения Христа, связан с евангельским преданием о прибывших с Востока — чтобы поклониться новорожденному — волхвах, путь которым до Вифлеема указала необычно яркая звезда. Согласно польским повсвьям, при появлении на свет Спасителя ангелы втащили на небо новую звезду, оповещая мир о наступлении новых времен.

По сообщениям старожил из разных русских областей, раньше участниками обходов «со звездой» были в основном церковнослужители: священник, дьяк, псаломщик или певчие; нередко к ним при-

мыкали и наиболее активные прихожане. Такие группы поздравителей обходили дома в сам день Рождества (иногда в течение двух-трех дней после него) и только в дневное время. В дальнейшем функцию «звездарей» приняли на себя сами селяне, которые восприняли ритуал как один из видов святочного колядования. Соответственно, постепенно стали меняться некоторые элементы церковного обхода. Прежде всего, в народной традиции хождения «со звездой» растягивались на весь период святок. В пределах суточного времени взрослые «славильщики» ходили поздно вечером, а дети и подростки — ранним утром, т.е. соблюдались наиболее типичные для колядования временные параметры. Например, в Вашкинском р-не Белозерского края мальчики-«звездари» ходили по домам задолго до рассвета: «Мы спим еще, а они уже придут. Мальчики всё. Им кто денег даст, кто пирогов»; «Придут в зую рань к тят: "Дяденька, можно Христа послать?" Тятя скажет: "Пожалуйста, мальчики, пожалуйста"» [3. С. 377]. В этих местах хозяева делали различие между колядниками и «звездарями»: первые пели песни и произносили благопожелания под окнами, не входя в дом, а вторых всегда впускали в избу и там приходившие «со звездой», оборотясь лицом к иконам, пели рождественский тропарь «Рождество твое, Христе Боже наш».

В других вариантах обряда, наоборот, отмечалось вечернее время обходов и «славление» под окнами. Так, в Смоленской обл. на святки взрослые участники обряда ходили по домам с пением «святых песен»: «Вечером ходят со звездой <...> Это такие пожилые люди собирались и ходили — Христа славили. Приходили под окно, становятся, где иконы, ну, в кутней, в кут становятся и тады поют. Звезду перед окном держать» [4. С. 201].

Репертуар церковных рождественских песнопений был сравнительно устойчивым элементом обходов «со звездой». В сознании носителей традиции «святые песни» заметно отличались от «простых колядок», однако в ряде случаев фольклорные тексты коляд и благопожеланий включались в репертуар «звездарей» наряду с церковными песнями. Например, в Гродненской губ. весь период святок по домам ходили «со звездой» две независимые группы: взрослые участники и дети; как те, так и другие исполняли и текст тропаря, и обычные колядные песни [5. С. 100]. Общепринятым также было использование в обрядах «со звездой» типовых формул, содержащих просьбы одарить посетителей.

Главным отличительным признаком рассматриваемых ритуалов было ношение специально изготовленного обрядового предмета — макета звезды, называемого *рождественская (вишневская, езусовая,*

колядная и т.п.) *звезда*. Способ ее изготовления поразительно однотипен для большинства славянских регионов: на обруч от старого решета или сита натягивали пропитанную салом бумагу, вокруг обруча приделывали несколько (от 4-х до 12-ти) «лучей» или «рогов», к концам которых привязывали разные украшения и ленты; укрепляли это сооружение на длинной палке или шесте. Обычно «звезду» старались сделать так, чтобы она свободно вращалась вокруг оси, а изнутри была бы освещена свечой. В польских селах Краковщины «звезду» иногда плели из соломы или склеивали из бумаги. Редкий вариант «звезды» был зафиксирован этнографами в станице Ахметовская Лабинского р-на Краснодарского края: когда ходили на святки *рождествовать*, то брали большую тыкву, удаляли из нее мякоть, делали прорези-глазицы и рот, вставляли в тыкву зажженную свечу и с этой светящейся в ночи «головой» (которую называли *звезда*) ходили по домам (Архив Краснодарского краевого центра народного творчества; далее — Архив ККЦНТ).

Сдвиги в терминологии, имеющей отношение как к колядованию, так и к обходам «со звездой», могут быть отмечены в названиях самой «звезды» (например, в с.-рус. вариантах обряда ее называли *колядой*) и особенно в народной фразеологии, обозначающей цель обхода. Так, в нижегородской традиции (где о колядовании часто говорилось как о собирании даров — *собирать коледу, собирать кокурки*, т.е. хлебные изделия, *собирать деньги* и т.п.), о рождественских обходах «славильщиков», носящих «звезду», говорили так: *ходят славить деньги, славили копейку или пряник* [6. С. 18, 24, 25]. О том, что хождение «со звездой» осмыслялось не только как «прославление Христа» и поздравление с праздником, но и как полезный для хозяйства магический обряд, свидетельствуют некоторые стереотипы поведения хозяев дома по отношению к визитерам: приходивших «звездарей» хозяйки усаживали на лавку, «чтобы куры водылись и коровки тэлылись»; кроме того, рассаживая мальчиков на «стулки», хозяева просили их «похвалять», чтобы насадки успешно высиживали цыплят (Архив ККЦНТ, станица Новоплатиновская).

Следующим сдвигом в сторону сближения церковных обходов с народным колядованием было использование элементов ряжения. В целом для восточнославянских обрядов ряжение «звездарей» не типично. Но у славян-католиков было обычным делом, когда «со звездой» ходили ряженные, изображавшие «трех королей», «иеродов», «юзефов» и др. персонажей евангельского сюжета о Рождестве. Такая традиция рядиться способствовала тому, что в составе «звездарей» стали появляться устрашающие фигуры ряженных, напоминавших типичные для данной ме-

стности святочные маски. В польских селах Краковского воеводства парни, ходившие по домам во второй день Рождества «со звездой», надсвали вывороченный мехом наружу кожух и чернили лицо сажей; в дома они не заходили и пели костельные колелды под окнами [7. С. 159]. У сербов Воеводины в качестве «звездарей» ходили пять парней, из которых четверо были одеты в белые церковные стихари, а пятый ходил в кожухе и с надстой на лицо маской и назывался *зуба* (т.е. «морда, харя») [8. С. 125]. В сербских селах Баната «звездари» носили с собой не только макет звезды, но и вырезанную из дерева зооморфную голову с рогами, а несущий ее человек накрывался весь с головой кожухом. Эта фигура называлась *клоцаница* (от *клоцать* — «щелкать зубами»), так как нижняя челюсть деревянной головы во время обхода приводилась в движение и громко щелкала [8. С. 126].

В Польском Поморье ряжение «звездарей» было настолько типичным, что там самые разные группы ряженных и вообще участников святочных обходов (независимо от того, ходили ли они «со звездой» или без нее) называли *gwiazdki, gwiazdory, gwiazdkarzy* («звездочки», «звездари»), а об обычае колядовать говорили: *chodźić po gwiazdówce* («ходить за звездой») [9. С. 53]. Те, кто носил «звезду», рядились обычно «дедами»: надевали вывороченный кожух, остроконечный колпак, лицо закрывали маской или мазали сажей, приделывали длинную бороду из льна, ноги обкручивали соломенными жгутами. Их сопровождали другие ряженные — «аист», «коза», «медведь», «трубочист» и т.п.

У кашубов было принято ожидать прихода «звездарей» сразу после рождественского ужина. Когда предводитель группы входил в дом, хозяева спрашивали его: «А откуда же прибыла эта звезда, издали ли?», на что вошедший отвечал: «с неба» или «с луны» [10. Т. 1. С. 395]. Вообще кашубские «звездари» соблюдали все обычаи народного колядования: шумели, пугали детей, исполняли в адрес хозяев благопожелательные куплеты, собирали по домам угощение (называемое «звездочные подарки»), при встрече двух групп ряженных «звездарей» могли происходить серьезные стычки и драки. Заканчивались такие обходы непременно до полуночи, так как считалось, что в полночь можно столкнуться на улице с опасным мифическим существом — «звездой с неба», которая накажет человека за нарушение запрета. Включенность христианской символики в архаические стереотипы ряжения проявляется и в поверье о вредоносности самой роли «звездаря»: тот, кто часто рядится «звездой», долго не проживет [10. С. 392].

Подобно тому, как слово *коляда* оказывается в восточнославянских языках ключевым термином в святочном комплексе, так же у западных славян (прежде

всего у поляков) словом *gwiazdka* ('звезда') могут обозначаться самые разные обрядовые реалии: рождественский праздник, группа участников святочного обхода или ее предводитель, дар-вознаграждение за колядование, обрядовый рождественский хлеб.

Символика Рождества Христова приписывалась звезде и за пределами обходных ритуалов. Например, повсеместно у славян считалось, что в Рождественский сочельник все предпраздничные хлопоты должны были завершиться до сумерек; сигналом к началу ужина служила первая засветившаяся в небе звезда, а до этого момента следовало соблюдать пост. Подгоняя односельчан к началу праздничной трапезы, белорусы говорили: «Зорка ўжо даўно свеціць!» [5. С. 91]. У поляков Познанского воеводства при появлении первой звезды хозяин выходил на крыльцо и громко кричал: «*Gwiazda na niebie!*» («Звезда на небе»), что было равносильно приглашению домохозяев к ритуалу совместного ужина [11. Т. 10. С. 58].

Появление первой звезды на небе знаменовало, в народном толковании, перелом во времени, рубеж между обыденным и сакральным периодами. По представлениям украинцев, *Свят Вечір* начинался с того момента, когда «засяла вечірна зоря», — именно тогда следовало отправляться с ритуальным угощением к скоту, переносить кутью с печи на стол, приглашать «мороз» и т.п. В Восточной Словакии сочельник накануне Рождества назывался «до-звездный вечер». Белорусы Пинщины верили, что с появлением первой звезды домашний скот обретал человеческий разум и способность разговаривать [5. С. 91].

Фигуру «звезды» (наряду с «крестами») как оберег от нечистой силы рисовали на дверях и окнах домов в день Крещения. В южной Польше «звездочку» делали из соломинок и подвешивали к потолку наряду с другими рождественскими украшениями. Интересно, что через неделю после Рождества все соломенные украшения, включая «звезду», следовало непременно вынести из дома, чтобы домохозяевам не грозили болезни и беды [7. С. 151]. В некоторых белорусских селах был распространен святочный обычай выпиливать фигуру звезды из льда и устанавливать ее на обочине дороги перед первым деревенским домом [12. С. 84].

Таким образом, на примере одного из символов христианского календаря можно заметить, как этот культурный знак осваивался народной традицией, включаясь в типичные для святок ритуальные контексты и верования, и как постепенно приобретал не свойственные изначально для него оттенки значений. С одной стороны, вечерняя звезда, появлявшаяся на небе в канун Рождества, служила знаком «прихода» праздника, т.е. сигнализировала о временном рубеже; изображение

«звезды» (наряду с крестом и другими церковными атрибутами) осмыслялось как оберег от нечистой силы, а визиты «звездарей» воспринимались как магический способ обеспечения благополучия. С другой стороны, сошедшая с неба звезда появлялась среди людей как одна из возможных ипостасей души умершего предка, поэтому ей приписывались и благотворительные, и вредоносные свойства (ср. опасения встретиться с мифической «звездой с неба» или поверья о негативных последствиях, ожидающих того, кто часто принимает на себя роль «звездаря»). Все эти содержательные и структурные сдвиги в осмыслении церковного ритуала с «рождественской звездой» связаны с общей мифологией святочного времени, для которого свойственны такие события, как поворот солнца с зимы на лето; окончание старого и начало нового хозяйственного года; наступление опасного двенадцатидневья (с Сочельника до Крещения), когда души умерших предков свободно преодолевают границу между «тем» и этим светом и появляются в земном пространстве, чтобы навестить своих родственников. Общим идеологическим стержнем как для христианской трактовки праздника, так и для традиционного магического мышления было осознание важности такого сакрального времени, когда «раскрываются небеса» и на землю приходит обожествляемое существо (Спаситель-Христос и предок-покровитель), способное позаботиться о людях и обеспечить им (при условии правильного поведения человека) благополучие на весь будущий год.

Литература

1. Český lid. Praha, 1969. № 2.
2. *Zlibř. Staročeské výroční obyčaje, pověry, slavnosti a zábavy prostonárodní*. Praha, 1889.
3. Морозов И.А., Слепцова И.С., Остроумов Е.Б., Смольников С.Н., Манюхина Е.А. Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиалектный словарь. М., 1997.
4. Пашина О.А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. М., 1998.
5. Земляробчы каляндар: Абрады і звичаі. Мінск, 1990.
6. Новые поступления в Фольклорный Архив Нижегородского университета. Календарные обряды: 1983—1996. Нижний Новгород, 1997.
7. Wieś Rudawa i jej okolice. Kraków, 1980.
8. Босић М. Годишњи обичаји Срба у Војводини. Нови Сад, 1996.
9. *Stelmachowska B. Rok obrzędowy na Pomorzu*. Toruń, 1933.
10. *Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967. Т. 1.
11. *Kolberg O. Dzieła wszystkie*. Wrocław; Poznań, 1963. Т. 10.
12. Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993.

Е.П. МАДЛЕВСКАЯ ОБРАЗ ДЕДА МОРОЗА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕМ

В последние годы появилось сразу несколько интересных работ по истории и символике современного новогоднего праздника¹. Образ Деда Мороза рассматривает С.Б. Адоньева в статье «История современной новогодней традиции» (см.: Мифология и повседневность. Вып. 2. СПб., 1999. С. 368—388). Анализируя практические пособия 1936—1937 гг. по проведению детских праздников, появившиеся после известной статьи П. Постышева 1935 г.², С.Б. Адоньева отмечает: «Итак, годом рождения советского Деда Мороза и новогоднего ритуала следует признать знаменательный во многих отношениях 1937 год» (с. 379). Этот вывод справедлив лишь отчасти. Ведь «рождение», а точнее — «возрождение» Деда Мороза в эти годы возникло не на пустом месте, а так называемая «советская новогодняя елка» является производной от рождественской елки, истории которой С.Б. Адоньева также уделяет место в своей работе.

На современном этапе Дед Мороз фигурирует в детском сознании как мифологическое существо, изображаемое ряжеными взрослыми. Имя этого мифологического существа и ежегодное выведение его в качестве ряженого отсылает нас к традиционным представлениям о морозе, еще в первой четверти XX в. сохранявшимся в обрядовой практике. Имеется в виду известный ритуал кликанья мороза и угощения его кутьей, киселем, блинами и проч., который приурочивался к ряду переломных моментов в году: в частности, у русских — к святочному периоду, а также к Чистому четвергу (моск., владимир., твер., новгород., калуж.), Пасхе (владимир., моск.), Сорокам (новгород.). В пределах Святок в разных местных традициях мороз кликали в канун Рождества (владимир., псков.), в Васильев вечер (смолен.), в крещенский сочельник (псков.).

В этом ритуале мороз воспринимается как природная стихия, которую необходимо умиротворить, чтобы получить хороший урожай. Кликание мороза приурочивалось к началу года как к значимой

ЕЛЕНА ЛЬВОВНА МАДЛЕВСКАЯ; Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

временной точке, определяющей будущее, и в то же время к срокам безраздельного господства холодов (ср. закрепившиеся в традиции представления о своевременности холодов — «рождественские» и «крещенские» морозы — и соотношение в приметах их наличия или отсутствия с будущим урожаем или неурожаем) и к моментам, отмеченным как рубежи времен года, зимы и весны, — Сороки, Чистый четверг, Пасха, — когда наступает пора убывания холодов. Кормление мороза совершали именно в отмеченные сроки, чтобы он не появился летом и не заморозил посевы.

Русской обрядовой традиции известно персонафицированное изображение мороза. В Рязанской губ. в начале XX в. был зафиксирован игровой вариант угощения мороза; последний изображался кликальщиками овсена во время обходного обряда. Кликальщики обращались к хозяину дома: «Поддай-ка чарочку; а не поднесешь чарочку, — я преподнесу тебе палочку: я — мороз — и помолочу твой овес». Хозяин на это отвечал: «Ой, мороз, мороз, на тебе чарочку — ты не трожь мой овес, гречику да рожь; а лен, канапи — как хочешь молоти!»³

Народные поверья о морозе у русских нашли отражение в различных жанрах фольклора: пословицах, поговорках, сказках. В последних мороз выступает в функции помощника (Студенец, Трескунец) и дарителя при правильном поведении сказочного героя (Морозко).

Помимо известных обработок традиционных представлений о морозе в творчестве Н.А. Некрасова и А.Н. Островского, этот образ встречается в произведениях Д.Н. Садовникова «Весенняя сказка» (1880), Г. Галиной «Зимой» и «Утром» (1907), М.А. Пожаровой «Закливание Зимы» (1909), С. Северного «Снегуркин дом» (1912), С.М. Городецкого «Дед-Мороз на перевозе» (1913), С. Есенина «Сиротка» (1914), М.П. Клоковой «Дед Мороз» (1924) и др. Почти во всех этих стихотворных текстах мороз получает уже привычное для нас имя — Дед Мороз, но представляет собой еще образ природной стихии с элементами персонафицированности, а в календарно-временном плане соотносится с зимой в целом.

К этому же периоду относится и процесс формирования образа Деда Мороза как непосредственно рождественского мифологического персонажа. Впервые мы встречаем его у А.А. Блока («Рождество», 1906):

...Ты сама нарядишь елку
В звезды золотые
И привяжешь к ветке колкой
Яблоки большие,

Ты на елку бусы кинешь,
Золотые нити.

Ветки крепкие раздвинешь,
Крикнешь: «Посмотрите!»

Крикнешь ты, поднимешь ветку
Тонкими руками...
А уж там смеется дедка
С белыми усами!

Здесь налицо городской обычай украшения рождественской елки с бытующей уже в России куклой Деда Мороза. Функция же рождественского деда как дарителя подарков к празднику отражается в стихотворении М.А. Пожаровой «Елочьи гости» (1912):

Стук, стук, стук! — Кто стучит?
— Древний дедка-бородач
В ледяных онучах,
На зверках приехал вскачь
Из лесов дремучих.
Дедушка мохнатик,
Пуховой халатик!
Поглядим-ка в щелку:
Он привез нам елку.
Стоп, зайчата, у крыльца!
Довезли салазки.
Дед бормочет без конца
Снеговые сказки.
Борода метелкой,
Сеет иней колкий,
Сеет бисеринки,
Вьюжные снежинки...

Обряд этот заимствован из западноевропейской традиции, где рождественским персонажем-дарителем являлся Санта Клаус. Его быстрому освоению способствовало развитие почтовой открытки и елочной игрушки. Первые рождественские и новогодние открытки появились в России в начале XX в.; они печатались в основном в Германии, реже — в Швеции. Феномен кукольной фигурки Деда Мороза также связан с западноевропейским производством. Это обусловило сходство Деда Мороза с открытки и кукольного с образом Санта Клауса. Вместе с тем имя последнего в русской литературе рубежа веков совершенно отсутствует. Вероятно, рождественский Дед настолько четко ассоциировался с бытовавшими еще традиционными представлениями о морозе и их обработками в авторском творчестве того времени, что не было необходимости ни в заимствовании у Запада, ни в поисках на родной почве нового имени для этого персонажа. В 1915 г. Дед Мороз уже присутствует в качестве ряженого персонажа на детском рождественском празднике⁴.

После событий 1917 г. время празднования перехода от старого года к новому сократилось от двухнедельного святочного периода до одной ночи с 31 декабря на 1 января, а с 1918 по 1935 год этот празд-

ник вообще официально не отмечался. Тем не менее ни Рождество, ни Новый год не были одновременно забыты, так же, как и образ Деда Мороза. Об этом свидетельствует, например, стихотворение А.В. Ширяевца «Колыбельная» (1923):

Баиньки-аиньки, аиньки-баиньки...
Снегом, лесами, Мороз —

Красный Нос
Ташится с елкою... Будь только
паинькой,
Явится к празднику Дедка Мороз...

История «возрождения» Деда Мороза, начавшаяся с упомянутого уже обращения П. Постышева, как это ни парадоксально, оказалась вновь связана с образом Санта Клауса, а точнее — с развитием его портретного облика. В начале 1930-х годов американский художник Хадсон Сандблум для рекламы кока-колы создал новый образ Санта Клауса, быстро облетевший весь западный мир. Это событие стало своего рода второй волной влияния Запада на новогоднюю обрядность России и стимулировало возвращение к нам образа Деда Мороза.

Современные представления о Деде Морозе как мифологическом существе, посещающем землю в период перехода к новолетию, чрезвычайно близки к традиционному обрядово-фольклорному образу Мороза⁵. Наши современники крайне редко определяют возраст Деда Мороза с точки зрения возможной протяженности человеческой жизни («60—70 лет»). Обычно характеристики возраста свидетельствуют о восприятии этого персонажа как мифологического существа, появившегося давно («100 лет назад») или очень давно («триста, пятьсот, миллион лет назад»); и даже — как живущего вне времени, то есть вечно («он был всегда»). Неоднократно назывался возраст, соответствующий количеству лет, сколько их прошло с Рождества Христова.

Мороз всегда связан с холодом, что обуславливает его временную привязку к зимнему периоду. В этом плане любопытны современные представления о способах коммуникации с Дедом Морозом: письмо ему нужно положить на снег за городом или... в холодильник. Можно также на ночь оставить письмо на окне. Заказывать подарок у Деда Мороза многие предпочитают «мысленно», шутники же делают это по телефону.

Место жительства Деда Мороза — «в лесу», «за горами», «на севере» и в обобщающей форме «за границей» — вполне отражает традиционные народные представления о местопребывании мифологического, т.е. иноприродного человеку, существа. Встречался западноевропейский

вариант ответа: «Дед Мороз [как и Санта Клаус. — Е.М.] живет в Лапландии».

Современные представления о функциях Деда Мороза также схожи с традиционными. Он дарит подарки в начале года; в системе архаической культуры это действие характеризуется как магия «почина», которая должна обеспечить счастье, радость и благополучие в течение всего годового цикла. В современных новогодних спектаклях Дед Мороз предстает судьей между добрыми и злыми силами, помощником положительных персонажей; он наказывает и изгоняет злых персонажей, либо прощает их как раскаявшихся. В тех случаях, когда ряженых Деда Мороза и Снегурочку приглашают в городские квартиры, где есть дети, их непременно угощают (ср. с упомянутым выше рязанским обычаем кормления мороза, изображаемого кликальщиками овсеня). В некоторых семьях поддерживается архаичная версия невидимости Деда Мороза: детям, желающим увидеть, как он будет класть подарки под елку, внушают, что это невозможно, так как Дед Мороз появляется лишь тогда, когда никого нет в комнате или когда все спят.

Примечания

¹ См.: Душечкина Е.В. Русская рождественская елка в жизни и в литературе // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 228—240; *ее* же. «Только тот, кто друг попов, елку праздновать готов»: К истории рождественской елки // Родина. 1996. № 1. С. 96—100; *ее* же. История и мифология русской новогодней елки // ЖС. 1999. № 1. С. 14—15; Агапкина Т.А. Ель // ЖС. 1997. № 1. С. 3—6; и др.

² Постышев П. Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку // Правда. 1935. 28 дек.

³ Добровольский В.Н. Культ зернового хлеба в поверьях Рязанской губ. // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1906. Т. XI. С. 112—113.

⁴ См.: Лукашевич К. Школьный праздник — Рождественская елка. СПб., 1915.

⁵ При анализе современных представлений о Деде Морозе использовался материал, собранный в результате опроса в 1997—1998 гг. жителей г. Санкт-Петербурга, относящихся к разным социовозрастным категориям. На основе этого опроса, производимого в форме интервью студентом кафедры кинорежиссуры Академии культуры г. Санкт-Петербурга В.Н. Николаевым, был создан его дипломный фильм «История Деда Мороза».

За помощь в работе над статьей приношу благодарность преподавателю кафедры русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета И.Н. Сухих и выпускнику кафедры кинорежиссуры Академии культуры г. Санкт-Петербурга В.Н. Николаеву.

Н. ЛАУРИНКЕНЕ

СИМВОЛИКА ДЕВЯТИРОГОВОГО ОЛЕНЯ В ЛИТОВСКИХ КАЛЕНДАРНЫХ ПЕСНЯХ

Девятирогий олень является одним из интереснейших мифических образов в литовских календарных песнях. Его значение может быть раскрыто при рассмотрении всей системы мифологической информации, зафиксированной в этих текстах, и сравнении символа оленя с аналогичными мифологемами в других традициях. Об олене как мифическом персонаже шла речь в книге автора «Отражение мифа в литовских календарных песнях»¹. В последнее время обнаружилось новые детали в литовской и других традиционных культурах, подтверждающие концепцию автора*.

Археологические данные

Олень и лось, который также относится к роду оленей, с древних времен почитаются многими народами: сибирскими, кавказско-иберийскими, а также кельтскими и германскими². Эти животные считались сакральными и у балтийских народов. Лось в изобразительном искусстве Прибалтики каменного века является едва ли не самым популярным животным³.

При раскопках поселения в Швянтойи были найдены обрядовые жезлы эпохи неолита с наконечниками в виде лосиных голов. Янтарная головка лося или оленя была обнаружена среди сокровищ в Йодкранте. По утверждению Рамуте Римантене, изображения лосей и оленей обнаружены не только на территории современной Литвы (точнее — в области Нарвской культуры), но «на очень широкой территории, где в эпоху неолита главным промыслом была охота, т.е. в Северной и Восточной Европе»⁴. Археолог Лайма Вайткуснене считает, что лось был мифическим животным балтов. По ее мнению, идеограмма этого мифического животного на металлических изделиях V—VI вв. (наряду с мотивами водной птицы и змеи) была отражением космогонического воззрения земледельцев того времени. Кроме того, утверждается, что мотив лося генетически мог быть связан с местными культурами, восходящими к эпохе неолита⁵.

Связь с возрождением мира

В мифах некоторых народов олень или лось связываются с возрождением мира. Эта связь могла быть основана на свойстве этих животных каждый год сбрасывать рога и отращивать вместо них новые⁶.

*Статья печатается с сокращениями редакции

НИЁЛЕ ЛАУРИНКЕНЕ, доктор филол. наук; Ин-т литовской литературы и фольклора (Вильнюс)

У эвенков одним из основных весенних ритуалов была инсценировка охоты на космического лося. Этот ритуал исполнялся, когда в тайге появлялась первая зелень и приплод животных. Обряд встречи весны, называемый *икэнипкэ*, продолжался много дней. Все это время за мифическим зверем гнались охотники — до тех пор, пока его не убивали. Однако после этого убитый зверь чудесным образом оживал. Вместе с ним оживала, по представлениям эвенков, и вся природа⁷. Получается, что космический лось уничтожался для того, чтобы возродиться и тем самым ускорить обновление окружающего мира.

С весенним праздником, а именно с днем св. Георгия, был связан олень и в грузинской традиции. По поверьям, божество в этот день посылало участникам праздника оленя. В Абхазии во время праздника св. Георгия в святилище Илори, как представлялось, происходило чудо: сам св. Георгий присылал быка с позолоченными рогами, который считался более поздней трансформацией оленя⁸.

Литовский олень также имеет связь с праздником, только не с весенним, а с зимним — с Рождеством. Образ девятирогов оленя фигурирует в двух типах песен колядующих [LDK K1 338, 339; первый составляют 28 вариантов, второй — 16]. Считается, что древний пласт семантики Рождества был связан с мифопоэтическим мировоззрением и мог означать праздник, основная функция которого — обновление мира и человека, оказавшегося в критическом состоянии (в конце года — в период темноты и холода — активизировались силы хаоса).

Черты оленя как модели мира

В литовских песнях олень изображается как девятирогое животное, на первом роге которого горит огонь, а на девятом кукут кузнецы:

Примчался олень
Девятирогий,
Лелю коляда, коляда.

На первом роге
Огонек горел,
Лелю коляда, коляда
[CDzP, с. 28].

Прибегает олень
Девятирогий,
Ой коляда, коляда!

И прибежав, он
В воду глядит,
Ой коляда, коляда!

В воду глядит
И рога считает,
Ой коляда, коляда!

На рожках
Новая горница,
Ой коляда, коляда!

В той горнице
Кузнецы куют,
Ой коляда, коляда!
[LTR 2209(38)]

Образ оленя зафиксирован также в латышских, украинских, польских, болгарских, сербских, македонских, румынских, грузинских песнях⁹.

О мифическом характере оленя в литовском фольклоре прежде всего можно судить по необычной структуре этого образа. Песенный девятирогий олень напоминает исполинское животное, поскольку на его рогах куют кузнецы или даже располагается «горница» — особое помещение, в котором работают кузнецы [LTR 2209(38)]. Специфика структуры этого образа может быть осмыслена и объяснена с помощью логики мифологического мышления. Надо думать, что через сложный образ оленя скорее всего раскрывался определенный фрагмент картины мира. Это зооморфное существо охватывает, объединяет элементы мифологического универсума, превосходящие его своими реальными габаритами. Олень может быть связан с традиционной ипостасью модели мира — мировым деревом. Оба эти символа имеют связь с числом «девять». В литовских песнях мифологизированное дерево часто изображается с девятью ветвями: «На высокой горе / Три дубка / По девять веточек. / На каждой ветке / По кукушке / Каждое утро куковали» [LTR 1226(19); см. также JSD 473, 624, 643; TD V 51]. Число ветвей — обычно семь или девять — указывается при описании мифологизированного дерева в фольклорных текстах и других народов. По утверждению М. Элиаде, семь и девять ветвей мирового древа у народов Центральной и Северной Азии, а также Юго-Восточной Сибири означали небесные зоны, уровни космоса¹⁰. Возможно, с аналогичным смыслом связаны и девять рогов оленя. В мифологии кавказско-иберийских народов известен олень с большими разветвленными рогами, по которым можно забраться в верхний мир¹¹. Примечательно, что именно рога являются связующим звеном с верхним миром. О том, что олень выполнял функцию медиатора, свидетельствует и эвенкийская мифология. Эвенки верили, что, преследуя космического оленя, посещают другие миры: из среднего опускаются в нижний, а потом поднимаются в верхний¹². В литовском песенном фольклоре роль оленя как посредника не является явно выраженной. Можно только высказывать предположение о возможном существовании такой функции.

Олень и солнце

Следует обратить внимание на одну деталь описания литовского девятирогов оленя: «На первом роге / Огонек горит». Горящий на роге оленя огонь скорее всего можно объяснить как солярный образ. Это выглядит весьма убедительно, если учитывать, что у многих народов символика оленя связана с солнцем, олень даже может считаться солнечным животным¹³. Такая интерпретация огня на рогах оленя была бы логичной и в том смысле, что на канун Рождества приходится солнцестояние, после которого день начинает увеличиваться. Видимо, солнцеворот требовалось ускорить определенными обрядами. Поэтому колядующие пели о прибегающем девятирогом олене, на роге которого горит огонь.

Особенно ярко связь оленя с солнцем прослеживается в эвенкийской мифологии. В ней повествуется о том, что космический лось Хэглэн крадет с неба солнце. Начинается вечная ночь. Среди живущих в средней земле людей появляется герой Маин, который на лыжах отправляется искать лося, похитившего солнце. Он догоняет лося, стреляет из лука и поражает его. Маин возвращает освобожденное солнце людям. Этот миф был связан с праздником весеннего возрождения, им же объяснялась смена дня и ночи¹⁴.

На одном из изображений на стелле в Иволгинске высечен олень с солнечным диском над рогами. Солнце изображено как сверкающее зеркало. С древних времен сверкающее зеркало символизировало солнечный диск¹⁵. Этот памятник древней забайкальской культуры — плита с высеченными на ней оленем и солнечным диском над рогами — ассоциируется с девятирогим оленем из литовских колядок, на рогах которого горит огонь.

Лось, по представлениям сибирских народов, мог заменять и само солнце. По утверждению А. Окладникова, для таежных охотников солнце было живым существом — исполинским лосем, за день пробегающим весь небесный свод и на ночь погружающимся в ад, в безграничное подземное море¹⁶. О таком солнечном звере, исполинском лосе, рассказывается и в долганской сказке. Один мальчик хотел узнать, куда исчезает зашедшее солнце. Он вышел на край земли, к берегу моря, где был скалистый выступ. Сидя на берегу моря на заре мальчик увидел необычную картину: «Лось из воды виден: только верхушки рогов торчат»¹⁷. Как видно, лось в долганской сказке олицетворяет солнце.

О связи оленя с водой упоминается и в литовских песнях. Только олень здесь не в воде, а у воды: «В воду смотрит, рожки считает, / Ой коляда, рожки считает» [TD V 311]. Связь оленя с водой зафиксирована и в румынских¹⁸, польских [KN 255], болгарских [БНТ, с. 348] песнях. Сербь поют об олене в воде: «Елен препливал мутну Мораву» [АНЛП, с. 210]. По таким

фрагментам песен трудно судить о значении оленя, но связь оленя и воды заслуживает внимания.

Родство оленя литовских песен с солнцем подкрепляется еще и тем фактом, что в контекст обсуждаемого образа входит мифический образ кузнецов.

Олень и кузнецы

Кузнецы находятся на девятом роге оленя или в «горнице» на рогах оленя:

Ой и прибегаёт
Быстрый олень,
Лелю коляда, коляда.

Быстрый олень
Девятирогий,
Лелю коляда, коляда.

На девятом роге
Кузнецы куют,
Лелю коляда, коляда
[CDzM 105a].

Ой бежал, бежал
Пугливый олень,
Лелю коляда, коляда.

Пугливый олень
Девятирогий,
Лелю коляда, коляда.

На девятом роге
Новая горница,
Лелю коляда, коляда.

В той горнице
Кузнецы куют,
Лелю коляда, коляда
[LTR 912(267)].

Во многих архаичных традициях кузнец является создателем элементов мира. В финской и карельской мифологиях кузнец Ильмаринен выковывает небесный свод со светилами, чудесную мельницу Сампо, плуг¹⁹. В литовской мифологии кузнец также отличается творческой силой и участвует в процессе создания мира. Во вставке к хронике Иоанна Малалы (XIII в.) упоминается кузнец Телявель, который выковывает солнце²⁰. Эней Сильвиус Пикколомини пишет о железном молоте необыкновенного размера, с помощью которого знаки Зодиака освободили похищенное могущественным королем солнце²¹. В одном сказании повествуется о кузнице, жившем в древние времена, когда было еще темно. Он выковал солнце и забросил его на небо [LTR 4239(502)]. Как мы видим, литовские фольклорные данные показывают, что кузнецы связаны с созданием Солнца, а их инструмент — молот — с освобождением Солнца. Кузнецы, работающие на одном роге оленя, возможно, как раз и куют солнце. Ведь, как уже упоминалось, олень в некоторых мифологиях связан с солнцем. Он может

нести солнце на рогах или сам символизировать солнце, его рога ассоциируются с солнечными лучами. В песне об олене упоминается, что кузнецы выковывают золотое кольцо, серебряные ножницы, золотой горшочек, жемчужный веночек [LT I 215; CDZM 105b]. Все эти предметы — блестящие, как солнце, а кольцо и веночек — к тому же круглые, как солнечный диск. Следовательно, данные реалии можно оценивать как метафору солнца или как определенную трансформацию этой мифологемы. Поскольку кузнецы в литовской мифологии могут пониматься как создатели Солнца, то в анализируемой песне мы их могли бы интерпретировать как творцов и освободителей символического солнца, связанного с образом оленя. Ведь в канун Рождества, когда кончается старый год и темнота длится большую часть суток, должно быть очень актуальным ожидание света. Солнце, видимо, и приносил олень с огнем на одном из девяти рогов или с кузнецами, кующими Солнце.

Сокращения

АНЛП — Антологија народних лирских песама / Избор и предговор В. Бурић. Београд, 1958.

БНТ — Българско народно творчество: В дванадесет тома / Отг. ред. Д. Осинин. Т. 5. Обредни песни / Отбрали и ред. М. Арнаудов и Хр. Вакарелски. София, 1962.

CDZM — Džukų melodijos / Sudarė ir parengė G. Četkauskaitė. Vilnius, 1981.

CDZP — Džukų dainos; Priedas prie plokštelių komplekto / Parengė G. Četkauskaitė. Vilnius, 1974.

JSD — Lietuviškos svotbinės dainos / Užrašytos par Antaną Juškevičį ir išspausdintos par Joną Juškevičį. Petropilė, 1883; новое изд.: Lietuviškos svotbinės dainos / Užrašytos Antano Juškos ir išleistos Jono Juškos. Vilnius, 1955. [Т.] 1—2.

KH — Kotula H. Hej, leluja. Warszawa, 1970.

LDK K1 — Misičienė V. Darbo dainos. Kalendorinių apeigų dainos // Lietuvių liaudies dainų katalogas. Vilnius, 1972.

LTR — Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lietuvių tautosakos rankraštynas.

LTi — Lietuvių tautosaka. T. 1. Dainos / Medžiagą jiems paruošė V. Barauskienė, B. Kazlauskienė, B. Uginčius. Vilnius, 1962.

TD — Tautosakos darbai. Kaunas, 1938. [Т.] 5.

Примечания

¹ Laurinkienė N. Mito atšvaitai lietuvių kalendorinėse dainose. Vilnius, 1990. С. 71—75.

² Анисимов А. Ф. Космологические представления народов Севера. М.-Л., 1959. С. 20; Okladnikovas A. Elnias auksaragis. Vilnius, 1969. С. 64, 71; Simek R. Lexikon der germanischen Mythologie. Stuttgart, 1984. С. 170.

³ Butrimas A. Biržulio žinio kapas // Mokslas ir gyvenimas. 1983. Nr. 2. С. 25.

⁴ Rimantienė R. Akmenis amžius Lietuvoje. Vilnius, 1984. С. 169.

⁵ Vaitkunskienė L. Mitologiniai ir ritualiniai simboliai m. e. I tūkstantmečio vidurio Lietuvos metalo plastikoje (2. Kosmologiniai vaizdiniai) // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. A serija. 1987. Т. 4(101). С. 53.

⁶ Becker U. Simbolių žodynas. Vilnius, 1995. С. 67.

⁷ Анисимов А. Ф. Указ. соч. С. 14.

⁸ Мифы народов мира (далее — МНМ). М., 1980. Т. 1. С. 605.

⁹ Laurinkienė N. Указ. соч. С. 72—73.

¹⁰ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 159—163.

¹¹ МНМ. Т. 1. С. 603.

¹² Okladnikovas A. Указ. соч. С. 64, 71; Анисимов А. Ф. Указ. соч. С. 20.

¹³ Becker U. Указ. соч. С. 67.

¹⁴ Анисимов А. Ф. Указ. соч. С. 12—13.

¹⁵ Okladnikovas A. Указ. соч. С. 196—197.

¹⁶ Там же. С. 66.

¹⁷ Там же. С. 67.

¹⁸ Buhociu O. Die rumänische Volkskultur und ihre Mythologie: Totenklage — Burschenbünde und Weihnachtslieder — Hirtenphänomen und Heldenlieder. Wiesbaden, 1974.

¹⁹ Kalevala / Verte Just. Marcinkevičius. Vilnius, 1972. С. 65—67.

²⁰ Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai / Sudarė Norbertas Vėlius. Vilnius, 1996. I. С. 266, 268.

²¹ Там же. С. 595.

Перевод с литовского М. В. ЗАВЬЯЛОВОЙ

В. В. УСАЧЕВА

МОЖЖЕВЕЛЬНИК В ОБЫЧАЯХ И ОБРЯДАХ СЛАВЯН

Из материалов к словарю «Славянские древности»

Можжевельник (*Juniperus communis* L.), рус. верес(к), в(ф)ересина, укр. полес. ялувец, гуцул. жереп(ина), бойков. јалинец, серб., макед. смрека, хорв. *šmrkuvina*, *šmrkujina* (Поморье, Крк), болг. хвойна, пол. *jalowiec* (диал. *jałyc'a*), чеш., словац. *jadlovec* — пахучее хвойное кустарниковое и древесное растение семейства кипарисовых, местами вырастает до 3—4 м, растет в смешанных и лиственных лесах на территории всей Славии.

Признак вечной зелени, «хвойности» сближает его с сосной, елью, барвинком и другими хвойными и вечнозелеными растениями; характерный бальзамический запах объединяет с такими растениями, как базилик, мята; колочность — с боярышником, шиповником, крыжовником. Все эти качества обусловили функции можжевельника — апотропейную, отгонную, продуцирующую — и его широкое применение в календарных и семейных обрядах славян.

Можжевельник является почитаемым деревом, его считают «добрым», на Русском Севере называют «божественным деревом», святым («вересинка — святая деревинка»), его связывают с именем Господа Бога («Верес... ближе к Богу»), с Иисусом Христом («Верес — Христово дерево»). Рассказывают, «будто за Иисусом Христом или за каким-то святым ангелом нечистая сила гонялась, и он под вересинкой спрятался» (д. Тихманьга Каргопольского р-на Архангельской обл.); «Все говорили, что за Христом беси бегают, а он прячется (ведь на Страшной неделе его хватили и распяли). И всю неделю беси-ти за Христом бегают; он прячется от них. В Великий четверг по можжевель ходили — говорят, Иисус Христос спрячется под можжевель...» (Ветлужская сторона, 59); «А вересина — это божественное дерево. Бох когда-то ночевал под вересиной, ево веть изгоняли отсюда и он ночевал под вересиной, и это дерево с тех пор стало божественным. Это написано в Библии» (д. Казаково Каргопольского р-на Архангельской обл., зап. П. Альтшулера, М. Алексеевского).

В Череповецком уезде Вологодской губ. рос огромный можжевельник, местные жители считали, что он находится под особым покровительством какого-то таинственного существа. В знак почитания на него вешали тряпочки, полотенца с нашитыми на них красными или черными крестиками. Вместе с тем в некоторых полесских зонах (Гомельская обл.) существовал запрет сажать можжевельник около дома. Болгары в Пиринском крае можжевельник относили к так называемым *юдинским* или *самовилским* растениям. По народным поверьям, в его зарослях собиравшие демонические юды и самовилы. В отношении таких деревьев соблюдалось табу: под ними нельзя было спать, сидеть, к ним не привязывали колыбель. Нарушение запрета вело к тяжелым заболеваниям.

Можжевельник использовался в календарных и семейных обрядах: его ветки прикрывали на шапках колядников (юж. Чехия); из него делали обрядовое майское деревце, пасхальное деревце, которое носили по Праге в пасхальную среду; для свадебного дерева или в качестве его украшения можжевельник использовали на словацко-моравском пограничье, в некоторых районах Польши.

Существенна роль можжевельника в похоронно-поминальных ритуалах и верованиях. В Самоборе (Хорватия), посещая покойного, окропляли его святой водой с помощью пучка можжевельника; когда покойника клали в гроб, его окуривали можжевельником (Ступник под Загребом). По вынесении тела покойного поляки Замойского воев. кадили в избе можжевельником, а в Полесье мыли можжевельновыми ветками лавку, на которой стоял гроб; в некоторых местах Новгородской обл. затапливали печь можжевельником, видимо, для того, чтобы покойник

ВАЛЕРИЯ ВАСИЛЬЕВНА УСАЧЕВА, канд. филол. наук; Ин-т славяноведения РАН (Москва)

не мог вернуться в дом по запаху родного крова. Провожая покойника на кладбище, бросали на дорогу веточки можжевельника. В Костромской обл. этот обычай объясняли так: «Как Иисуса Христа пияли, дак он по можжевельнику ходил. И вот из-за этого валяют лапоцьки. Вот он по лапоцькам и будет [идти], покойник-от. Он сорок дней ходит — хоть не он, а душенька летает» (Ветлужская сторона, 138).

По восточнославянским поверьям, можжевельник, наряду с крапивой и чертополохом, наделялся способностью охранять от нечистой силы (Русский Север), от зверей. Можжевелевую ветку втыкали под матицу для оберега от болезней (костром., ярослав.). В Вологодской губ. так поступали, чтобы в дом не вошла белая баба, носительница болезни, близкой лихорадке. Болезнь изгоняли в можжевельник с приговором: «Хвора ў лес, на верас, А здароўе ў косці». Обрядовое битье можжевельником с приговорами в Вербное воскресенье и на Пасху обеспечивало здоровье на целый год. При эпидемиях им окуривали себя и дом (вост. Польша). В качестве апотропея в центральной Словакии на полотно, отделявшее кровать роженицы от комнаты, вешали кустики можжевельника.

Лучшим топливом для очистительных костров считался можжевельник. В канун Юрьева дня, Иванова дня пастухи клали костер из можжевельника (Чехия, вост. Словакия, зап. Украина); молодежь скакала через огонь, чтобы на весь год обезопасить себя от лихорадки (Ступник под Загребом). В Пештере и Бихоре жгли костер из можжевельника в канун Петрова дня. Украинцы Карпат в канун св. Яна на возвышенностях близ села складывали из можжевельника костер высотой в несколько мет-

ров (костров в деревне могло быть несколько), сгоняли скот со всей деревни и, когда половина костра сгорала, прогоняли сквозь огонь скотину. В Польше (Радунские озера) с помощью костров из можжевельника и ели боролись с ведьмами. Во время повальных болезней жгли на границе сельских угодий костер из корневой можжевельника (поляки); раскладывали костры на дорогах, которые вели из пораженных эпидемией мест (украинцы Карпат, сербы). 1 марта в Родобах зажигали костер из можжевельника, сложенного вокруг высокого забитого в землю кола, все бегали вокруг огня и кричали: «Убегайте, змеи и ящерицы, баба Марта идет!» Это должно было обезопасить людей от укусов змей летом.

Можжевельник широко применялся для защиты скота: коров окуривали им после отела, обмывали скотину водой, в которой лежали можжевелевые ветки; при весеннем выгоне на пастбище для охраны от болезней и сглаза (смолен., пол.) прогоняли скотину сквозь дымящийся можжевельник, погоняли скот можжевелевой веткой (архангел., костром.). Скот от мора, при падеже (рус.) или при перегоне его на другое пастбище (пол.) прогоняли через костер из можжевельника, зажигая его от живого огня (рус.). Из древесины можжевельника делали баты, кнут, музыкальные инструменты (Русский Север, Белоруссия), что защищало скот от пропажи и козней лешего.

Весь период святок южные славяне защищали свое жилище от злых сил, болезней и всевозможных чар, втыкая ветки можжевельника, сосны, боярышника над входом в дом (Болгария, Герцеговина). В праздник Трех королей (Епифания, Богоявление) священник, обходя все дома в селе, кадил их можжевельником (з.-слав.). В Чешской Моравии (обл. Ходско), чтобы ведьма не проникла в дом или хлев, в ночь перед днем свв. Филиппа и Якуба (1.V) и перед св. Яном (24.VI) на порог клали кусок дерна с воткнутыми ветками можжевельника, втыкали ветки березы или можжевельника в кучи навоза, надеясь на то, что, пока ведьма будет считать травинки в дерне, листья и иголки на ветках, ночь пройдет. В канун Иванова дня сербы с веткой можжевельника поджидали ведьму, чтобы ударить ее три раза, когда она начнет доить молоко у чужой коровы. Для умиловления до-

Над дверью в сени избы воткнута коча «от повальных болезней» и веточки можжевельника — «от нечистой силы». Рязанская губ., Касимовский уезд, с. Увяз. 1914 г. Фото В.М. Машечкина. Фототека Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), № 3185—13

За матицей в избе воткнуты ветки можжевельника («бромжевелника») — от грозы. Ветки эти берут «из-под плащаницы» в Страстную пятницу. Тверская обл., Селижаровский р-н, с. Березуг. 2000 г. Фото Л.Р. Хафизовой

мового в Медынском уезде Калужской губ. втыкали ветку можжевельника на дворе.

Можжевельник часто использовали на Страстной неделе в очистительных обрядах Чистого четверга — от грехов, дьяволицы и болезней (новгород., вологод., вят.). На Русском Севере поход за можжевельником в этот день был ритуализован. Девушки отправлялись в путь до восхода солнца. В лес входили со словами: «Царь лесной и царица лесная, дайте мне на доброе здоровье, на плод и на род». Брели можжевельник, приговаривая: «Фереса, святое дерево, ты не боишься ни бури, ни падали [сильный ветер, буря], ни осенних мелких дождей, так же бы раба Божья мила скотинушка не боялась бы переговоров [сглаза]» (Водлозеро) (Денисова, 43). Вернувшись из леса, ветки клали посреди избы на полу, на сковороде или на заслонке, разводили огонь, а затем все домашние перешагивали или перепрыгивали через него. В Кадниковском уезде Вологодской губ. подобный обряд совершался на масленицу. Принесенные ветки можжевельника украшали тряпочками, бумажными розочками, звездочками, птичками и втыкали над дверью внутри избы. Через две недели их выбрасывали. В этот день окуривали дымом можжевельника дом, огород, постройки, скот, вымя коровам и козам, бочки для огурцов и капусты, молочную посуду; раскладывали по углам дома колочие ветки от крыс (ярослав., костром.).

В Костромской обл. в «Великоденный» четверг ходили утлом «по можжевёлу», придя домой, с улицы, с можжевельником в руках, кричали: «Мама! Корова-то дома? — Дома, дома, любушка. — А овцы дома? — Дома, дома». Потом его подтыкали под матицу (Ветлужская сторона, 177).

Можжевельник наделялся способностью оберегать дом от грозы и отгонять тучи. Для этого на чердак под слегу клали ветки, приговаривая: «Фересинка, святая лесинка, прикрой меня от грозы» (Русский Север, Костромская губ.) При грозе поляки поджигали можжевельник, освященный в Вербное воскресенье, чтобы разогнать грозные тучи. В словенской Каринтии для защиты от грома в лесу укрепляли на самом высоком дереве белое знамя и освященную можжевельную ветку; на Троицу перед восходом солнца хозяин шел в поле и втыкал можжевельные ветки на углах всех своих полей, кропил их водой, чтобы отвратить град и непогоду.

Можжевельник служил оберегом. Поляки считали, что от черта охраняла палка из можжевельника, вырезанная в день св. Михаила Архангела (29.IX) и освященная в костеле. Сербы с помощью кола из можжевельного дерева боролись с вампиром. Чехи области Ходско предпочитали кнутовнице из можжевельника, т.к. оно оберегало скотину от чар. В Костромской губ. деревянные солонки опоясывали полоской из можжевельника, чтобы кикимора ночью не могла туда залезть. В понедельник после Пасхи в Словакии и Моравии для коров плели венки, в которых обязательно присутствовала ветка зеленого можжевельника. Во вторник эти венки скармливали коровам. В Великопольше, встречая весну, процессии с можжевельными факелами шли на холм за деревьями и там сжигали огромную, до 10 метров высоты, куклу из соломы и можжевельника — *Смертиху*. В Егорьев день можжевельник собирали до восхода солнца, зажигали вместе с вербочками и обходили вокруг дома три раза; часть несгоревших веточек оставляли в доме, а часть выносили на улицу (рус.). В Троицу освящали ветки или выкопанный с корнем можжевельник и прикрпляли над окнами и воротами, потом окуривали им скот (Нижегородская губ.). В день Казанской иконы Божьей Матери окуривали можжевельником все четыре угла подполья, чтобы запасы не портились и не иссякали (рус.).

Можжевельник обладает силой, оберегающей жизнь. Так, в Родапах известен обычай: когда мужчины уходили из дома на заработки, женщины провожали их до Кырджалийского камня, у которого рос можжевельник. При прощании каждая женщина срывала с него ветку, относила ее домой и затыкала над входом, где ветка оставалась до возвращения хозяина.

Для весенней календарной обрядности западных и части южных славян-католиков характерно использование можжевельника при изготовлении ритуальных предметов. Можжевельные

ветки включали в состав букетов и венков вместе с другими растениями и освящали в Вербное воскресенье (Словения), в праздник Успения Богородицы (Замагурье, Бескид Шлёнский) их прикрепляли к верхушке пасхальной пальмы (Чехия, Польша: в районе Кросна пальму делали из можжевельника), иногда в Вербное воскресенье для освящения брали вырванный с корнем можжевельник, а возвратившись домой, сажали его в винограднике (Словения).

Бадняк в западной Сербии, Боснии, Герцеговине мог быть не только из дуба, но и из можжевельного дерева.

Можжевельник наделялся продуцирующими свойствами. Из можжевельника делали движущуюся часть маслوبيки, что, как полагают, обеспечивало хорошее сбивание масла (пол.). Сквозь дымящийся можжевельник прогоняли скотину при весеннем выгоне, для того чтобы коровы давали больше молока (пол.), чтобы сметана гуще была (костром.). В Чистый четверг молочную посуду парили собранным в Иванов день и высушенным можжевельником не только для дезинфекции, но и для того, чтобы сметаны больше набиралось (Русский Север). В то же время в южной Польше (Мысленице) считали, что, если коров погонять кнутом, у которого рукоятка сделана из можжевельника, у них пропадет молоко. В Словении (Истрия) во время масленичных обходов ряженый ходил с веткой можжевельника в руках и всех ею шекотал, особенно девушек. В Великий понедельник — *дынгус* — били ветками можжевельника и березовыми прутьями девушек и молодых, что должно было обеспечить им удачу (кашуб.). В Вармии и на Мазурах в пасхальные дни, вечером в воскресенье и весь понедельник, ходили по домам так называемые *выкупники* с веткой вербы или можжевельника. Они пели песни с пожеланиями процветания, хорошего урожая, чтобы на полях, огородах и в садах все росло и плодоносило, за что получали подарки.

Можжевельник широко применялся в народной медицине. Старинные лечебники рекомендовали использовать можжевельник в качестве антисептика в период моровых поветрий, его дымом окуривали помещения, жевали ягоды, чтобы не заразиться. Для профилактики холеры, тифа, скарлатины, оспы, астмы советовали есть по 6—10 сырых ягод можжевельника (Коломыя). Для лечебных целей можжевельник следовало рвать в определенные дни, например, в канун св. Яна (чеш.). Ягоды, корни, сваренные в воде, пили от водянки (серб.), лечили желтуху (Русский Север). Из можжевельника готовили настойки от кашля, ангины, при воспалении ушей, соком лечили ячмень на глазу. При ломоте в костях больного обтирали отваром можжевельника, при этом для женщин использовалась ветка с ягодами, для мужчины — без ягод (Витебщина). Словенцы можжевельником окуривали от испуга. На Карпатах парили ноги в крепком отваре ягод можжевельника при ревматизме и подагре, при тромбозе. В Польше (Мазуры) пили настой можжевельника от бесплодия. В то же время было известно, что с помощью одного из видов можжевельника *Juniperus sabina*, растущего в Татрах, можно избавиться от плода, о чем говорится в словацкой песне: «*Na hore rastie nĕtata [можжевельник], / nĕboj sa, mladucha, diet'ata*». В Чехии этот вид можжевельника известен под названием *klášterská chvojka*, известно и его abortивное свойство.

Литература

- Болтарович З.Е. Народне лікування українців Карпат кінця XIX — початку XX століття. Київ, 1980. С. 33, 38, 55; Ветлужская сторона / Общ. ред. А.В. Кулагина. Кострома, 1996. Вып. 2; Денисова И.М. Вопросы изучения культа священного дерева у русских. М., 1995; Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 99, 337; Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1989. С. 174—175; Топоров В.Н. Можжевельник // Мифы народов мира. М., 1980. Т. 2. С. 164; Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья. Л., 1985. С. 50—52; Чапканович В. Речник српских народних веровања о биљкама. Београд, 1985. С. 62; Kurel N. Praznično leto Slovencev. Starosvetne šege in navade od pomladi do zime. Celje, 1965. D. 1. S. 58, 118; 1967. D. 2. S. 25; Szyfer A. Zwyczaj, obrzędy i wierzenia Mazurów i Warmiaków. Olsztyn, 1968. S. 56, 57.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 99-04-00079)

ВЕРТЕП В СЕЛЕ ЛАСИЦК ПИНСКОГО РАЙОНА

В начале 1985 г. участники «славянской студии» Театра фольклора и этнографии народов СССР при МГУ под руководством Д.В. Покровского, разбившись на группы по 2—5 человек, отправились в первую самостоятельную экспедицию — в Западное Полесье. Ехали не наугад, а с благословения самого Никиты Ильича Толстого, — он позвал нас на беседу и посоветовал села, в которых уже до нас или параллельно с нами по программе этнолингвистического атласа работали студенты-филологи МГУ. Группа в составе Е.Н. Никольской, О. Гордесовой, О. Ширковец, А. Копылина и М. Копыловой работала в с. Ласицк Пинского р-на Брестской обл. Наша задача была зафиксировать народный календарь, местную певческую традицию, обряды и все проявления народного театра.

До 1939 г. Ласицк входил в состав Польши. Все население его — православное. «Поляков никогда ў Ласицку не було, а ўсі люди православныя! И никаких других вер десь не було!» В 1943 г. по Ласицку полгода проходила передовая линия фронта, поэтому «материальной старины» здесь вовсе не сохранилось, за исключением изящной деревянной часовни.

Пели в Ласицке много и красиво, особенно на свадьбах, на много голосов. Свадьбы тогда играли по 2—3 еженедельно на разных концах деревни. На одной из них в разговоре упомянули «вертеп». Святочный кукольный театр? Не концертный, а бытующий?! Увы, он оказался лишь воспоминанием, хотя довольно ярким.

«Вось така бу́ла. Гармоніка гра́ла, ходили люди, спували культурно (т.е. не «бром», не открытым звуком, как календарные песни. — М.К.)» (Степан Иванович Савчук).

«И был такой каравод, и такой делался ўэртэп: такой барабан, и туда делались разные прыжки...» (Василий Макарович Пукало).

Итак, круглый вертеп — по типу ярмарочного райка, в барабане или решете. Игрушки в нем движутся вокруг пещеры с младенцем Иисусом, выстроенные в драматургическом порядке: Ангел, Пастухи, Волхвы, Ирод, воины Ирода...

Иосиф Иванович Пась рассказывал: «Куклы з бумаги робы́лы. Шкло замазывают краской: могло быть красное, было бйло. А куклы были — иконы вродэ. Вон, як гэта!» — и он ткнул пальцем в висевшую на стене кошку. Кошка оказалась вышивкой по мотиву известного лубка XVIII в. «Кот казанский, ум астраханский».

Упомянутая «икля» (стекло), возможно, загромождала источник света, скорее всего, свечу. Ее присутствие в вертепе подтверждает следующее высказывание:

«Як засняваю́т коля́дэ, якá там была свеча — тухла!!!» Возможно, смена белого и красного цветов в подсветке означала два различных места действия: «вертеп Вифлеемский» и «дворец Ирода». Но каким образом двигалось стекло и как при этом менялся центр действия, этого никто из мужчин объяснить уже не мог, как не могли точно объяснить, где именно крепилась свеча.

Большинство моих собеседников сходилось на том, что куклы все-таки были плоские, а Дева Мария просто изображалась ико-

ной. И. Пась, правда, подумав, добавил: «И куклы — тоже были. Ангел з крыла́ми, а з яслі́ей, дэ Хры́стос, солома торчала як пасты́шчай!»

На вопрос, как вся эта конструкция приводилась в движение, С. Савчук ответил: «Так вась бу́ла! Вось! На нэй звезда крутилась и п нэй ўэртэп був!»

Вертепных песен от этих рассказчиков записать не удалось: они не помнили их, — вероятно, потому, что сами «не пели» в принципе. Но на следующий день «церковный человек» Михаил Константинович Пась в длинном ряду церковных коляд напел песенки, сильно отличавшиеся «примитивностью» одноголосного напева и разработанностью сюжета, приспособленного к вертепному действу.

Во пять тысяч пятьсот
И восьмом году
Родіўся Спаситель
Во Вифлему.
Во вертепе Он родіўся,
Пред пасты́рей возвестіўся
Чэ́рез А́нгола (2 раза).

Пасты́ри па́сли
У полі стада́,
А ў полно́чн Ангелым
Объявлено́,
Что роді́ла Дева́ Ма́рия
Спасителя́ все́го ми́ра
Во Вифлемэ (2 раза).

Ось та́ёры возна́йта́,
Да ё́го зна́йты:
Он — во Вифле́еме,
В вэ́ртэпе, в я́слі.
Прэ́свята́я Дева́ Ма́рия,
Иосифо́ и Ма́сця —
Ме́жду бы́дла(д)мі́ (2 раза).

<...> Ему́ покло́нйлы́сь
И возвра́тилйсь
«Благодарность́ Богу́!» —
Возвэ́злилы́сь.

Что от Ангела слы́хали —
То гла́зами уви́дали —
Урожа́нного (2 раза).

Распрокля́тый Ирод
Хо́тел дозна́ты,
Запро́сывый во́лхвов
К се́бе дозна́ты:
«По́вэсты́та, куда́ йде́та?
Чем по́ездом нэ́ иде́та?
Покорно́ про́ну (2 раза).

Во́лхвы отве́чали:
«К ро́жда́нному йде́м,
По́клоны́ отда́ем
Назад поверне́м.»
Ирод проси́т: «Усту́пите́,
У́се бо вы́ мнэ́ объ́ясните́ —
Покло́нись ему́!» (2 раза)

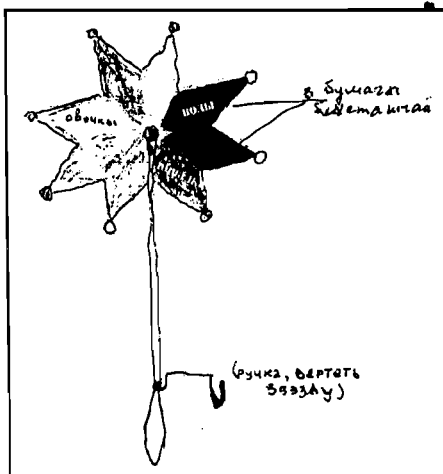
Распрокля́тый Ирод
Собра́л кни́жников
И каза́ў им во́прос:
«Да́ ле́жит Хры́стос?»
А кни́жники́ отве́чали:
«Мы́ спэ́рва́ кни́гы́ чи́тали́,
Что́ в Вифлему́» (2 раза).

Распрокля́тый Ирод
Во́лхвов нэ́ дожда́ў,
По́ сво́ему́ пра́ву
Войско́ разо́слаў,
Прыказа́ў Хры́ста шука́ты,
Ма́лых дэ́ток уби́ва́ты
У́ сво́ему́ ца́рстве́ (2 раза).

Михаил Константинович Пась вспоминал: «Я ўэртэп помню, пиче молодой був. К нам з Лопати́на (село в 18 км от Ласицка. — М.К.) приходили. У Ласицку даже звезду не робы́лы: не было специа́листоў. Давно, пиче пры Польшчы, пиче до тры́дцати́ девя́того́ году. Потом в́же не було ўэ́ртэпов».

Позднее он прислал мне в Москву письмо с рисунком на бумаге в клеточку: звезда с восемью лучами, с ручкой-тростью вниз и ручкой сбоку — крутить. На лучах, раскрашенных в разные цвета, были пояснительные надписи: «овэ́зкы», «во́лы», «лоша́дки». И приписка: «Лучэй шэ́сть-восьмь, не пять то́лько — пэ́вэсна́ звезда. З бума́ги блы́стайчай. Кра́сыво...»

Публикация М.Л. КОПЫЛОВОЙ
(Йошкар-Ола)

ВЕРТЕП В БЕЛОРУССКОМ ПОЛЕСЬЕ

Из архива Полесских этнолингвистических экспедиций

Данная публикация представляет материал, записанный участниками Полесской экспедиции в 1984 и 1985 г. в с. Ласицк Пинского р-на Брестской обл. Готовя публикацию материалов из Полесского архива Института славяноведения РАН, мы не ставили целью дублировать сведения, собранные нашими коллегами — музыкальными фольклористами, работавшими в Ласицке почти одновременно с этнолингвистами (см. публикацию М.Л. Копыловой). Представляется, что записи, сделанные К. Рутковской, О. Санниковой, Е. Назаровой, Л. Мурга, могут отчасти прояснить этнографический контекст «хождения со звездой» в этом полесском селе, а также дополнить сведения относительно конструкции «круглого вертепа», который стал предметом специального интереса участников «славянской студии» Театра фольклора и этнографии народов СССР под руководством Д.В. Покровского.

Традиция «хождения со звездой» существовала в Ласицке «при Польше», т.е. до Второй мировой войны. Все информанты помнили красочную бумажную конструкцию, установленную на круглой вращающейся (как «решето», «бочка на ножках») основе со свечой внутри, звезду со многими лучами (от 6 до 10), фигурки людей и животных. Обходы колядников сопровождалась «музыкой» и песнями. Рядиться и надевать маски не было принято — «не переодевались»; все внимание зрителей было приковано к вертепу.

При Польше со звездой ходили, с пёргеном. Сви́чка горі́лы, кто-нибудь крутил, украшали его. На ножки ставили так як ріншто, а там в сэрэдзіне ігрушкі, коні, бівца, свінні — поворыза́е с бумажы, — а наверху звезда. Не такая звезда, як на пять, а та́ка мо́жа на дзе́сяць (Я.А. Мирко, 1902 г.р.).

Ходили! Это ужэ од войны нэ стáлы ходы́ты. Ба́ло, зрóbлять, да какú вялі́ку сві́чку поставля́ть, а сві́чка горы́ць. У ка́жну хату іду́ць, сінваю́ць, о, гэтак: «Хры́стос родзі́ўся». Ба́ло, і дзе́ньгі даю́ць, хто шчо́ — і сало́ даю́ць, піро́гы даю́ць (С.Д. Рогаль, 1901 г.р.).

Звезда на шэсть рожноў, бы корона. Крутаць, конікі бэжыць, с музыкані ходыць (С.К. Ильковец, 1920 г.р.).

Ходылы со звездой. Вертэп называлы. То круг, а у сярэдзіне світыць, на палку — ды посяць (Чирва Марія Сергеевна, 1917 г.р.).

Вертэп такі крутыць. Зрóbлять звезду з разных бумаг, туду запáляць свічку. Такія цэрэ́мніаю́цца там бума́гі (О.А. Романович, 1931 г.р.).

Робі́лы звезду, л́ко пэ́бэ́сная звезда, из бума́гі красі́вой, там сві́чку ставля́ць, і она́ я́сная — э́та зві́зда, с чы́рвоной, жо́ўтой чі с сі́пій бума́гі (А.С. Романович, 1907 г.р.).

[Раньше не рядились, стали рядиться только в последнее время:] из этого волокча бороду, вусы жонкы робляць. Ра́ньшай из радзі́лыс. Со звездо́ю ходы́лы, як на ко́лядú. Там шчо́-то сдела́е та́кэ, як бочка на но́жках, там горы́ць сві́чка, о́гонь, і кру́тыць е́ё, а тут па́казва́е пруз бума́гу куры́-та́лыну поделаны́е [фигурки]: на лошади е́де там, собачка бэ́жыць, хлопчы́к бэ́жыць, гусы, куры (Н.Е. Рогаль, 1916 г.р.).

С вертепом ходили, у ём свет есть, разные фигурки, всё было святое у том вертепу, Иису́су Хры́ста́ и у сих свя́тых, Па́влу, Никола́я ви́дите (Т.И. Романович, 1910 г.р.).

Участниками Полесской экспедиции от А.У. Жогун (1908 г.р.) была также записана колядка «В пять тысяч пятьсот восьмом году...». Текст частично отличается от записанного музыковедами варианта, благодаря которому удалось прояснить загадочное «между бед ва тьми», встречающееся в нашем варианте при описании места, где пастухи нашли святое семейство и младенца Христа. Вероятно, что «беды во тьме» появились в нашем тексте при расшифровке с магнитофона: так собиратель мог услышать и не вполне

понять слова «между быдла(д)ми» (т.е. *быдлами, быдлантами*; иначе говоря — среди скота!).

Ў пя́ть ты́сяч па́тысот

Ў вoсьмом го́ду

Рoді́ўся Спа́ситель ў Вифлeэ́мú.

Ў вертeпe он рoді́ўся,

Прэ́д па́сты́рмн он звeстíўся

Чeрэ́з а́нгeла (2 раз).

Па́стырн па́сли у по́лю ста́дá,

А ў по́любчы а́нгэл і́нм абъя́влeно́,

Штo ўрoді́ла Дeва Ма́рыя

Спа́сителья ўсё́го мiра

Во Вифлeэ́мú (2 раз).

И от тeпeрь вам знáть,

Как eгo зна́йтí,

Ў грaдe Вифлeэ́мú

Мéжду бeд вa тьмi.

Ў том мeстi он рoді́ўся,

Прэ́д па́сты́рмн он звeстíўся

Чeрэ́з а́нгeла (2 раз).

Па́стырн oчeнь oбрaдoвaлiсь.

Бéгли к Вифлeэ́мú,

Там вoны пaйшлi

Пpисвя́тú Дeвú Ма́рню,

Иoсíпа и Мeсíю

Мeжду бeд вa тьмi.

Е́му пoклoнлiсь и вoзвраті́лсь,

Блaгoдáрнм Бoгa, пoзвeсeлeлiсь.

Штo oт áнгeлa слыхaлн,

То глaзaмн увидaлн

Урoждeнaгo.

Рoспрoклíтoй Ё́йрoд

Сoбрaл кнiжнiкoў

И пoдáл і́нм вoпpoc,

Гдe лeжы́ць Хры́стoc.

А кнiжнíкы:

«Мы спeрвa кнiгi спы́тáлн,

Штo ў Вифлeэ́мú.

Пpы́ншэ́дшы́й áнгeл Иoсíпу рэ́к:

«Вoзьмi млaдéнцa, бeжi ў Егiпéт.

Кoгдa Ё́йрoд iскoнчíтcя,

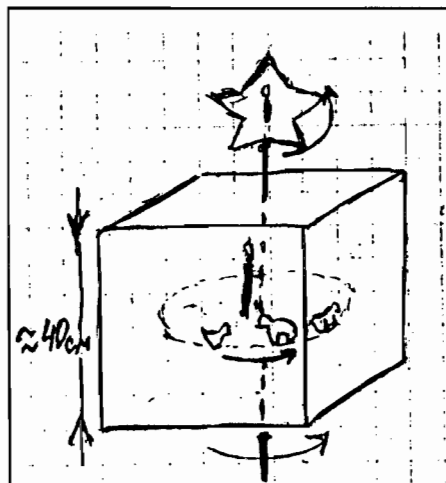
Тóтчac пáзaд вoзвраті́́сь,

Вoзвэ́щú тeбé».

К сожалению, среди материалов из с. Ласицк не оказалось ни одного рисунка вертепа и звезды. Но иллюстрацией к рассказам жителей Ласицка, как нам кажется, может послужить зарисовка круглого вертепа из с. Олтуш Малоритского р-на Брестской обл., сделанная О. Золотаревой со слов А.К. Мощика в 1985 г.

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «Развитие базы данных «Полесский архив»» (97-04-12003в)

Публикация
О.В. КОВАЛЕВОЙ (Москва)

Делалась коробка из цветной бумаги со стержнем посередине, внутри нее закреплялся диск с установленными на нем фигурками животных (преимущественно домашних) и свечкой. На стержне выше коробки закреплялась полая звезда со свечой внутри. При вращении стержня (вероятно, с помощью рукоятки, закрепленной под коробкой) приходил в движение диск, на бумаге видны были тени животных. Звезда при помощи шестеренок вращалась в другую сторону

В.С. ЗУБАРЕВА

«ДАТЫ НЕ МОЖЕМ СКАЗАТЬ, КОГДА ЭТО БЫЛО, НО БЫЛО...»

13 октября 1879 г. в новгородском суде слушалось необычное дело «О семнадцати крестьянах, обвиняемых в сожжении солдаты Игнатъевой, слывшей в среде крестьян колдуньей». Это событие имело заметный общественный резонанс. Судебный репортер газеты «Новости» писал: «Дело возбудило живейший интерес в нашем городском населении, так что задолго до открытия заседания помещение для публики было наполнено слушателями и слушательницами, с напряженным вниманием следившими во все время за ходом настоящего дела...»

Память об этих трагических событиях до сих пор жива в Тихвинском р-не. В 1997 г. в д. Врачево участниками экспедиции Академической гимназии СПбГУ было записано несколько текстов о сожжении ведьмы.

— Вот там, на задворке, вот, в огороде, прежде, прежде, была избушка, дак така была колдунья, это мне свекр свой говорил, — эта колдунья людей портила, на нес все были обзливши, и она жила там вот одна, одна избушка така была, так ей сжигали. Вот она умерла, может быть бы, а ее сожгли. Чтоб пусть — она людей травила, дак люди страдали, пострадай и ты. Это, это слышала, желанный, така была колдунья, нехорошая.

Собиратель: А как ее звали?

— А... не знаю, желанный, это уж давно-ошная она, давношная (И.С. Еремина, 1909 г.р.).

— Вплоть до того, что здесь, вот, слухи ходили. Существовала такая старушка, что потом впоследствии дом заколотили и вместе с ней сожгли. Сожгли — что, ну, всем проклятия делала. Такие вот слухи доходили. Ну ведь это я говорю, что не подтверждено там ничто, а слухи были. Мимо ейного дома люди обходили стороной.

Собиратель: Когда ее уже сожгли?

— Нет, пока она жива была. А потом умудрились — подожгли: заколотили окна и... подожгли. Это слух дошел такой. Поэтому, вот там, не одна сотня лет назад... Даты не можем сказать, когда это было, но было.

Собиратель: А как ее звали, не говорили?

— Может быть, и кто-то знал, но я не знал (И.П. Рыбкин, 1935 г.р.).

— Была здесь колдунья. Она людей портила. И собрались. Это так говорили, это ты не была тут. Это давным-давно было, еще меня не было тогда ведь. Так, говорят, запалили: керосином облили и запалили. Она, говорят, в это, в окошко просилась, чтоб [выпустили]. Ее багром, говорят, толкали, так и сожгли. Дом и ей. Вот я это слыхала, а правда — не правда, а это не слыхала (Е.Н. Погольская, 1921 г.р.).

— Здесь вот у нас, где-то до нас еще была тут избенка, именно вот эту такую колдунью подожгли. Вот здесь, где-то, домишко было. На... в общем, на народ влияла там... все ей... домик подожгли и караулили, чтоб она из окна не выскочила, подожгли. Так и сожгли живьем ею. Ею не пустили — она хотела из окна, там, выскочить — сожгли эту колдунью. Даже, вот, влияла на народ, чем-то отравляла (И.Н. Еремин, 1935 г.р.).

Как свидетельствуют материалы судебного дела¹ в д. Врачево Тихвинского уезда Новгородской губ. (сейчас это Тихвинский р-н Ленинградской обл.) 4 февраля 1879 г. была сожжена в своей избе 50-летняя солдатская вдова Аграфена Игнатъева. Еще будучи молодой, она считалась сильной колдуньей, способной навести порчу. После замужества Игнатъева уехала из родной деревни и 12 лет жила в Петербурге. Овдовев, тяжело больная, она решила вернуться на родину. Слух о ее возвращении вызвал панику среди крестьян, начались разговоры о том, что «снова пойдет порча», и поэтому «лучше взять Аграфену, заколотить ее в сруб и сжечь».

Вернувшаяся колдунья внушала односельчанам ужас, поэтому многие старались ей угождать: стирали белье, мыли пол в ее доме, кололи дрова. Игнатъева тяжело болела, не могла сама работать и существовала только благодаря такой небескорыстной помощи. Аграфена знала, что ее считали колдуньей, но не опровергала, хотя и не подтверждала эти слухи. За те два года, которые она прожила в деревне, несколько женщин заболели кликушеством и в припадках выкликали, что их испортила Аграфена. Начало болезни всегда связывалось в сознании крестьян с некой обидой, нанесенной колдуну. Так происходило и в случае с Игнатъевой, отыскивались причины, которые приводили к мести-порче: не дали творогу, не наколот дров и т.д. На просьбы родственников кликуш снять порчу Игнатъева отвечала, что «не портила и помочь не может».

В начале 1879 г. в деревне заболели сразу две женщины. Тогда крестьяне подали жалобу уряднику, а до его приезда решили посадить Аграфену под домашний арест. 4 февраля в избу к Игнатъевой ввалились 14 человек и объявили, что пришли ее «запечатать», т.к. она «неладно живет». Найденные у Аграфены пузырьки и баночки с лекарствами окончательно убедили их в опасности Игнатъевой. Кто-то предложил «покончить с нею, а то выпустим, так она нас всех перепортит». Избу заколотили и подожгли. Ветер дул от дома, поэтому пожар долго не разгорался. Около дома успела собраться большая толпа. Впоследствии на суде никто не отрицал, что Игнатъева долго была жива, и ее можно было спасти. Некоторые из крестьян кричали ей: «Покайся, Грушка, мы тебя выпустим!», но она молчала. Брат ее, Осип, присутствовавший при казни, предлагал ей «покаяться мужичкам», но Аграфена из горящего дома отвечала: «Не виновата я, братец!» Стоявшие снаружи говорили: «Миром заколочено, так и пусть горит!»

Во время судебного заседания тягостное впечатление на всех присутствующих произвел припадок, случившийся со свидетельницей Екатериной Ивановой. Вызванная для дачи показаний, Иванова отвечала на вопросы председателя суда:

«Председатель: Ну, например, когда запоют "Иже херувимы", вас не схватывает в это время?

Иванова: Этого не бывало, а только вот как в колокола зазвонят, так тут так и свалишься...

Председатель: Теперь вот звонят в колокола, вы слышите?

Свидетельница Екатерина Иванова моментально грохнулась об пол... Из среды же подсудимых послышался следующий голос: «Вот посмотрите, что делается, поди и говори, что этого никогда не случается». Нельзя не упомянуть следующее обстоятельство: как только прекратился звон к вечерне, Иванова стала успокаиваться, до тех же пор все попытки докторов привести ее в чувство оказались тщетны. Врачи были вызваны в качестве экспертов и подтвердили, что Иванова действительно больна². Таким образом, судьи стали свидетелями «последствий порчи», насланной колдуньей. Возможно, это событие окончательно убедило присяжных заседателей в виновности Игнатъевой.

Шабаш ведьм. Художник Зярно (Ziarno)

Защитник, присяжный поверенный Передольский, настаивал на том, что крестьяне убийства не совершали и виноваты только в неподании помощи человеку, находящемуся в опасности. «Не зверями они шли, а как неразумные дети к этой лихой колдунье, с целью не пускать ее шляться по деревне, а задержать ее в своей избе и кормить всем миром до тех пор, пока не явится начальство и не рассудит их с ней. Дело было под вечер, у Аграфены, которая собирала кусочки подаваемым, нельзя было рассчитывать найти свечу и даже спичек, и что же мудреного, когда один из мужиков захватил с собой лучину, чтобы с нею удобнее было обыскать клеть Аграфены...»³

Выслушав выступления обвинителя и защитника, присяжные заседатели признали виновными трех подсудимых — Ивана Коншина, Степана Здорова, Ивана Никифорова — и приговорили их к церковному покаянию. Остальные обвиняемые были отпущены.

Для российской судебной практики данный процесс был уникальным. Несмотря на повсеместную веру в колдовство, до физического уничтожения колдунов дело в конце XIX в. доходило чрезвычайно редко. Законодательство защищало людей, которых оговаривали кликуши. Еще в 1737 г. в «Устав о предупреждении и пресечении преступлений» была включена статья, гласившая: «Так называемых кликуш, обвиняющих кого-либо в порче их или причинении им зол посредством

ворожбы или злых духов, считая сии изветы клеветой на невинных людей. Наказывать плетью публично, на месте их жительства»⁴. Однако для народного сознания показания кликуш являлись достаточным доказательством вины колдуна. Интересно, что сначала крестьяне обратились с просьбой помочь усмирить колдунью к уряднику, хотя, по закону, за подобную просьбу наказание должны были понести они сами.

Судебный процесс обнаружил поразительную близость мнения присяжных к народному мировоззрению. Это не удивительно, т.к. в состав присяжных заседателей входили пять мещан, пять крестьян, один купец и один землевладелец. Представители интеллигенции также не обвиняли крестьян в убийстве человека, их высказывания продиктованы просветительской идеологией. Адвокат Передольский в своей речи призывает: «Обучите сначала народ, дайте ему посох, дайте возможность распознавать худое и доброе, и только тогда вы можете казнить его за содеянное им»⁵. С ним солидарен редактор газеты «Новое время»: «Дайте этим крестьянам недостающие им сведения, иными словами, просветите их — и уродливые явления по отношению к колдунам и кликушам сделаются так же невозможны, как невозможны они уже не только в высших правительственных сферах, но и в сколько-нибудь грамотном слое русского общества»⁶.

1870-е годы — период народничества,

и уже десять лет спустя пафос этой эпохи становится непонятен. К трагедии во Врачеве в 1891 г. обратился А. Абрамов, составитель брошюры «Тяжкие грехи темных людей: Труженики просветители». «Конечно, мужиков, сжегших Аграфену Иванову (?), судили и сослали на каторгу. Таким образом, из-за суеверия мученически погибла Аграфена, погибли 21 крестьянин и погибли их семьи. Так вот до каких страшных дел доводит человека суеверия»⁷. По свидетельству священника, жители Врачева очень потешались, когда к ним попала эта книжечка⁸.

В 1905 г. сожжение Игнатьевой объяснялось уже не отсутствием просвещения, а пьянством: «Был последний день масленицы 1879 года. По улице деревни Врачево шли два пьяные мужика. Один прозывался Маяк, другой — Здоровый. Мужики, шатаясь, наткнулись на худую избенку. Здесь жила одинокая баба Аграфена Игнатьева. Наткнулись мужики и заругались; а потом Маяк говорит:

— Давай сожжем Грушку.

— Давай! — сказал Здоровый...

...Прочь пьянство, от пьянства плодятся на свете ужасные дела»⁹.

Показательно, что в наше время, через 120 лет, крестьяне почти не сомневаются в виновности колдуны и говорят о казни как о справедливом возмездии: «Чтоб пусть — она людей травила, дак люди страдали, пострадай и ты».

Примечания

¹ См.: Дело о 17 крестьянах, обвиняемых в сожжении солдатки Игнатьевой, слывшей в среде крестьян за колдунью // Правительственный вестник. 1879. № 230. С. 1; Дело о сожжении колдуны // Новости. 1879. № 264. С. 3; Канторович Я. Средневековые процессы о ведьмах. СПб., 1899. С. 210—214; Левенстим А. Суеверие и уголовное право. СПб., 1897. С. 34—35; Судебная хроника: Дело о сожжении крестьянки Игнатьевой, слывшей за колдунью // Новое время. 1879. № 1304, 1306, 1308, 1309, 1310.

² Судебная хроника: Дело о сожжении... // Новое время. 1879. № 1308. С. 4.

³ Судебная хроника: Дело о сожжении... // Новое время. 1879. № 1310. С. 4.

⁴ Свод законов Российской империи. Т. XIV. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., 1832. С. 72.

⁵ Судебная хроника: Дело о сожжении... // Новое время. 1879. № 1310. С. 4.

⁶ Там же. С. 1.

⁷ Тяжкие грехи темных людей. М., 1891. С. 17—18.

⁸ См.: Трезвая жизнь. 1905. № 2. С. 8.

⁹ Ужасное дело: Быль // Азбука трезвости. СПб., 1905. С. 127—129.

Е.А. КОСТЮХИН

ДВА ИЗДАНИЯ ХРЕСТОМАТИИ ПО РУССКОМУ ФОЛЬКЛОРУ В СВЕТЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В 1936 и 1938 гг. вышли два издания первой отечественной хрестоматии по русскому фольклору, едва ли не лучшей до сих пор. Ее автор — выдающийся русский ученый Николай Петрович Андреев (1892—1942). Ученик В.Н. Андерсона, виднейшего сказковеда нашего столетия, Н.П. Андреев составил первый систематический указатель сюжетов русских народных сказок (1929), написал несколько капитальных сказковедческих работ. Расцвет его научной деятельности приходится на вторую половину 30-х годов. Не оставляя занятий над сказками (их результат — комментарии к «Народным русским сказкам» А.Н. Афанасьева и «Сказкам матушки гусыни» Ш. Перро, обзоры и рецензии сказочных изданий), Н.П. Андреев обращается к фундаментальным проблемам фольклористики: фольклор и история, фольклор и литература. Поскольку учебника по фольклору еще не было, резко повышалось значение сопроводительных статей в хрестоматии и особенно статьи вступительной — «Фольклор и его история». Все это в совокупности давало свежую и интересную концепцию фольклора в его историческом развитии.

Два издания хрестоматии разделены одним годом, но каким! Это был 1937 год. Время сокрушительных сталинских ударов по науке еще не наступило, впереди была расправа с «безродными космополитами» — компаративистами, но фольклористика одной из первых испытала силу «дискуссий» с их обязательными критикой и самокритикой. В конце 1936 г. «Правда» откликнулась на постановку «Богатырей» по Демьяну Бедному в Камерном театре Таирова, и в «дискуссии» досталось и фольклористам (разгромные выступления по этому поводу были опубликованы в сборнике с характерным для эпохи названием — «Против фальсификации народного творчества». М., 1937). Но еще за полгода до этого в Ленинграде состоялась научная конференция, организованная фольклорной секцией Академии наук, где не только был дан отпор «теоретическим измышлениям буржуазных фольклористов» (особенно Гансу Науманну), но и основательно «проработаны» В.Я. Пропп и Н.П. Андреев: первый — за «формализм», второй — за то, что разделял установки буржуазной «финской школы».

За два года, отделившие два издания хрестоматии Н.П. Андреева, состоялись не только проработочные кампании, ставшие неотъемлемой чертой научной жизни сталинской эпохи с ее перманентными ре-

прессиями. 1937 год — юбилейный: широко отмечалось двадцатилетие советской власти. Подводились итоги, анализировалось сделанное за два десятилетия, намечались перспективы дальнейшего развития науки. В фольклористике это было сделано М.К. Азадовским (его статья «Советская фольклористика за 20 лет», написанная в 1937 г., была опубликована в шестом выпуске сборника «Советский фольклор» в 1939 г.). Оглядываясь на пройденный путь, М. К. Азадовский с оптимизмом заявлял: «Предыдущий период был в основном периодом подготовительным, периодом накопления сил и самокритической проверки; ближайшее время должно явиться эпохой организации крупных предприятий и решения больших задач на основе подлинного марксистско-ленинского мировоззрения».

«Эпоха организации крупных предприятий» в фольклористике так и не наступила — отчасти из-за вскоре начавшейся Второй мировой войны. Но другое предсказание М.К. Азадовского, выраженное в модальной форме, осуществилось: фольклористика «должна выровнять свой фронт и проникнуться пафосом социалистического строительства». Фронт был выровнен: создавалась монолитная советская фольклористика с единой мировоззренческой основой — «подлинным марксистско-ленинским мировоззрением». Эта сплоченная наука нуждалась в вожде, каждое слово которого было бы «указанием». И такой вождь был найден — Максим Горький. Великий пролетарский писатель стал оракулом для фольклористов, а его высказывания о фольклоре (особенно речь на I съезде писателей) — неперемный цитатником и руководством к действию. Смерть Горького в 1936 г. быстро повлекла за собой его канонизацию, и М.К. Азадовский четко излагает сложившуюся ситуацию: «Речь Горького на Съезде, опирающаяся в своих высказываниях на авторитет партии и на всю практику социалистической республики, получила крупнейший резонанс во всей стране, — и ее с полным правом можно считать поворотным и переломным пунктом в истории нашей науки».

Так, за два года в фольклористике произошли перемены, и это сказалось и на андреевской хрестоматии. Прокламационное «овладение революционной марксистско-ленинской методологией» неизбежно вело к вульгаризации фольклора и, следовательно, деградации науки о фольклоре, примитивизации и самого предмета исследования, и научной проблематики. Хрестоматия Н.П. Андреева дает наглядное об этом представление. В предис-

ловии ко 2-му изданию заявлено: «Для второго издания книга подверглась весьма значительной переработке. Внесены значительные дополнения, многие тексты заменены другими. Ряд текстов исключен. Составитель руководствовался при этом стремлением дать материал, особенно необходимый для учебных целей и вместе с тем эстетически значимый».

Что же было переработано в первую очередь? Увы, пострадало само представление о фольклоре как устном народном творчестве, иначе говоря — творчестве русского народа. Так его понимал и Андреев — как совокупность словесных художественных произведений, обращаясь в русском народе, во всех его слоях. Но Горький определил фольклор как творчество трудового народа. Понятие фольклора сузилось, стало быть, до творчества рабоче-крестьянского. Андреев был вынужден считаться с Горьким. В первом издании хрестоматии читаем: «Фольклор в феодальный период отнюдь не является достоянием исключительно трудящихся (т.е. в первую очередь крестьянства, а также городского ремесленного населения), фольклор жил и в среде господствующего класса феодалов (и светских и духовных — церковников), и в среде городской торговой буржуазии». Во 2-м издании этих слов нет. Зато появляется целый абзац: «Фольклорные произведения в своей основной массе и в лучших образцах являются подлинным народным творчеством. В древнейшие времена, еще в период доклассового общества, они являлись отражением запросов и интересов первобытного человечества в его суровой борьбе с природой. Позднее в них проявлялась великая творческая мощь народных масс, чаяния и ожидания трудового народа, героика его борьбы, его радости и страдания, его любовь и ненависть. Почти лишенная возможности собственноручно литературной деятельности, народные массы все свои творческие силы, все художественное мастерство вкладывали в устную поэзию, создавшую, по словам А.М. Горького, самые совершенные художественные образы и послужившую основой для развития литературы».

Такая смена ориентации имела несколько важнейших последствий. Во-первых, из фольклора исключались многие его явления. Заслуживает внимания сноска Андреева к словам о лучших образцах: «Мы говорим здесь именно о лучших образцах; так как за многовековую историю фольклора в нем возникали и жили и такие произведения, которые нельзя приписывать трудовому народу (мещанский, блатной фольклор, фольклор кулацкий)».

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КОСТЮХИН,
доктор филол. наук; Ин-т русской литературы
РАН (Санкт-Петербург)

Андреев как будто не решается назвать блатной фольклор не-фольклором: но это и не творчество трудового народа, которое, по мысли Горького, и является исключительно фольклором. И Андреев выбрасывает блатной фольклор из 2-го издания своей хрестоматии.

Второе следствие отмечаемой переориентации — сокращение социальной базы фольклора. Вдруг было объявлено, что фольклор живет только в рабоче-крестьянской среде. В сопроводительной статье о сказках в 1-м издании говорится: «В позднейшее время, в классовом обществе, сказки социально дифференцировались. Есть свидетельства о бытовании сказок в высших слоях (вплоть до царских семей), где профессиональные исполнители создали своеобразную поэтику сказок; есть сказки купеческие, солдатские, крестьянские». Суждение это спорно, но заслуживает внимания. Из 2-го издания оно исчезло. Вместо него читаем: «В более позднее время сказки явились в особенности выражением чаяний и ожиданий народных».

Когда фольклор представлялся творчеством всего народа, оказывалось, что в его создании принимают участие все социальные слои, что произведения переходят из одной среды в другую. Можно не соглашаться с суждением Н.П. Андреева о былинах в 1-м издании хрестоматии, но нельзя не признать плодотворности самой идеи социального полигенезиса фольклорных явлений. Трудно представить себе, чтобы былина о Васье Буслаеве родилась в крестьянской среде, — это былина явно городской. Но процитируем упомянутое суждение Н.П. Андреева о былинах: «За счет господствующего класса следует отнести и формирование былин на основе героических песен, существовавших еще в доклассовом обществе. Характер былин (прославление дружинников князя и их подвигов, самое изображение обстановки и героев) достаточно ясно указывает на связь их с княжеско-дружинной средой; конкретно-исторические и географические данные отводят нас преимущественно к южной Руси XI—XIII вв.». Понятно, что суждение это явно подпадает под пресловутую теорию аристократического происхождения былин, и Андрееву пришлось от него отказаться. Но вместе с ним ушло и представление о том, что былины жили и в княжеско-дружинной, и в купеческой среде, что их разносили скоморохи и калыки переходные, что их пели крестьяне и казаки. Остались одни крестьяне.

Отсечение от фольклора всего не-рабоче-крестьянского имело еще одно следствие. Вспомним, что в программном высказывании резко противопоставляются фольклор и литература: фольклор принадлежит трудовому народу, лишенному возможностей литературной деятельности, а литература объявляется исключительным достоянием господствующих классов. В результате резко менялось представление о развитии лирических песен. В 1-м изда-

нии сказано: «Песни семейно-бытовые и любовные обнаруживают воздействие на фольклор литературы, в частности дворянской литературы XVIII в., и городской мелкобуржуазной ("мещанской") среды... Через мелкобуржуазную среду шли, вероятно, и переделки литературных произведений; здесь же создавались так наз. "романсы", обычно сентиментально-романтического характера. С развитием капитализма и с образованием люмпен-пролетариата в городах связано происхождение так наз. "блатных" песен, распространявшихся среди уголовных преступников». Во 2-м издании этого, естественно, нет. Мало того, раздел «"Романсы" и переделки литературных произведений» изъят из лирических песен и получил статус раздела совершенно самостоятельного. В свете горьковской концепции само существование этого нового раздела делается сомнительным: ведь это не творчество «трудового народа», а то, что проникало в «народ» из мелкобуржуазной среды. Так что, если быть последовательным, нужно было выкинуть из хрестоматии вместе с блатными песнями и романсы.

Заметные потери находим в разделе «Пюоктябрьский фольклор». Собственно, и в 1-м издании раздел о частушках был неудачным, поскольку частушка была превращена в иллюстрацию к общенационально-политической истории России XX века. Поэтому здесь были такие рубрики: «О Государственной Думе», «О законе 9 ноября и о хуторах», а рядом были помещены частушки заводские, что наводило на мысль, будто О Государственной Думе на заводах никогда не пели. Но в 1-м издании были образцы «кулацких» частушек, были и частушки, явно свидетельствовавшие о том, что составитель хрестоматии — человек остроумный:

Пароход идет по Волге,
Пароход полон икры,
А я мальчик очень шустрый,
Зависался в РыКыПы.

Только остроумный человек мог привести в юбилейной речи по случаю 20-летия Советской власти в 1937 г. такую хантыйскую песню о Ленине:

Эй, йе, Владимир, эй-йе, Ильич,
Умный он был, умный очень.
В черках худых много мужчин,
В шубах худых много женщин
В сотню одну тесно связал он,
Тесно связал всех их вместе,
В тысячный ряд тесно связал он,
Тесно связал всех их вместе!

Из 2-го издания кулацкие частушки и о шустром мальчике исключены. Зато в соответствии с тезисом «частушка — острое оружие классовой борьбы» появились рубрики «О Конституции», «Оборонные», «О врагах народа» — с такими перлами:

Если косу точить плохо,
Значит, быть плохой косьебе,

Если мирной жизни хочешь,
Будь всегда готов к войне!

Резолюцию суда
Подписала вся страна:
Над фашистскими бандитами
Расправа коротка.

Если это обещанные «лучшие образцы» рабоче-крестьянского творчества, то каковы же худшие? Реальный фольклор подменялся откровенными подделками. И если в 1-м издании были еще образцы современных «мещанских» баллад, сопровождаемых написанным в духе времени комментарием: «Подобные песни существуют (и даже возникают вновь) вплоть до настоящего времени; борьба с этой "мещанской" стихией, воздействующей еще и на крестьянство, и на отсталые слои рабочих, является одной из очередных задач культурной работы», — то во 2-м издании исчезли и сами образцы, и «очередная задача культурной работы».

Итак, изменения, внесенные во 2-е издание хрестоматии Н.П. Андреева, свидетельствовали о наметившемся оскудении русской фольклористики. Но это было лишь начало. Эра борьбы с космополитизмом еще не наступила, и в хрестоматии Андреева сохраняется то, что потом напрочь исчезло из наших хрестоматий, — параллели из фольклора других народов, внушающие уверенность, что русский фольклор не единственный на свете. Во 2-м издании этих параллелей стало даже больше. Особенно хорошо они смотрятся в разделах былин и сказок, где есть отрывки и упоминания и о германском, и о иранском героическом эпосе, приводятся притчи Вардана и геродотовское «Сокровище Рамсинита», сказка братьев Гримм и сказка ненецкая.

Несмотря на фразу о «лучших образцах», Н.П. Андреев приводил варианты многих произведений, особенно в разделах исторических песен и былин, что создавало представление о живой жизни фольклора, которая вовсе не сводится к пресловутой «шлифовке» (кстати, это выражение появилось в 30-е гг., встречается оно и у Андреева).

Удалось Н.П. Андрееву сохранить и раздел «Духовные стихи» — пусть с рекомендацией использовать их «для антирелигиозной работы». До начала 1990-х гг. это единственная хрестоматия, где были напечатаны русские духовные стихи.

В общем, хотя Н.П. Андреев и проделал поневоле немалую разрушительную работу, его хрестоматия остается одной из лучших. Она составлена человеком, не только прекрасно знавшим русский фольклор, но имевшим собственную концепцию его развития. Стоит вспомнить об этой концепции, от которой сам автор вынужден был частично отказаться, ради настоящего и будущего русской фольклористики, еще не полностью освободившейся из тисков догматизма, завещанного нам полвека назад.

В.Н. МЕДВЕДЕВА

ИЗ ИСТОРИИ ХОРОВЫХ ОБРАБОТОК РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

Со времени пробуждения интереса профессиональных музыкантов к традиционной народной песне она обрела новую, нетрадиционную для себя форму бытования — в записях, композиторском творчестве, академическом исполнительстве. Этот путь начался более двух веков назад. В огромном пласте музыки, основанной на русском фольклоре, значительное место заняли хоровые обработки — сборники и отдельные сочинения для разных хоровых составов, а также массовые сцены в русских операх.

Развитие жанра, главным образом, концертных сочинений, предопределили несколько факторов. Длительный исторический период обработки делались по записям, где народные песни были уже отредактированы. Формы фиксации фольклора были несовершенны. Песни переосмыслились в процессе слуховых записей, нотаций с голосов профессиональных музыкантов и т.д. Сказывалось воздействие городской песенности, ладогармонический и ритмический стиль которой во многом вырос из профессиональной музыки XVIII—XIX вв., а с этим унаследовал и обязательное инструментальное сопровождение. Народная музыка выходила за рамки композиторской техники, опиравшейся на логику западноевропейского мышления. Фольклор и здесь подгонялся под привычные представления. Но едва ли не роковую роль сыграли убеждения музыкантов в отсутствии самобытности русского фольклора. Даже прогрессивные музыканты в конце XIX века считали русское многоголосие «случайным столкновением двух, трех и более фальшивых нот, случайно мелькающих в хоровом пении наших крестьян и на мгновение прерывающих однообразие унисона»¹. Устойчивости стиля обработок способствовало и то, что классицистское в своей основе профессиональное музыкальное образование фольклором не занималось. Как заметил известный собиратель казачьих песен А.М. Листопадов, «консерватория в те времена ничего не могла дать в смысле постижения законов народной полифонии»².

Важнейший фактор, повлиявший на звуковую и поэтический строй песенных обработок, — это исполнительская шко-

ла. Академическое хоровое исполнительство складывалось в сфере богослужебного пения, а его стиль ориентировался на нормы классического голосоведения и гармонии. Для академического хора, по своей сути чуждого народному музицированию, создавались и обработки, большинство авторов которых проходили «школу» регентов. Отсюда известная условность претворения фольклора, его схематизация, приравнивание к исполнительским традициям, выработанным в соответствующем репертуаре. Кто участвовал в исполнении и популяризации русских песен, где и по какому поводу они звучали, — все это накладывало отпечаток на их стиль и дух, а в конечном счете формировало представления широкой аудитории о национальном фольклоре.

Не затрагивая всех аспектов этой проблемы, познавком читателя с опытом хорового исполнительства на рубеже XIX—XX вв. Внимание к народному, проявлявшееся тогда в разных формах, было связано с общей тенденцией демократизации искусства. Это способствовало тому, что большинство хоров сознательно культивировали народные традиции. Русские песни были в репертуаре многих коллективов в больших и малых городах России — профессиональных и любительских, малоизвестных и широко концертировавших по стране и за границей (в Европе, Америке, даже Азии и Африке). Обработки русских, славянских и западноевропейских напевов звучали в репертуаре частного хора А.А. Архангельского (1846—1924), организованного в 1880 г. и отличавшегося высокими профессиональными качествами (впоследствии он преобразован в Государственный академический хор). Архангельский сам был автором многих обработок, а по предложению А.Г. Рубинштейна во второй половине 1880-х гг. успешно провел со своим коллективом цикл историко-этнографических концертов (этнографическими в то время называли программы, целиком посвященные народной музыке, независимо от состава исполнителей).

Популяризации народной музыки посвятил свою жизнь другой русский хоровой деятель — Д.А. Агренов-Славянский (1838—1908). Ему принадлежит много записей и обработок песен в традиционной аккордовой манере. Выступления органи-

зованного им в 1867 г. в Праге мужского ансамбля были посвящены песням славянских народов. Благодаря участию хора в общедоступных концертах, его репертуар со временем стал популярным. Русскую песню в обработках стали активно включать в репертуар капеллы А.П. Кара-Георгиевича и П.Н. Гордовского. В конце 1870-х — начале 1880-х гг. в Москве были изданы «Вечера пения Д.А. Славянского» (в пяти выпусках), содержащие, однако, неравноценные в художественном отношении обработки, а также другие сборники: «Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями в трех частях» (по песням И. Федосовой, М., 1877), «Сборник песен, исполняемых в концертах Д.А. Агренова-Славянского, собранных в России и в славянских странах О.Х. Агреновой-Славянской».

Ряд коллективов отличался высоким исполнительским мастерством, например, любительский хор И.И. Юхова (1871—1943) — предшественник Республиканской хоровой капеллы. В его репертуаре были развернутые полифонические композиции, требовавшие высокого мастерства, такие как «Татарский полон» Н.А. Римского-Корсакова, «Как по морю синему» А.В. Никольского. Для любительского хора Бесплатной музыкальной школы, которую с 1874 г. возглавлял Римский-Корсаков, он специально создал полифоническое сочинение «4 вариации и фугетта на тему русской песни „Надосли ночи“» (для женского хора).

Большую роль в распространении народных песен сыграли хоровые общества, созданные в Петербурге (1872) и Москве (1877). Так, хор московского Русского хорового общества ставил своей целью «умножить и хранить поэтическое наследие русского народа» и «способствовать воплощению песни в новых хоровых творениях отечественных авторов», что и было отражено в его Уставе. Наряду с хоровыми обществами появились Петербургская Песенная комиссия Русского Географического Общества (1884) и Музыкально-этнографическая комиссия при Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Московского университета (1901). Комиссии публиковали инструкции, программы для собирания народных песен и других музыкально-этнографических материа-

лов. Их членами были композиторы, собиратели песен М.А. Балакирев, А.К. Лядов, Ф.М. Истомин, С.И. Танеев, А.Д. Кастальский, Е.Э. Линева, М.Е. Пятницкий, А.М. Листопадов, В.В. Пасхалов, А.Т. Гречанинов, С.Я. Ляпунов, В.М. Орлов, Ю.Н. Мельгунов и др. По материалам экспедиций в северную и центральную Россию (Заонежье, Вологодская, Вятская, Новгородская, Калужская, Тамбовская губернии, Поволжье и др.) выпускались фольклористические сборники и многочисленные обработки, в том числе в многотомных изданиях «Труды музыкально-этнографической комиссии».

Характерная особенность многих сборников тех лет — цикличность, расположение песен контрастными жанровыми группами. Начало этому положили «Сборники народных песен» Римского-Корсакова. Порядок их — в движении от «высоких» жанров к «низким» (эпос, духовные стихи, календарные, обрядовые, протяжные, шуточные и плясовые) отражал сложившуюся в профессиональной музыке «иерархию» фольклора, а также следовал

построению многочастных композиций (сюит, сонатно-симфонических циклов). Кроме того, в тональной и звуковысотной соотношенности песен очевидна ориентация на исполнение их друг за другом. Протяженность обработок — от одного до нескольких куплетов, в основном без значительных изменений в фактуре. Тексты предельно сокращены, «подставлены под ноты».

Простота изложения обусловлена тем, что большинство сборников адресовано любительскому и полупрофессиональному хоровому музицированию. Оно охватывало различные социальные слои населения как в центральных, губернских городах, так и в уездах, селах. Многочисленные хоровые переложения И.В. Некрасова (на основе записей Истомина, Дютша и собственных), в частности, «предназначены к употреблению для войск и любителей хорового пения, а также для попечительств о народной трезвости». Такие попечительства были распространены повсеместно. Некоторые из них имели хоровой класс. В Тамбове им руководил известный хоровой

деятель П.М. Богдашев, учащимися были чиновники, мастеровые, любители и профессионалы³.

В 1907 г. русский музыкант-этнограф Н.И. Привалов и музыковед, дирижер С.В. Смоленский организовали в Петербурге «Бесплатные хоровые классы попечительства о народной трезвости». Учащиеся этих классов выступали с концертами, включавшими народные песни, игру на народных инструментах. Многочисленные хоры, в программе которых были патристические, народные песни, существовали при рабочих курсах. В организации рабочих хоров принимали участие А.Д. Кастальский, Е.Э. Линева. С именем последней связана деятельность хора Пречистенских рабочих курсов (1904—1913), руководимого В.А. Булычевым. Среди рабочих хоров, исполнивших сложные композиторские сочинения и обработки, упомянем также коллектив, организованный в 1911 г. в Петербурге В.В. Певцовой⁴. Обработки звучали в хоровых классах Народной консерватории в Москве, Петербурге, Казани, Саратове, при губер-

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ПЬВЕЦЬ.

Дмитрий Славянский

21868

ПОСВЯЩАЮ МОЕМУ МУЖУ

ДМИТРИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

СЛАВЯНСКОМУ

РУССКИЕ ПЬСНИ

ПЬСНИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯНЪ

СОБРАННЫЯ Д.А. СЛАВЯНСКИМЪ ПЕРЕЛОЖЕННЫЯ

ДЛЯ ОДНОГО ГОЛОСА И ХОРА

О.Х. СЛАВЯНСКОЮ

ВЫПУСКЪ I.

СПЕЦИАЛЬНАЯ КОПИЯ

М. 1870

ских отделениях РМО, при городских театрах. В Нижнем Новгороде по случаю торжественных дат и событий проводились концерты, организованные А.Д. Улыбышевым, в которых участвовал хор городского театра⁵. Нельзя не упомянуть и хоры, создававшиеся при Обществах пособия нуждающимся гимназистам и даже при казенных винных складах. Хором Тамбовского казенного винного склада также руководил Богдашев. Для этих коллективов предназначались специальные издания. Таковы сборники, регулярно выходившие по инициативе музыканта-просветителя А.Д. Городцова (1857—1918). Он публиковал «облегченные» хоровые произведения Даргомыжского, Мусоргского, Кастальского и др., а также обработки — «Народно-певческие хоры» (вып. 1—5). Адреса изданий, несомненно, сказывались на стиле и степени сложности обработок, которые в свою очередь, создавали некий стереотип приглаженной и отмеченной чертами условности народной песни. Даже в сборниках, создававшихся по итогам этнографических экспедиций, нивелировались локальные особенности певческих традиций. Сочинения опирались на академическое 4-голосие, которое сглаживало естественный облик песен, их региональные особенности.

Академическому стилю обработок способствовала также певческая «специализация» коллективов. Сохранились сведения о концертных выступлениях соборных хоров. Вот некоторые из них. В «Хронике музыкальной жизни тамбовского края» есть упоминание об известном по всей округе хоре из села Ново-Гаритова Козловского уезда, который наряду с пением в церкви выезжал в соседние села с концертами, программы которых включали народные песни⁶. В самом Козлове на одном из литературно-вокальных вечеров по случаю празднования десятилетия воскресной школы исполнение народных песен хорами певчих «переменялось чтением стихов и басен»⁷. Как и регенты этих хоров, авторы песенных обработок также были связаны с традициями духовной музыки. Опыт гармонизации церковных песнопений переносился в сферу народных песен. Как известно, в Синодальном училище преподавали П.Г. Чесноков, В.С. Калинин, А.Д. Кастальский. В.М. Орлов, выпускник этого училища и Московской консерватории, с 1893 г. руководил хором Казанского собора в Петербурге⁸. Постепенно возникало обратное влияние. Таков, к примеру, опыт Кастальского, для которого взаимодействие этих сфер было

особенно существенным. Его народные обработки испытывали влияние традиций знаменного пения, а обработки знаменных напевов, в свою очередь, насыщались принципами гетерофонии. Именно по инициативе Кастальского в Синодальном училище было введено изучение народной музыки.

Отметим и другие случаи певческой «специализации». Обработки широко готовили в репертуаре полковых хоров. Именно для таких коллективов писал П. Воротников. До работы в Придворной певческой капелле он руководил хорами воинских частей, исполнительский опыт которых, как известно, опирался преимущественно на строевую, маршевую музыку.

Содержание концертов, составленных по хоровым и сольным сборникам тех лет, было в поле зрения музыкантов, фольклористов. Так, Ю. Мельгунов, выступая за «этнографическое» следование фольклору, усматривал противоречие между традицией бытования народных песен и условиями их исполнения. В работе «О ритме и гармонии русских песен» он писал: «Никогда крестьянин не решится спеть хороводную песню во время исполнения хоровых, или плясовую среди духовных стихов. В этом всегда видно соблюдение цельности эстетических настроений, на что составители программ наших концертов редко обращают внимание»⁹.

Вместе с тем, фольклористические сборники не получили широкого распространения в концертной практике. Причиной этого стали возросшие трудности в исполнении песен, связанные с особенностями народных распевов, диалектов, даже при том, что особенности эти вплоть до современного нам периода игнорировались и сглаживались, приводились в соответствие с нормами литературного языка. Для последовательного воплощения таких записей требовалась переориентация эстетики академического хорового исполнительства, которое не было готово к этой практике. Были ограничены и возможности освоения музыки устной традиции. Новый же стиль пения, опирающийся на импровизационный тип фактуры, начал формироваться, как известно, лишь во второй половине XX в.

Следствием такого «замыкания» стал разрыв между количеством издаваемого материала и введением его в концертный обиход. Действительно, сведений об обращении к фольклористическим сборникам чрезвычайно мало. Среди немногочисленных примеров — выступление в 1913 г. в

Тамбове хора Богдашева, посвященное 20-летней кончине П.И. Чайковского. Наряду с оперными хорами исполнялись песни из сборников В. Прокунина, которые Чайковский редактировал. Во время выступления хористы были одеты в крестьянские костюмы Тамбовской губ.¹⁰ В основном песни исполнялись в этнографических концертах Музыкально-этнографической комиссии. Концерты эти обычно проходили в здании Исторического музея, Малом зале консерватории и Малом концертном зале Благородного собрания (именно так прежде назывался Октябрьский зал Дома Союзов). Они включали «Славянское» и «Инородческое» отделения; в первом звучали русские, белорусские, украинские, болгарские, польские песни; во втором — грузинская, латышская и др. музыка. Наряду с вокальными и хоровыми опусами Римского-Корсакова, Балакирева, Лядова, Гречанинова и др. исполнялись песни из сборников Лопатина и Прокунина, Пятницкого, Орлова, Мельгунова (и то преимущественно к памятным датам, например, к 10-летию кончины Мельгунова)¹¹. Пели сами собиратели — Пятницкий, Линева. Для хоровых номеров комиссия приглашала различные коллективы: ансамбль любителей под рук. Е. Линевой, ансамбль народной песни под рук. М. Пятницкого (предшественник хора, организован в 1902 г.), хор воспитанников Строгановского училища и Этнографический хор любителей под упр. А. Никольского, хор Вспомогательного Общества Купеческих Прикащиков (правописание сохранено. — В.М.) и женский хор под упр. В. Калининкова, хор студентов-техников под упр. А. Ильинского и т.д. Линевой принадлежала инициатива создания нескольких хоров, в том числе в Англии и США в период ее эмиграции из России в 1890—1896 гг. Во время концертов-лекций в Америке, как указывает Линева, к ней и пришла мысль применить фонограф для собирания народных песен¹².

Выход из создавшегося положения находили лишь те, кто был на «перекрестке» фольклористического и дирижерско-хорового опыта (например, Орлов, Листопадов, Кастальский). Но даже Листопадов, усиленно занимавшийся донским фольклором, приспособливал песни к возможностям академического исполнения. Изменения касались метрики, тональности, фактуры. Хоровую партитуру он «располагал на голоса в соответствии не с реально записанным, а воображаемым хором, которому он предназначал в будущем исполнение песен»¹³.

Долгожданное смыкание теории и практики смело осуществил М.Е. Пятницкий (1864—1927), организовавший в 1910 г. хор из воронежских и рязанских крестьян. Выступлению хора сопутствовал триумфальный успех, однако не обошлось и без организационных и творческих трудностей. За период с 1911 по 1914 год состоялось лишь 10 концертов хора¹⁴. Одной из причин была неподготовленность слушателей к манере бытового крестьянского пения: «благодаря чисто технической сложности, старинная русская песня так мало доступна для интеллигентного уха средней чуткости»¹⁵. Тем не менее деятельность хора была художественным знаменем того времени.

Обратим внимание на одну важную деталь — главенствующую, императивную позицию профессиональных музыкантов по отношению к крестьянской традиции. Отчасти это объяснимо задачами адаптировать деревенских певцов к условиям концертной эстрады. Пятницкий сам компоновал программы, приближая исполнение к обстановке сельского действа: «Вечер за околицей», «Свадебный обряд», «Праздничный день после обедни» (духовные стихи; песни объединялись по жанровому и тематическому принципу). Он же выступал в роли своеобразного «учителя», направляющего певцов: они перенимали песни с голоса друг друга, учили их по слуху. Это не могло не отразиться на облике самих песен, поскольку усвоенный и переработанный таким образом репертуар был «внешним» по отношению к традиционному, из «своих» мест. Тем самым в хоре как бы происходил процесс обработки песен, их приспособление к новым условиям исполнения.

Впоследствии стремление популяризировать фольклор все более и более активизировалось. Это привело к профессионализации возникших коллективов, а с ней и к принципиальной перестройке содержания их деятельности. Соответственно обрел новые черты и жанр обработки, культивировавшийся теперь уже не только в академических, но и народных хорах. Одной из форм перерождения обработок стало в 1930-е гг. создание авторских песен, близких по складу народным.

В целом позиция превосходства профессионального искусства и городской традиции над крестьянской нашла свое выражение в тенденции исправления, нормализации. Не затрагивая всех граней этой сложной проблемы, отметим только, что в ее орбиту попадали многие явления, связанные с бытованием народных песен.

Первые показательные примеры — хоровые капеллы из крепостных крестьян, возникавшие с середины XVIII в. при богатых дворах. Такие полупрофессиональные капеллы и хоры (например из сельских вотчин графов Шереметевых) поставляли кадры певцов в Петербург. Они возвращались затем в свои села и создавали там хоры¹⁶. И хотя певцы владели местным фольклором, но это свое умение не реализовывали. Оно целенаправленно исключалось. Крестьянам, призванным обслуживать знатных вельмож, прививалась другая культура. Об этом можно судить хотя бы по тому, что из одной такой капеллы (шереметевской, в слободе Борисовке бывшей Курской губ., ныне Белгородская область) вышел хоровой дирижер и композитор Гаврила Якимович Ломакин (1812—1885). Однако народное творчество в его профессиональной деятельности своего отражения не нашло.

Другой пример — капелла Ю.Н. Голицына (1823—1872), известного дирижера, посвятившего себя пропаганде народных песен и сочинений русских композиторов. Он привозил из своего тамбовского имения Салтыковки и окрестных сел талантливых крестьян, детей. У себя в доме они, безусловно, слышали, хорошо знали и пели народные песни, поскольку Тамбовский край, также как и Белгородчина, сохранил богатую песенную культуру. Певцов учили грамоте, а песни разучивали, слушая оркестр, исполнявший их в соседнем имении Знаменское, которым владел дед С.В. Рахманинова А.А. Рахманинов¹⁷. Таким образом, происходило переучивание, переориентация на другую культурную традицию.

Кульминацией движения по просвещению масс была деятельность революционеров-народников, которые с 1860-х—1870-х годов организовывали в губерниях больницы, библиотеки, Общества народных чтений. При этих Обществах создавались также хоры, исполнявшие духовные, народные и патриотические песни. Возникали хоры под управлением сельских учителей, заботившихся о просвещении масс. Вместе с тем, крестьянству приписывались «темнота», консерватизм; ставилась задача привнесения в их среду ценностей высокой культуры. При этом из поля зрения уходило то, чему можно учиться! Желание приобщить народ к искусству оставляло в тени само народное искусство, что наиболее ярко и сказалось в исполнительской практике. В тот период среди музыкантов звучали призывы: «Идите в народ! Научите его понимать

наше святое искусство»¹⁸. Не были в строю и фольклористы, композиторы — авторы многочисленных песенных обработок. В потоке лекций, докладов, статей этот жанр рассматривался как «возвращение песен тому же народу в сложной художественной форме и понятном изложении»¹⁹. В то же время передовые музыканты осознали непоследовательность подобной позиции. Не случайно, Е.Э. Линева отмечала: «Народ любит свою песню... — мы снисходим к ней»²⁰.

Примечания

¹ Ларош Г. Музыкально-критические статьи. СПб., 1884. С. 164.

² Листопадов А.М. Автобиографические заметки // Советская музыка. 1948. № 7. С. 52.

³ Емельянова Н. Музыкальные вечера. Хроника музыкальной жизни Тамбовского края за 100 лет. Воронеж, 1977. С. 68.

⁴ Ильин В. Очерки истории русской хоровой культуры. М., 1985. С. 184.

⁵ Беляков Б.Н., Блинова В.Г., Бордюг Н.Д. Оперная и концертная деятельность в Нижнем Новгороде — городе Горьком. 1798—1980. Горький, 1980. С. 189.

⁶ Емельянова Н. Музыкальные вечера. С. 76.

⁷ Там же. С. 74.

⁸ Он же автор книги «Искусство церковного пения» (СПб., 1894).

⁹ Труды музыкально-этнографической комиссии. М., 1906. Т. I. С. 383.

¹⁰ Емельянова Н. Музыкальные вечера. С. 60.

¹¹ См.: Протоколы заседаний музыкально-этнографической комиссии за 1893—1910 гг. // Труды музыкально-этнографической комиссии. М., 1906—1911. Т. I—II.

¹² Линева Е.Э. Великорусские песни в народной гармонизации. СПб., 1904. Вып. I. С. XIV.

¹³ Ситникова И. Работа А.Н. Листопадова над донским фольклором // Из истории русской и советской музыки. М., 1976. Вып. 2. С. 22.

¹⁴ Предшественником этого коллектива был хор И.Е. Молчанова (1809—1881). Впоследствии в 1920-е годы по образцу хора Пятницкого образовался хор П.Г. Яркова (1875—1945), собиравшего народные песни с 1890 года.

¹⁵ См.: Концерты М.Е. Пятницкого с крестьянами. 20 песен. Предисловие Вяч. Пасхалова. Изд. Роберта Кенце, 1914.

¹⁶ Горяинов Ю. Г.Я. Ломакин. Дирижер. Композитор. Учитель. М., 1984. С. 9.

¹⁷ Ильин В. «...И голубые небеса». М., 1981. С. 29.

¹⁸ Емельянова Н. Музыкальные вечера. С. 64, 71, 80—82. В современных публикациях подобным высказываниям, к сожалению, не всегда дается правильная всесторонняя оценка. Тем самым подтверждается живучесть определенных исторических взглядов.

¹⁹ Маслов А.А. О влиянии народной музыки на творчество русских композиторов // Труды музыкально-этнографической комиссии. М., 1911. Т. II. С. 30.

²⁰ Линева Е.Э. Великорусские песни в народной гармонизации. СПб., 1909. Вып. II. С. XXIV.

Экспедиции в Среднем Поволжье

Экспедиции летом 1999 г. стали продолжением работы, которая в течение последних 25 лет ежегодно проводится фольклористами кафедры литературы Ульяновского государственного педагогического университета. В этом году участие в работе приняли сотрудники академических центров г. Москвы — И.С. Кызласова (ИЭА РАН), И.А. Морозов и Л.В. Фадеева (ГРЦРФ).

Работа проводилась группами (от 5 до 12 человек). Стационарный принцип исследования (работа в одном населенном пункте — с. Тагай) сочетался с обследованием нескольких населенных пунктов в течение одной экспедиционной поездки. Экспериментальные исследования проводились в нескольких направлениях: в с. Соловчиха Радищевского р-на Ульяновской обл. произведены повторные записи песенного репертуара. Выяснилось, что исполнители, от которых этот репертуар был записан около 20 лет назад, уже не поют — болезни и возраст берут свое. Тем не менее, поражает сохранность песенной традиции в этом селе. Женщины конца 30-х — начала 40-х годов рождения, во время первой фольклорной экспедиции в Соловчихе не исполнявшие традиционной крестьянской лирики (их излюбленным репертуаром в то время были частушки и жестокие романсы), сейчас великолепно поют все те песни, которые записывались в конце 70-х — начале 80-х гг. В Соловчихе зафиксирована живая, развивающаяся традиция свадебной обрядности, сохранившая как архаические черты, так и обнаруживающая современные тенденции ее бытования. Свадьба в Соловчихе как наиболее сохранившаяся обрядовая традиция оказывается своеобразным «консервантом» крестьянской песенной лирики.

Несомненную ценность представляют собой стенограммы бесед с профессиональным дружкой с. Соловчиха В.Н. Яшиным, на счету которого проведение почти 70 свадеб.

Результаты полевой работы в Радищевском р-не представляют собой материал, позволяющий произвести дальнейший сравнительный анализ состояния фольклорной традиции на территории малого ареала.

Иначе строилась работа на территории Барзано-Сызганского р-на. Здесь во многих населенных пунктах (в том числе и в районном центре) производились первичные записи. Основной акцент делался на фиксации рассказов о календарных обрядах, традиционных детских и молодежных играх, приметах и окказиональных обрядах. Участники проекта стремились к тому, чтобы выявить в полном объеме знания о традиционной культуре каждого отдельного информанта. Учитывался личный опыт собеседника, его

участие (или наоборот — неучастие) в обрядах, играх и т.п. Наиболее ценными в таких случаях оказывались записи многочасовых бесед с людьми, обладающими глубинной эмоциональной памятью, — постоянными участниками молодежных посиделок, святочных увеселений, свадебного ряжения. Среди таких исполнителей, от которых был записан самый разнообразный материал, назовем М.С. Макарову из с. Русская Хому-терь и П.А. Миллионову из с. Ясачный Сызган.

Однако в каждом селе (Должниково, Красная Сосна, Лапшаур и др.) участники экспедиции производили сплошной опрос, фиксируя не только подобные рассказы, но и все односложные (в том числе и отрицательные) ответы информантов на вопросы собирателей.

Благодаря методике собирательской работы, разработанной И.С. Кызласовой и И.А. Морозовым, на территории района записано множество рассказов и свидетельств о традиционных крестьянских детских и молодежных играх.

В с. Должниково проведен эксперимент реконструкции детских игр, бытовавших здесь в начале XX в. После записи одной из таких игр И.А. Морозов предложил группе современных школьников под руководством нашего информанта (одного из старейших жителей села) поиграть в «Клёк». Эта игра доставила большое удовольствие всем ее участникам и зрителям. Произведена видеозапись этого интересного эксперимента.

На территории Сурского р-на Л.В. Фадеевой были собраны материалы по календарю, свадебному и похоронному обрядам, записано большое количество произведений нескладочной прозы, заговоров, но особое внимание было уделено местнотимым святыням, определению их статуса и ареала почитания (Никольская гора и святые колодцы — огромный ареал, включающий в себя не только Ульяновскую обл., но и близлежащие районы Мордовии и Чувашии; ключи и источники в деревнях). Здесь же Н.Ю. Трушкиной записано множество поверий, быличек, бывальщин и рассказов о традициях народной медицины.

Экспедиционная группа, работавшая в Барышском р-не Ульяновской обл., продолжила многолетнее изучение традиционной и современной свадебной обрядности в моно- (русские) и полиэтнических (русско-мордовских и русско-чувашских) селах. Именно поэтому в качестве базового села было выбрано с. Малая Хому-терь, в котором уже более ста лет проживают русские и чувашские, а уточнение некоторых элементов чувашской свадебной обрядности производилось в чисто чувашских по населению селах (Чуваши-

кая Решетка, Алинкино). В итоге получены очень интересные сведения о формах и направлениях взаимодействия традиционной культуры разных народов.

Изучение культурного ландшафта, проведенное в с. Тагай Майнского р-на, дало возможность увидеть, что в процессе исторической жизни отдельного населенного пункта закрепляется в народной памяти и как это происходит. В этих целях был установлен круг топонимов и микротопонимов (названия полей, дорог, лесов, родников, улиц и концов села, отдельных жилых и нежилых зданий и др.), произведен сплошной опрос жителей села всех возрастных групп (школьники, молодежь, люди зрелого возраста и пенсионеры) и всех социальных групп (сельская интеллигенция, служащие, рабочие, колхозники).

В результате работы получены аудио- и видеозаписи (записано 140 аудиокассет — общим звучанием 210 часов и две видеокассеты с видеоматериалом на 6 часов); стенограммы аудио- и видеозаписей: календарные обычаи и обряды, в т.ч. описания святок, масленицы, Пасхи, Троицы, Вознесения, Иванова дня, Ильина дня и др.; семейные обряды, в т.ч. родины и крестины, свадьба, похороны и поминки, проводы рекрутов; обрядовая, праздничная и будничная пища и застолье; сельскохозяйственная магия и приметы; престольные праздники; пляски и танцы; детские (подвижные) игры; молодежные собрания в помещении («кельи») и на улице («улица», «каравод»); молодежные игры; силовое противостояние (состязания в силе, организация кулачных боев и драк); народная медицина (в основном способы лечения детей). Значительную часть собранного материала составили записи фольклора: свадебных и лирических песен, календарного фольклора, сказок, материнского и детского фольклора, духовных стихов, рекрутских причитаний, частушек и песен, быличек, рассказы о снах и видениях, анекдоты и сказки для взрослых; этнографические экспонаты, письменные материалы и документы; фотоматериалы, отражающие особенности духовной культуры русских центра, севера и юга Ульяновской обл., что существенно пополнило фольклорно-этнографические коллекции УлГПУ, Института этнологии и антропологии РАН, Государственного республиканского центра русского фольклора.

Часть собранных материалов опубликована в сборнике «Проблемы полевой фольклористики. Вып. 4. Духовная культура русских Среднего Поволжья: Материалы полевых исследований» (Ульяновск, 1999).

М.П. ЧЕРЕДНИКОВА,
доктор филол. наук;
М.Г. МАТЛИН, канд. филол. наук
(Ульяновский гос. пед. университет)

Змея в бутылке

Мы хотим предложить вниманию читателей «Живой старины» серию публикаций крестьянских рассказов, отражающих мифологическое осмысление образа змеи, использование ее в народной медицине и магической практике. В системе традиционных представлений о животном мире змея является одним из центральных и ключевых персонажей. А.В. Гура отмечает, что важнейшая особенность, «пронизывающая весь комплекс представлений о змее — это амбивалентность ее характеристик»¹. Змея может сочетать в себе как вредоносные, так и лечебные свойства, ее используют для насыщения порчи и, наоборот, как оберег, встреча с ней на дороге приносит беду, но может считаться и добрым предзнаменованием. Еще в 1912 г. эту черту народного отношения к змеям отметил В.Ф. Демич. «Змея, — пишет он, — представляется народу своеобразным, непродолжительным злом, иногда переходящим в добро»².

В народной медицине значительное место отводится различным видам лечения с помощью змей, при этом употребляются самые различные их части: кожа, голова, хвост, сердце, кровь, жир, яд, желчь. В народной магии распространено использование змеиного выполозка (сброшенной при линьке кожи), чаще всего — в качестве апотропейного средства. Особая роль отводится змее в крестьянской демонологии: известны представления о летающих змеях, приносящих хозяину деньги, о змеях-помощниках колдунов, об обращении в змей ведьм и проч. Змея также считается одним из возможных воплощений домашнего покровителя, с чем связан известный запрет убивать змей во дворе.

Опубликованных материалов, отражающих русские народные представления о змеях, на нынешний момент немного. Большая их часть напечатана в дореволюционной периодике³. Некоторые исследования посвящены представлению о том, что змея может проникнуть внутрь человека, и носят специальный медицинский характер (связанный с этим поверьем психоз обозначен как «одержимость гадами») ⁴. Современные же полевые записи нашли отражение в двух обобщающих работах А.В. Гуры⁵ и публикации М.Н. Власовой⁶.

Серия публикаций в «Живой старине» имеет своей целью ввести в научный оборот новые материалы, фиксирующие современные представления о змеях крестьян Тверской, Новгородской, Ленинградской областей, собранные экспедицией Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета во второй половине 1990-х гг.

Настоящая публикация посвящена одному из наиболее распространенных народных способов использования змеи в лечебных целях. Поймав гада, его сажают в бутылку и тем или иным способом растворяют (растапливают). Полученный таким образом препарат называется «змеиным спиртом», «змеиным маслом» или «змеиной мазью»⁷ и считается спасительным от многих серьезных заболеваний: от радикулита, ревматизма, рака и вообще от «любой боли». По сведениям В.Ф. Демича, «в г. Ейске подвешивают ужей без жел-

тизы у хвоста на солнце и растопившийся жир дают пить от запоя»⁸.

Не менее интересным, чем список вариантов применения змеиной мази, представляется вопрос о способе ее получения, т.е. растворения змеи. Существующий в народной среде разноречивый на этот счет, вплоть до указания на особое медицинское средство для растворения змей на лекарство, лишь подтверждает и без того серьезные сомнения в результативности каждого из рецептов, наиболее достоверным из которых представляется самый редкий — томить в закрытом сосуде в русской печке. Вероятно, здесь сказывается особая мифологическая маркированность змеи, общее базовое представление о ее инакости. Способность гадов изменять консистенцию встает в один ряд с другими («фантастическими» и действительными) особыми свойствами змеиного тела — сползаться и срастаться, будучи разрубленным на части; сужаться и расширяться, удлиняться и укорачиваться; пролезать в бутылочное горлышко меньшего, чем ширина головы, диаметра; уползть после изъятия из организма желчи т.п., — которые в совокупности формируют в народном представлении физиологический образ змеи.

Чрезвычайно существенным и неслучайным представляется предписание использовать для приготовления лекарства только живую змею, в одном из рассказов даже осященное авторитетом медицины (ср. традиционный для современных меморатов образ врача как своего рода «знающего»). Народная медицина использует то, что, собственно, и является основной ценностью: уникальную змеиную «жизненность», ее «жизненное вещество». В цитируемой Демичем рецептурной книге XVII в. говорится: «змию живую добыть, вынуть из нея желчь... а буде змия живая без желчи с того места сползла, тою желчью мазать...»⁹ — т.е. действенным полученное из

змеи лекарство признается лишь в том случае, если сама змея-донор докажет свою сверхъестественную живучесть.

Вышеуказанное требование имеет и другое прочтение: само по себе умерщвление змеи — весьма значимый акт, часто запретный. Обратим внимание и на устойчивую последовательность действий: змею в бутылке заливают спиртом, а не бросают в бутылку со спиртом. Вообще создается впечатление, что во всем этом производственном ритуале, по сути трехчленном, — 1) загнать змею в бутылку, 2) растворить ее, 3) получить полезное целебное средство — первая часть оказывается едва ли не значимее остальных. По крайней мере, в рассказах именно этот момент является строго обязательным и часто описывается в подробностях. Характерно, что даже в русскую печку змею, по мнению рассказчика, ставят именно в бутылке, что маловероятно. А в первом из приведенных текстов вообще не упоминается о практических целях спиртования змеи: создается впечатление, что для героя рассказа посадить змею в бутылку было таким же естественным действием, как «пришибить» встреченного гада, а желание осуществить это было так велико, что он пренебрег даже общеизвестным запретом убивать в своем дворе гада, который может оказаться дворовым. По-видимому, идея поместить змею в сосуд, из которого ей обратно не выползти, имеет вполне самостоятельное значение (ср. известный мотив закрывания нечистого в сосуде), не связанное непосредственно с прагматикой дальнейших действий.

Записано в д. Хотилицы Андреапольского р-на Тверской обл. от А.А. Смирнова. 1913 г.р.:

Я тут на улице был, и дочка там была, в коридоре. Она кричит: «Бяжи скорей сюда!» Я пришёл: «А что?» Змей, во такой, пришёл в

М.Л. Лурье и Антонида Васильевна Кочнева (1915 г.р.). 1998 г., Тверская обл., Весьегонский р-н, д. Фёдорково

дом, ну он около дома там выполз, потом смотрели, смотрели, вот зять всё наблюдал за ним. И полез туда <...> за ним. И он его там пришиб чем-нибудь, потом взяли бутылку, в бутылку загнули, вот у меня сейчас стоит в бутылке <...> А он как — взяли, налили спиртом и в спирт туда его первого, потом залили, когда загнан, он еще живой был туда загнан, в бутылку. У его головка маленькая.

Записано в д. Хотилицы Андреапольского р-на Тверской обл. от Ю.Е. Егорова, 1927 г.р.:

Есть там тоже змеиное место. Мы там чего... лопатам раньше копали, после немцев: коней-то не было ни у кого. Мы поймали там змею. Вот такая примерно. Одна девка, одна девка смелая, щас с орешины щамялку такую делала, яё в щамялку и защамила. И нясем в деревню мы её. Бабка на краю жила. «Тётка Наташка! <...> Тётка Наташка, во, змяю поймали!» — «Во, ребята, давайте мне её сюды!» — «А зачем она тебе?» — мы ж молодые, не знаем ничего. «Давай, давай сюды, давай сюда. Это, вот я щас вам покажу...» Да, она щас пол-литру. Ня влезет же она [змея] в пол-литру: она ведь толстенная вроде. Только голова пролезла, и она вытянулась — в пол-литру сама залезла, змея. Вот она, значить... змея залезла в пол-литру, и она в эту пол-литру самого крепкого самогонки — крепкой, ну как первая идёт. Эх, как она тамотка! Ей там лихо в самогонке, змея. Как яе тут пошло всяким кругам крутить!.. В три часа идём на работу, бабка выходить и показывать нам: «Вот тут вы видели, тут змея залежала?» — «А где она сейчас?» — «Нету!» Одна шкурка токо, она уже там своим ядом уже разошлась в этой самогонке. И этой самогонкой потом — называется «змеиное масло» — где болить, потёр — легчить, вот.

Записано в д. Круглая Старорусского р-на Новгородской обл. от Е.Ф. Александровой, 1923 г.р.:

Е.Ф. Александрова: Он [змея] растает весь.

Собиратель: В спирте растает змея?

Е.Ф. Александрова: Да, он сам как спиртовой. Он растает, ето, — наверно, жирный он, или что. Весь растает. Ничего от его... косточки, наверно, останутся одни.

Собиратель: Это будет целебно, да?

Е.Ф. Александрова: Да, и это вот делают, специальное есть лекарство-то, змеиный яд-то этот.

Записано в с. Жукопа Андреапольского р-на Тверской обл. от В.И. Арсентьевой, 1930 г.р., А.И. Борисенковой, 1926 г.р., и В.Н. Горбачевой, 1932 г.р.:

В.И. Арсентьева: Водки нальешь, ну что, она и разойдется.

Собиратель: Вся разойдется?

В.И. Арсентьева: Да.

А.И. Борисенкова: На солнце ставить.

В.И. Арсентьева: Не-е. Надо спирт, а на солнце она протухнет только, не.

Собиратель: На солнце в спирте, да?

В.И. Арсентьева: Да. Да не, не надо в спирте на солнце ставить, налить, только и всяго. Всё чтобы она скрылась вся в водке.

Собиратель: Тогда она разойдется?

В.И. Арсентьева: Да. И этим растираться — любую больку, помажь любую, что какая-то больчака, помажь — это сразу заживет. Даже пьют люди.

А.И. Борисенкова: Да, лечутся даже.

В.И. Арсентьева: Быдто от рака, вот рак — если унутри там у этом, у желудке, — рак вылечивает.

Собиратель: А что вы говорили — на солнце, расскажите.

А.И. Борисенкова: В бутылку вешать, так повесишь... В бутылку, я нынче, вон у Шатрихи у Нюрки видела, у Юрки.

В.И. Арсентьева: Надо спиртом заливать.

В.Н. Горбачева: В бутылку загоню змею.

В.И. Арсентьева: Так у яво в пустой бутылке, она висит, у яво.

В.Н. Горбачева: Да.

В.И. Арсентьева: Ну, а на нынешнем солнце она не растопится.

А.И. Борисенкова: Ну, это когда солнце бывает, и на солнце она растапливается.

В.И. Арсентьева: И не вся.

В.Н. Горбачева: А потом, у яво ноги плохие — вот у Юрки, ноги растирает. Ноги растирает там.

В.И. Арсентьева: Не-не-не, она не расходится.

В.Н. Горбачева: Ну, говорят, расходится...

В.И. Арсентьева: Не-а, не расходится. Она протухнет и всё.

А.И. Борисенкова: Да, я думаю тоже, она не расходится...

В.И. Арсентьева: Вот такая вонючая станет... В спирту она разойдётся, конечно.

А.И. Борисенкова: А в спирту — да, она сразу умирает. Даже живую загнавши: как спиртом залёшь всю яе, она сразу расходится.

В.И. Арсентьева: Даже хоть и водкой.

Записано в с. Жукопа Андреапольского р-на Тверской обл. от А.С. Родионова, 1926 г.р., и А.П. Родионова, 1929 г.р.:

А.С. Родионов: Ну, у нас тут ребята прям брали. Руками. Берут вот яе за это место, сначала загонят куда-нибудь, чтоб она... А потом вот за это место берут, тряхнут около головы — у ей с этих — зубы, это, ядовитый газ.

А.П. Родионов: Выкидывается всё.

А.С. Родионов: Он рукой её туда...

А.П. Родионов: В бутылку, да.

Собиратель: И посадит, и что дальше?

А.С. Родионов: Ну, а потом н закроют ее.

А.П. Родионов: Да вешают.

А.С. Родионов: На солнышко.

А.П. Родионов: На солнышко, чтоб оно таяло.

А.С. Родионов: Или в тепле дома и растает.

Записано в д. Струги Бокситогорского р-на Ленинградской обл. от В.П. Петрова, 1930 г.р.:

В.П. Петров: Приготавлиют [лекарство], да... Ну, ее как-то в бутылку заманивают, потом растапливают в русской печке и там... Ну, я не знаю приготовления этого...

Собиратель: А куда ее там в русской печке ставят?

В.П. Петров: Дак в бутылке, чтоб она растопилась там.

Собиратель: И что, она расходится совсем там?

В.П. Петров: Да, вроде бы, что разойдется.

Собиратель: И от чего это помогает?

В.П. Петров: От ревматизма, от радикулита.

Записано в с. Жукопа Андреапольского р-на Тверской обл. от А.С. Родионова, 1926 г.р.:

А.С. Родионов: Это я вот отсюда километров шестьдесят, наверно, в больнице лежал. Одна бабка лежала. Доктор и говорит: «Знаешь, бабуля, доставай змею: токо будешь лечиться». Ну, он ей не сказал, живую или мёртвую. А там конюх молодой был, она: «Сынок, так и так». — «Всё будет». Подает ему двадцатьпятку — теми деньгами ещё, когда двенадцать копеек булка хлеба стоила, — а он ей привёз, принёс убитую. Доктор посмотрел: «Нельзя, надо токо живую». Ну, а живую он может быть что-нибудь канет на яё — она расплавится. Есть же такое приспособление.

Собиратель: Чтоб змея расплавилась?

А.С. Родионов: Да-да-да-да-да.

Собиратель: Специальное приспособление?

А.С. Родионов: Есь-есь-есь. Ну, вот, значит, там доктор будет приписывать: как, поскольку давать, как... Ну, что-нибудь добавляют туда. Вот, змей-то потом запретили бить: нельзя.

Примечания

¹ Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 358.

² Демич В.Ф. О змее в русской народной медицине // Живая старина. 1913. Вып. 1. С. 39.

³ См., например, кроме уже указанных работ: В-й Д. Мнения простолудин о змеях // Новейший магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических. 1827. Ч. 1. № 3. С. 202—206; Харитонов А. Врачевания, забавы и поверья крестьян Архангельской губернии, уездов Шенкурского и Архангельского // Отечественные записки. 1848. Т. 58. № 5. С. 1—24; Заварицкий Г.К. Из легенд и поверий Саратовского Поволжья о змеях // Этнографическое обозрение. 1915. Т. 57—58. № 3—4. С. 77—87.

⁴ Бехтерева В.М. Одержимость гадами // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1900. № 5. С. 491—497; Осипов В.П. Одержимость гадами и ее место в классификации психозов. СПб., 1905.

⁵ Гура А.В. Гады // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 491—493; его же. Символика животных в славянской народной традиции. С. 277—358.

⁶ Власова М.Н. Былинки Новгородской области о змеях и закликухах // Экспедиционные открытия последних лет: Народная музыка, словесность, обряды в записях 1970-х — 1990-х годов: Статьи и материалы / Сост. М.А. Лобанов. СПб., 1997. С. 145—150.

⁷ Ср. аналогичный способ получения так называемого «муравьиного спирта».

⁸ Демич В.Ф. О змее в русской народной медицине. С. 58.

⁹ Там же.

М.П. ПУРЬЕ, канд. искусствоведения;
А.В. ФИЛИППОВА, ученица 11 класса
(Академическая гимназия СПбГУ)

К юбилею М.П. ЧЕРЕДНИКОВОЙ

Фольклорные экспедиции Ульяновского государственного педагогического университета проходят по дорогам Среднего Поволжья уже более четверти века. Сообран уникальный архив, содержащий десятки тысяч текстов различных жанров традиционного и современного фольклора, сотни кассет с аудиозаписью, фотоматериалы и этнографическая коллекция. А все это началось с приходом на кафедру литературы Майны Павловны Чередниковой.

Майна Павловна, окончив филологический факультет Ленинградского государственного университета, работала учителем в сельской школе, корреспондентом в газете, редактором на областном телевидении. Но В.Я. Пропп настоятельно рекомендовал своей бывшей дипломнице продолжить образование. И она становится аспиранткой Пушкинского Дома. В это время определяются и первые научные интересы Майны Павловны — «Лесков и фольклор». Монографическое изучение повести «Очарованный странник» — ее сюжетных мотивировок и языка, фольклорных мотивов и стилизации, древнерусских и фольклорных источников — завершилось диссертацией «Поэтика повести Н.С. Лескова «Очарованный странник» и устное народное творчество», успешно защищенной в 1974 г.

Но этим внимание исследователя к проблеме «литература и фольклор» не исчерпывается. Позднее появятся статьи о творчестве А. Пушкина, В. Астафьева, А. Ремизова.

Лишь две небольшие работы М.П. Чередниковой посвящены методологическим аспектам изучения меморатов Великой Отечественной войны и поэтике этого жанра. Зато целый комплекс частных проблем устной «военной» прозы проанализирован в дипломных сочинениях, выполненных под ее руководством.

Вообще научно-исследовательская деятельность вузовского преподавателя всегда уступает первенство педагогической. Зато многие из своих замыслов педагог нередко дарит своим ученикам. Дипломы, «написанные у МП», всегда отличались высоким уровнем исполнения, а многие выпускники после защиты были рекомендованы в аспирантуру. За этими результатами скрывается колоссальное количество времени, проведенного в постоянных консультациях и разборах творческих «опусов» молодых исследователей, в работе постоянного фольклористического семинара. Теперь ко всему этому добавилась еще и собственная аспирантура.

Совмещение педагогической деятельности по подготовке учителей-словесников с научными исследованиями не могло не сказаться на научно-методических работах М.П. Чередниковой: разработаны методические указания по учебной фольклорной практике для студентов-филологов, созданы экспериментальные программы по литературе для 5-х—8-х классов школ-гимназий и программа курса мировой художественной культуры для 1-х—3-х классов «Вслед за именем», а к ней и книга для учителей и родителей «Ты и твоё имя».

Закономерен и следующий этап в жизни ученого и педагога: Майна

Павловна надолго «поселяется» в Стране детства. Продолжая исследовательскую традицию Г.С. Виноградова, она погружается в изучение детской субкультуры и детского фольклора. Исследуя «парадоксальную логику детского фольклора», М.П. Чередникова заключает, например, что «для детского фольклора как синкретичной духовной культуры сообщества (группы, коллектива) характерны две разнонаправленные тенденции: традиционность, обусловленная универсальностью психологических констант детского возраста и необычайная динамика как следствие особой восприимчивости детей к социально-историческим, культурным переменам. Изменяемый, подвижный вербальный текст сопровождается устойчивыми, повторяющимися ситуациями». Отсюда вывод о том, что категория жанра применительно к детскому фольклору мало продуктивна. «В детском фольклоре система вербальных форм диффузна по своей природе. Полифункциональность — свойство многих текстов. Определить их жанровую принадлежность бывает невозможно без точной фиксации ситуации, в которой текст оказывается произнесен. Таким образом, общее определение предполагает объединение текстов по их функциональному, а не по структурному признаку»¹.

Этот «уход в детство» заканчивается целым рядом статей и монографией «Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии», с блеском защищенной в качестве докторской диссертации в том же Пушкинском Доме. Монография посвящена одному из широко распространенных явлений современной детской субкультуры, известному под названием «страшных историй» или «страшных рассказов», бытующих в школьной среде. Анализ этого явления в контексте детской психологии позволяет обнаружить его истоки в мифологическом мышлении дошкольников. За несмудрым «инвентарем» детской устной прозы скрываются психологические константы, эмоциональные переживания, создающие в воображении ребенка пластические образы, обладающие особой «психической энергией». Психологические стереотипы в свою очередь находят благодатную почву в архетипах традиционной культуры, обращенной к ребенку. На основе мифологической парадигматики раннего детства и возникает детский миф как «страшный рассказ». Мифология оказывается для ребенка своеобразным средством психической саморегуляции и развития воли. В недрах детской мифологии рождаются эстетические формы словесного творчества, способствующие развитию воображения.

Майна Павловна «взрослеет» вместе с объектом своего исследования. Написаны работы о юношеском фольклоре и фольклоре «автостопа». Профессор М.П. Чередникова полна творческих планов, поэтому в юбилейный для нее год все ученики и коллеги желают ей их успешного воплощения и, конечно, крепкого здоровья.

Избранная библиография

- О сюжетных мотивировках в повести Н.С. Лескова «Очарованный странник» // Русская литература. 1971. № 3.
- Об источниках легенды Н.С. Лескова «Скоморох Памфалон» // Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13.
- Об одном фольклорном мотиве в повести Н.С. Лескова «Очарованный странник» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 32: Текстология и поэтика древнерусской литературы. Л., 1977.
- Система эпиграфов в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина как выражение авторской точки зрения // Стилизовое выражение авторской позиции в произведениях русской литературы XX века. Ульяновск, 1988.
- Типология повествовательной структуры в меморатах о Великой Отечественной войне // Сказка и несказочная проза. М., 1992.
- Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. Ульяновск, 1994.
- О некоторых традиционных формулах детских считалок // Традиционная культура и мир детства: Материалы международной научной конференции «XI Виноградовские чтения». Ч. 2. Ульяновск, 1998.
- Смысл и «бессмыслица» считалок (К проблеме поэтики) // Русский фольклор. Т. 29. Л., 1998.

Примечания

- ¹ Чередникова М.П. Парадоксальная логика детского фольклора и проблема внутреннего диалога // Традиционная культура и мир детства: Материалы международной научной конференции «XI Виноградовские чтения». Ч. 1: Тезисы. Ульяновск, 1998. С. 62—63.

В.Ф. ШЕВЧЕНКО
(Ульяновск)

Редколлегия и редакция «Живой старины» присоединяются к этим поздравлениям и пожеланиям. От всей души мы благодарим Майну Павловну за дружеское сотрудничество с нашим журналом.

К 100-летию ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА АБАЕВА

Принято считать, что завершающийся с исходом 2000 года XX век был преимущественно веком точных наук, которые принесли человечеству небывалый до того расцвет знаний, пригодных для утилитарного применения и потому обесценивших ему недоступное прежде господство над природой. Думается, однако, что представители гуманитарных дисциплин имеют полное основание оспорить подобный подход, как излишне односторонний и тенденциозный. Вспомнив итоги уходящего столетия, мы убеждаемся, что оно вылилось вместе с тем и эпохой значительного прорыва в гуманитарных науках, способствовало постижению самых разных аспектов знания человека о себе самом. В эту бесценную сокровищницу внесли значительный вклад многие замечательные ученые нашего века. Сегодня мы имеем возможность отметить славный юбилей одного из корифеев этой когорты и к тому же человека редкой судьбы — того, кто, родившись в последние дни XIX века и разделив с веком XX все его свершения и тяготы, встречает вместе с нами уже новый, XXI век. Мы говорим о Василии Ивановиче Абаеве.

Уроженец высокогорного аула Коби, Василий Иванович Абаев пришел в науку, движимый стремлением изучать родной для него осетинский язык. Его исследовательская работа началась в те годы, когда в среде российских ученых еще была жива память о деятельности одного из зачинателей отечественного осетиноведения — Всеволода Федоровича Миллера. Продолжив и углубив миллеровские традиции, В.И. Абаев остается верен осетинской лингвистике на протяжении всего своего творческого пути — от первой научной статьи об осетинском ударе, напечатанной в Докладах Академии Наук за 1924 г., до явившегося апогеем его научной деятельности многотомного «Историко-этимологического словаря осетинского языка». Этот словарь не только содержит беспрецедентную сумму сведений об истории одного конкретного языка, но и включает не знающий себе равных объем сравнительных данных, почерпнутых из огромного числа разнообразных языков, близких к осетинскому или достаточно далеких от него, связанных с ним генетически либо ареально или же представляющих для читателя «Словаря» интерес по каким-либо иным основаниям. Уже по чисто лингвистическим критериям этот бесценный труд можно считать прижизненным памятником его создателю.

Но это произведение научной мысли в полной мере явило и иные черты, присущие В.И. Абаеву как ученому-гуманитарию. В нем получил освещение разнообразный спектр научных проблем, много лет привлекающих внимание Василия Ивановича и определяющих его подход к изучаемому материалу. Так, занимаясь осетинским языком и его историей, исследователь очень скоро обратил особое внимание на группу его предшественников — иранских диалектов, бытовавших у обитателей евразийских степей и получивших в историческом языкознании обобщенное наименование «скифский язык». Собрав весь известный к тому времени ономастический материал из степной зоны, сохраненный у антич-

ных авторов и в эпиграфических памятниках, Василий Иванович еще в 1949 г. опубликовал работу, в которой интерпретировал компоненты, составляющие все эти имена, по данным различных иранских языков. На этом материале им был выявлен целый ряд особенностей скифской лексики, морфологии и словообразования, а также составлен не имевший аналогов «Словарь скифских основ», существенно пополнивший подобные опыты предшественников — М. Фасмера, Вс. Миллера и др. Отныне скифологи получили уникальную возможность при исследовании различных явлений скифской культуры наряду с данными античных авторов и материальными памятниками оперировать и языковыми свидетельствами.

При работе над упомянутым словарем и в процессе разработки других аспектов языкознания В.И. Абаев обосновал решение целого ряда ключевых проблем иранской, индоиранской и индоевропейской лингвистики. К ним, в частности, относятся проблемы локализации прародин индоиранских и иранских языков, времени распада этих языковых групп, роль иранского субстрата в формировании специфических грамматических черт восточнославянских языков и т.д. В своих исследованиях В.И. Абаев предстает как человек необычайно широкого кругозора и при этом всегда остается тонким лингвистом, что позволяет ему в работах самой разнообразной тематики опираться на нюансы анализа языкового материала.

В душе Василия Ивановича любовь к родному языку и осетинской культуре сочетается с обостренным интересом к языкам и культурам тех народов, с которыми в разные исторические эпохи взаимодействовали осетины и их далекие и близкие предки. Символично, что именно занятия историей осетинского языка позволили ему сделать замечательные открытия в совершенно иных областях. Особенность подхода В.И. Абаева к лингвистическому материалу ярко проявилась в опубликованной им в 1965 г. работе «Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада». Хотя сам автор указывал, что она яви-

лась «побочным продуктом» работы над осетинским этимологическим словарем и исторической грамматикой, далеко не случайно он наряду с изучением фонетических и грамматических изоглосс, присущих различным европейским языкам, обратился и к выявлению мифологических параллелей между скифским миром и другими древними народами Европы. В этом ключе им была предложена этимология имени гоголевского Вия, представляющая точное соответствие — через древнее вѣй — имени иранского бога ветра и смерти Вайу. Он сопоставил имена римского бога-кузнеца Вулкана и осетинского божества кузнечного дела Курдалагона/Курд-Ала-Варгона и тем объяснил происхождение до тех пор неясного латинского слова; сравнил легенды о происхождении героев осетинского эпоса — нартов — и римлян и обосновал причины их разительного сходства; провел сравнение принадлежащих к разным европейским эпическим традициям образов трикстеров Сырдона, Брикриу и Локи; переосмыслил данные об иранских корнях ряда восточнославянских божеств. В итоге более серьезную основу обрели освещение вопроса о месте скифов в ряду других обитателей Старого Света и соотношение целого ряда культурных традиций древней Европы.

Среди обширного круга занимающих В.И. Абаева проблем культурно-исторического плана читателям «Живой старины» особенно близки его работы по мифологии, фольклору и этнографии. Достаточно напомнить его исследования о нартовском эпосе осетин, а также великолепные работы о фольклорных истоках «Витязя в барской шкуре» Руставели или сохраненного Гомером предания о Троянском коне. Содержащиеся в них наблюдения являют классические образцы свежего взгляда «со стороны» на всемирно известные литературные явления. В одной из недавних работ В.И. Абаева выдвинута новая и притом серьезно обоснованная гипотеза об аланских (проосетинских) корнях староанглийского эпического цикла о рыцарях Круглого Стола и о восходящем к иранскому названию огня имени главного героя этого цикла — короля Артура. Следует назвать и работы В.И. Абаева, находящиеся на стыке разных направлений его интересов, — «Культе семи богов у скифов», «Сармато-боспорские отношения в отражении нартовских сказаний», «Геродотовские Skythai Georgoi» и т.д. Можно долго перечислять круг исторических и культурных проблем, затронутых исследователем в таких его трудах, как «Скифский быт и реформа Зороастра», «Миф и история в Гатах Зороастра», «Шаман сильнее воина» и др. Они существенно обогащают нашу гуманитарную науку фактами и идеями.

Поздравляя замечательного ученого, заслуженно снискавшего всероссийскую и мировую известность и признание коллег, редакция журнала «Живая старина» и его читатели желают Василию Ивановичу Абаеву здоровья и благополучия. Любовь же и почтение всех тех, кому посчастливилось быть его современниками, ему навсегда обеспечены.

С.В. КУЛПАНДА, Д.С. РАЕВСКИЙ
(Москва)

Ценный труд словенского филолога

Фольклор и массовое народное творчество периода Второй мировой войны составили содержание многочисленных антологий и сборников и были предметом исследования на всех славянских языках. Обильная научная и научно-популярная литература появилась в прошлом на языках народов союзной Югославии и отразила характерные для своего времени идеологические установки. Тем больший интерес представляет фундаментальный труд на словенском языке доктора наук Марии Станоник, изданный в Любляне в трех книгах научным журналом по истории, литературе и антропологии «Борец»¹. Этот труд существенно отличается от предшествующих исследований, сохраняя вместе с тем преемственность по отношению к лучшим научным традициям в Словении.

Автор приступила к собиранию материалов в начале 1970-х гг. будучи студенткой в семинаре проф. Бориса Патерну, руководившей специальной программой этого известного словенского ученого. В процессе исследовательской работы на протяжении более 20 лет М. Станоник заново переосмыслила проблематику массового художественного творчества словенского народа в годы национально-освободительной борьбы против фашизма, отказалась от идеологических стереотипов и однобоких подходов к сложному характеру исследуемого материала. В предисловии к первой книге автор пишет: «Деидеологизация проблемы была моим основным принципом в этом труде изначально, что, разумеется, было и испытанием, и камнем преткновения и справа, и слева...»²

В первой книге («Поэзия контекста» I) публикуются дневники и стихи участников антифашистского Сопротивления в Словении, их устные рассказы-мемораты, своеобразная «массовая поэзия», фольклоризовавшаяся в процессе устного бытования, распетая в партизанских отрядах.

Содержание книги «Поэзия контекста» II составили связанные с проблематикой докторской диссертации автора, опубликованные ею ранее, а также впервые публикуемые статьи и этюды, ее доклады на Конгрессах фольклористов Югославии и других научных конференциях. Среди этих материалов особенно интересны: «Проблематика словенской народно-освободительной песенности 1941—1945 гг.», «Вопросы фольклоризации», «Словенская песня

в Дахау», «Гимнические песни», «Образ женщины», «Поэтика свободы», «Христианские мотивы в словенской народно-освободительной песенности 1941—1945 гг.».

Композиция третьей книги («Из хаоса — космос») делится на две части — теоретическую и конкретно-аналитическую. В первой части рассматривается творческий процесс «от эстетики созидания к эстетике восприятия». Во второй части обстоятельно исследуется коммуникативная функция словенской поэзии 1941—1945 гг. и структурируется жанровая система лирики этого периода (не только творчество профессиональных поэтов — участников Сопротивления, но и массовое песенно-поэтическое творчество). Особенностью народно-освободительной борьбы в Словении было активное участие интеллигенции; творчество поэтов и музыкантов, ориентированное на народные традиции и на вкусы «простого народа», быстро становилось достоянием культурно-просветительных бригад, партизанских отрядов и фольклоризовалось.

Основными особенностями творчества участников народно-освободительной борьбы в Словении, по утверждению М. Станоник, были: 1) преобладание коммуникативной функциональности произведений по отношению к их эстетической функции; 2) жанровый синкретизм; 3) полигенез и полистилистика жанров³.

В своем исследовании М. Станоник охватила обширный, во многом новый материал. Стремление к полноте анализа и к научной объективности побудило ее, цения подлинно патристический, свободолюбивый и демократический характер массового художественного творчества в годы войны, обратиться и к таким его чертам, которые не были отмечены ее предшественниками (в частности, к трагическим темам и к религиозным мотивам).

М. Станоник не ограничилась обстоятельным историографическим обзором и критическим анализом существующих концепций (в статьях «Поэзия Сопротивления славянских народов в 1938—1945 гг. как методологическая проблема» и «Проблематика словенской народно-освободительной поэзии в 1941—1945 гг.»)⁴, но и предложила свою оригинальную систему анализа материала. Это особенно ярко проявилось в третьей книге, где опубликована докторская диссертация автора («Контекстуальность и жанровая система словенской поэзии Сопротивления 1941—1945 гг.»), получившая высокую оценку экспертной комиссии и Научного профессорского совета

гуманитарных знаний при философском факультете Загребского университета (Хорватия).

М. Станоник синтезирует опыт разных направлений филологии XX в. и выдающихся ученых стран Западной Европы и России (от русских «формалистов» 1920-х гг. до современных специалистов по теории лирики и трудов Д.С. Лихачева). В меньшей мере, к сожалению, автор обращается к современным теоретическим работам фольклористов. Впрочем, ей знаком коллективный академический труд российских фольклористов «Русский фольклор Великой Отечественной войны» (1964), уважительно цитируемый автором.

Каждая часть исследования М. Станоник снабжена обширной библиографией на словенском и других европейских языках, ссылками на многочисленные источники (среди них немало материалов, записанных автором, а также извлеченных из различных архивов).

Труд М. Станоник — незаурядное филологическое исследование, где рассматривается и проблема фольклоризации вербальных текстов. Значение его выходит далеко за пределы Словении. Было бы желательно, чтобы другие словенские авторы дополнили это исследование музыковедческим анализом песен, используя опыт предшественников (словенцев Змаги Кумер, Радослава Хрватина, Цирила Цветко, а также известных фольклористов-музыковедов Сербии, Хорватии, Боснии, Македонии).

Современным российским фольклористам предстоит заново исследовать фольклор Великой Отечественной войны во всем его объеме, с той научной объективностью и на том уровне аналитического мастерства, образцом которого стал труд М. Станоник и остаются работы фольклористов-музыковедов бывшей Югославии, Болгарии, Чехии, Словакии, Польши.

Примечания

¹ Stanonik M. Poezija konteksta I. «Pozdravljeno, trpljeno...» // Borec. Revija za zgodovino, literaturo in antropologijo. 1993. 5-6-7. 372 S.; Poezija konteksta II. «Na tleh leže slovenstva stebri stari» // Borec. 1993. 8-9-10. 312 S.; Iz kaosa kosmos. Kontekstualnost in žanrski siste m... // Borec. Ecce Homo. 1995. 400 S.

² Stanonik M. Poezija konteksta I. S. 8.

³ Stanonik M. Iz kaosa kosmos. S. 9.

⁴ Stanonik M. Kontekst II. S. 11—24, 25—42.

В.Е. ГУСЕВ, доктор филол. наук;
председатель Комиссии по славянскому
фольклору при МКС

Региональная культура Болгарии

Ловешки край. Материална и духовна култура. София, 1999

В серии «Этнографическое изучение Болгарии» вышла в свет очередная монография. На этот раз специальный том посвящен традиционной культуре северной части Болгарии — Ловешкого края.

Книги этой этнографической серии хорошо известны специалистам в области славянской народной культуры. Начало серии было положено в 1974 г. публикацией сборника «Добруджа». Затем последовали «Пиринский край» (1980), «Капанцы» (1985), «Пловдивский край» (1986), «Софийский край» (1993), «Родопы» (1994) и «Странджа» (1996). Эти тома, не равные по объему и с разными подзаголовками, объединены стремлением авторов как можно более полно представить традиции одного региона (или одной этнической группы) и вписать их в общеполитический контекст. Основным материалом для всех монографий служат полевые исследования работников Этнографического института и музея Софии и их коллег. Используются и уже опубликованные сборники, содержащие этнографические и фольклорные сведения по описываемому региону и данные рукописных фондов, в частности Архива курсовых и дипломных работ кафедры славянского языкознания и этнографии при Софийском университете им. св. Климента Охридского.

«Ловешкий край» состоит из двух разделов, раскрывающих соответственно материальную и духовную культуру региона, и карты с указанием обследованных сел. (К сожалению, как в этой книге, так и в нескольких предшествующих отсутствуют индексы, столь необходимые читателям. Первые тома серии были снабжены подробными указателями.) Этнографический материал собран и обобщен по темам: «Дом», «Животноводство», «Земледелие», «Ремесла», «Ткачество», «Одежда», «Питание», «Транспорт и торговля». Подробно описываются орудия земледелия, способы обработки земли, охота, собирательство и т.п.

В отличие от предыдущих сборников серия в этом томе отчетливее прослеживается тенденция находить духовное в материальном. Авторы некоторых глав («Одежда», «Ткачество», «Питание» и др.) на бытовое смотрят преимущественно через призму обрядового. Так, уже в главе о животноводстве можно узнать об обрядности дня св. Георгия, причем не только о магических действиях с животными, но и о

девичьих гаданиях и молодежных увеселениях. Во многих главах материал увлекает авторов настолько, что охваченными оказываются фрагменты обряда, не имеющие отношения к узкой теме. Например, при характеристике свадебной одежды анализируются ритуалы, не связанные непосредственно с нарядами невесты, жениха или других участников свадьбы. Отсюда неизбежны повторы, поскольку естественно, что авторы статей раздела «Духовная культура», посвященных свадьбе, подробно описывают и одевание жениха, невесты, ряженных, а в главе о календаре опять фигурируют многие ритуалы, упомянутые в разделе «Материальная культура». Однако подобная структура книги вовсе не является недостатком, а скорее достоинством, ведь каждый автор интерпретирует один и тот же факт народной культуры на ином фоне. К тому же, многие сведения о культуре духовной приводятся только в разделе о культуре материальной (например, легенды о гонимых; поверья, связанные с орудиями труда, сведения о народных взглядах на волосы, о поясе как метафоре жизненного пути и пр.).

В разделе о духовной культуре вниманию читателей предлагаются следующие главы: «Народное мировоззрение», «Календарные праздники и обычаи», «Семья и род», «Обряды, связанные с рождением и социализацией ребенка», «Свадебные обычаи и обряды» и «Похоронные обычаи и обряды». В первой главе («Народное мировоззрение») уже воссоздается достаточно целостная картина мира, характерная для жителей края. Однако исследователи, знакомые с монографиями этнографической серии, сразу же отметят для себя специфику второй части. Обычных разделов по народной медицине, трудовым и профессиональным праздникам нет, эта информация содержится в описаниях семейных и календарных обрядов. Подобная вариативность содержания и композиции сборников вполне допустима. Вспомним, к примеру, главы об истории поселений, о профессиональных и ремесленных объединениях, о таицах в книге «Родопы» или статью об обычном праве в монографии «Пловдивский край». С другой стороны, представляется важным подчеркнуть внимание к структуре семьи и рода Ловешкого края. Эта важная для болгарского патриархального устройства быта тема еще не только недостаточно изучена, но даже почти и не выявлена.

Внимание к языку — черта, общая для всех сборников серии. В первых томах серии были помещены специальные главы о говорах соответствующего региона (Добруджи, Плов-

дивского края и пр.). В последних сборниках диалектологические данные отсутствуют. Это отчасти компенсируется насыщенностью текстов обрядовой лексикой, приведением переносных значений отдельных регионализмов, а также толкованием пословиц, сравнений, проклятий и словесных клише, в основе которых лежат народные верования или ритуалы. Обрядовая терминология, благопожелания, проклятия и пр. приводятся во всей их полноте. В рецензируемой монографии мы находим архаичные ритуальные диалоги и традиционные словесные формулы, сопровождающие обряды, например передачу новой телеги владельцу или продажу скота. От внимания исследователей не ускользают и современные трансформации обрядовой фразеологии и лексики, в особенности демонологической.

Хотя в книге нет раздела, посвященного фольклору края, по традиции богатый фольклорный материал дается в тексте или в многочисленных сносках. Таким образом, читатель получает возможность ознакомиться со многими обрядовыми песнями, быличками и сказками.

В монографии «Ловешкий край», пожалуй, сильнее, чем в других выпусках серии, проявилось желание авторов не только систематизировать материал, но и дать его полноценную интерпретацию. О новом подходе к подаче сведений по народной культуре свидетельствует, например, нетрадиционная рубрикация главы о похоронной обрядности: «Смерть как образ», «По пути к вечной жизни».

Очевидно, что наличие подробных унифицированных этнографических монографий по другим областям и краям Болгарии позволяет исследователям проводить сопоставления и четче выявлять локальную специфику на общеполитическом фоне. Для Ловеча и его окрестностей, например, характерны особые представления о святом Тодоре как демоне, идентичном святочному мифологическому персонажу, именуемому в этом регионе *каракончо*; специфические семейно-родовые службы у каменных могильных крестов; похоронные ритуалы, связанные со змеёй — хранительницей дома.

С выходом в свет монографии «Ловешкий край» на этнокультурной карте Болгарии «белых» пятен стало меньше. Хочется надеяться, что замечательная традиция региональных исследований, сложившаяся в болгарской этнографии, не прервется. Читатели с нетерпением ждут публикации заявленных в серии томов «Сакар» и «Центральная Стара-Планина».

И.А. СЕДАКОВА, канд. филол. наук;
Ин-т славяноведения РАН
(Москва)

Новая литература по фольклору и этнографии

Исследования и материалы

Артемюв Е.Ю. Культура России глазами посетивших ее французов (последняя треть XVIII в.). — М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. — 256 с.

Говенько Т.В. Фольклористические работы академика А.Н. Веселовского на немецком языке (аспекты развития концептуально-аналитических подходов и вклад в российскую и международную науку): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / ИМЛИ. — М., 2000. — 28 с.

Громыко М.М. Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян XIX века в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики // Этногр. обозрение. — 2000. — № 2. — С. 86—99.

Игумнов А.Г. Система взаимодействия персонажей русского песенного эпоса. — Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. — 219 с.

Культура Русского Севера в преддверии третьего тысячелетия / ВОУНБ. — Вологда: Легия, 2000. — 250 с.

Из содерж.: Кулев А.В., Балакишина С.Р. Состояние народно-песенных традиций западной части Вологодской области на протяжении XX века. — С. 113—126; Добровольская В.Е. Термин «местничтиный» в фольклорной традиции Северной Великолоссии. — С. 137—152.

Мокшенко В.М. В глубь поговорок: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. — 2-е изд., перераб., доп. — СПб.: МиМ, Паритет, 1999. — 221 с.

Петровская О. Живая энциклопедия фольклора [о В.М. Цурове] // Аккорд: Журн. муз. культуры. — 2000. — № 1. С. 16—17.

Пропп В.Я. [Собр. тр.] Т. 4: Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. — М.: Лабиринт, 1999. — 285 с.

Седов А.Ф. Политический анекдот как явление культуры: Попул. очерк. — Балашов, 1999. — 100 с. — (Альманах «Весы»).

Сказка как предмет исследования: Сб. ст. — Южно-Сахалинск: Сахалин. гос. ун-т, 1999. — 68 с.

Славянский альманах. — М.: Индрик, 1999. — 352 с. — (Ин-т славяноведения).

Из содерж.: Трыкова О.Ю. Жанровый состав современного детского фольклора Ярославской области. — С. 254—270; Белова О.В., Петрухин В.Я. «Уже вьржеся Дивь на землю...» (Из мат. к словарю «Славянские древности»). — С. 160—164.

Смирнов Д.В. Пути становления и развития отечественной музыкальной фольклористики в начале XX в. Деятельность Музыкально-этнографической комиссии: Автореф. дис. ... канд. искусствовед. / Моск. гос. консерватория. — М., 2000. — 26 с.

Тарланов З.К. Русские пословицы: Синтаксис и поэтика. — Петрозаводск: ПГУ, 1999. — 448 с.

Тихонова Е.А. Повествовательная система русских преданий Восточной Сибири о заселении и освоении края (XX век): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Улан-Удэ, 2000. — 24 с.

Традиции русской художественной культуры: Межвуз. сб. науч. тр. — М., Волгоград, 2000. — Вып. 3. — 242 с.

Из содерж.: Смирнов Д.В. Музыкально-этнографическая комиссия. История создания и основные направления деятельности. — С. 213—232; Борисова Т. Этническое самосознание и музыкальная культура донских казаков. — С. 233—238.

Традиция и литературный процесс / Отв. ред. А.Б. Соктоев. — Новосибирск: Изд-во НИЦ ОИГМ СО РАН, 1999. — 544 с.

Из содерж.: Волкова Т.Ф., Чупрова Г.В. К изучению «Повести о царевне Першке». — С. 16—25; Мелихов М.В. Гадание на стрелах об исходе сражения: историко-литературный комментарий. — С. 56—67; Мыльников А.С. Информационный ресурс фольклорно-литературных смещений. — С. 67—74; Новицкая М.Ю. Тема покаяния в лирике иеромонаха Романа (Матюшина) и традиции народного духовного стиха. — С. 84—90.

Фадеева Л.В. Богородица в русских заговорах (роль христианских источников в формировании образа): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГУ. — М., 2000. — 31 с.

Фольклор и молодежь. От истоков к современности / Рос. фольклор. союз. Ред.-сост. Н.Н. Гилярова. — М., 2000. — 118 с.

Фольклорный текст-99: Мат. науч.-метод. семинара / ПГПУ. Науч. ред. И.А. Подюков. — Пермь, 2000. — 118 с.

Из содерж.: Преженцева Е.С., Черных А.В. Записи былинных сюжетов в южном Прикамье. — С. 3—13; Черных А.В. Рекрутский фольклор в контексте обряда (по материалам пермского Прикамья начала XX в.). — С. 26—30; Подюков И.А. О методике обработки материалов для словаря терминов народной культурной традиции. — С. 57—62.

Чагин Г.Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века: Учеб. пособие / ПГУ. — Пермь, 1999. — 164 с.

Чуйко Л.В. Резной декор деревянной архитектуры городов Западной Сибири конца XIX — второй половины XX века (на материалах Омска и Тары): Автореф. дис. ... канд. искусствовед. / Ист. фак-т МГУ. — М., 2000. — 22 с.

Тексты

Даль В.И. Пословицы русского народа. — М.: ННН, ЭКСМО-Пресс, 1999. — 614 с.

Духовные стихи. Канты: Сб. духов. стихов Нижегород. обл. / Ин-т рукопис. и старопечат. книги. Сост., вступ. ст., подгот. текстов, исслед. и коммент. Е.А. Бучиной. — М.: Наследие, 1999. — 416 с.

Жемчужины народной мудрости: Пословицы. Загадки. Поговорки. Скороговорки. Дразнилки. Колядки. Потешки. Считаики / Сост. Г.Н. Тубельская, Е.Н. Новикова, А.Э. Лебедева. — М.: АСТ, 2000. — 552 с.

Кожемяко В.С., Подгорная Л.И. Русские пословицы и поговорки и их немецкие аналоги. — СПб.: Каро, 2000. — 78, 114 с.

Левашов В.С. Региональные особенности русского фольклора Забайкалья. Кн. 4: Исторические песни. — Чита: Изд-во Забайкал. Гос. пед. ун-та, 1999. — 121 с.

Масленица: Хрестоматия / Центр «Наследие»; Свердл. обл. Дом фольклора. Сост. Е.В. Пестерев, М.Г. Казанцева. — Екатеринбург, 2000. — 96 с.: нот.

Обрядовая поэзия. Кн. 3: Причитания / Сост., подгот. текстов, коммент. Ю.Г. Круглова. — М.: Рус. книга, 2000. — 512 с.: ил. — (Б-ка рус. фольклора).

Пермские сказки / ПГПУ. Собрал и сост. И. Подюков. — Пермь: Припит, 2000. — 70 с.

Песни села Мезинце: Красед. хрестоматия и моногр. исслед. жанра нар. песни Тамбов. обл. / Ред.-сост. и авт. предисл. А.М. Кальнищкая. — Тамбов, 1999. — 90 с.: нот. — В надзаг.: Науч.-метод. центр нар. творчества.

Петр Великий в преданиях, легендах, анекдотах, сказках, песнях / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Б.Н. Путилова. — СПб.: Академ. проект, 2000. — 303 с.: ил.

Русские северные традиции: Усть-Цилемская горка и вологодские частушки / Ред.-сост. С.Л. Браз. — М.: Родник, 2000. — (Рус. традиц. культура, № 1).

Свадебные корильные песни Смоленского края / ОмЦ НТИ КПр. — Смоленск, 1999. — 82 с.

Татарское народное творчество: В 14 т. Т. 1: Сказки о животных и волшебные сказки / Сост., вступ. ст., коммент. Л.Ш. Замалетдинова. — Казань: Раннур, 1999. — 352 с. — (Б-ка газ. «Юлдаш»).

Традиционная свадьба: Св. обряд переселенцев Чернигов. губ. в Приморье / Примор. гос. объедин. музей им. В.К. Арсеньева. Сост. И. Семенова. — Владивосток, 1998. — 118 с.: нот.

Усольская свадьба: Сб. фольклор. текстов / ПГПУ. Сост. С. Хоробрых. — Пермь: Припит, 2000. — 80 с.

Ходил Ваня по лужочку: Нар. песни Воронеж. обл. для дет. фольклор. ансамблей / Воронеж. гос. академия искусств. Сост.-ред. Г.Я. Сысоева. — Воронеж, 2000. — 52 с.: нот.

Словари. Справочники. Указатели

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Справочно-библиогр. мат. / Ин-т славяновед. РАН. Ред. кол.: Т.А. Агапкина, В.Я. Петрухин, А.А. Топорков. — М.: Индрик, 2000. — 576 с.

Востриков О.В. Традиционная культура Урала. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской обл. Вып. 1: Нар. календарь. — Екатеринбург: Свердл. обл. Дом фольклора, 2000. — 148 с.

Энциклопедия русских примет / Авт.-сост. Е. Грушко, Ю. Медведев. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. — 432 с.

Материал подготовила Н.Р. ТИМОНИНА; Государственный республиканский центр русского фольклора (Москва)

Конференция

«Концепция человека в традиционной культуре»

III ежегодная конференция «Концепция человека в традиционной культуре» была организована Центром народной культуры Литвы и состоялась 9—11 мая 2000 г. в Вильнюсе. В ней приняли участие исследователи из Литвы, Эстонии, России, Украины, Белоруссии, Польши, Румынии, США. Целью конференции стало рассмотрение концепций жизни, души и тела человека, сложившихся в традиционной культуре, а также анализ их развития на основании данных языка, археологии и исторических источников, данных мифологии, народной медицины и различных жанров фольклора. К рассмотрению были предложены следующие темы:

- I. Концепция человека: происхождение человека, человек и вселенная;
- II. Структура человека: духовное и физическое начало;
- III. Жизнь человека: возрастные, половые, социальные, ценностные аспекты;
- IV. Возможности человека, необычные люди;
- V. Понятие здоровья и болезни, лечение.

Открыл конференцию доклад Г. Берснэвичюса (Вильнюс), в котором автор рассмотрел литовские предания и фольклорные тексты о происхождении человека, параллельно привлекая и материал из других традиций.

Выступление Е. Барминьского (Люблин) было посвящено анализу концептов судьбы, счастья и доли в польской народной культуре. В частности, автор остановился на различиях семантики русского слова *судьба* и польских *los* и *dola*. Так, если русская *судьба* существует над человеком и не зависит от его воли, чаще всего оказываясь неотвратимой, жестокой и неумолимой (ср. связь слов *судьба* и *суд*), то польское слово *los* несет в себе идею жребия, лотереи. Это предполагает некоторую долю оптимизма: человек может сам строить свою судьбу. Семантика же польского *dola* — как показал анализ данного концепта тезаурусным методом — вполне сопоставима с семантикой русского слова *судьба*. Говоря о значениях трех данных концептов, польский исследователь сумел показать определенные особенности социокультурного мышления, стоящие за каждым из них.

Румынская исследовательница И. Войка (Бухарест) проанализировала мифопоэтические взгляды на жизнь и смерть человека, выявляемые мифами «Миорица» и «Манолес».

Концепт человека в литовских и белорусских лечебных заговорах стал предметом анализа М. Завьяловой (Москва). Другой исследователь литовских заговорных текстов, Д. Гей (Блумингтон), избрал предметом сообщения мифы о Христе, отраженные в заговорах.

О связи человека и небесных светил в литовской народной культуре рассказал Й. Вайшкунас (Молетай). Как показал исследователь, звезды в народной культуре напрямую связаны с мотивом человеческой жизни и судьбы (ср.

примету: упала звезда — кто-то умер, выражение *родиться под счастливой звездой* и т.д.). Фазы луны, по данным народной культуры, имеют решающее значение в определении характера, внешности и здоровья новорожденного. Считается, что люди, рожденные в новолуние или при растущей луне, красивы, имеют крепкое здоровье, хороший аппетит и отличаются мягким и приятным характером. В то же время, рожденные на убывающей луне оказываются более мудрыми, серьезными и практичными в делах. Сильно влияет на судьбу новорожденного и положение солнца на горизонте в момент рождения: по данным фольклорных текстов, утреннее и дневное солнце говорит о более счастливой и благополучной судьбе младенца, чем вечернее, заходящее светило.

Л. Клима (Вильнюс) посвятил свой доклад анализу структуры балтийской мифологии с точки зрения ад hominem, показав, в частности, некоторые практически забытые сегодня способы представления модели мира в народной культуре (вышивки и рисунки на белье и полотенцах, раскраска пасхальных яиц и украшений и т.д.). Тема взаимоотношений человека с окружающей средой стала предметом сообщения В. Капачуска (Вильнюс).

Об обычных и странных (трансперсональных) частях тела, выявляемых латышской фольклорной традицией, рассказала С. Рыжакова (Москва). Среди последних исследовательница особенно выделила песни, являющиеся, по народным представлениям балтов, не только неотъемлемой частью человеческого тела, но и принадлежностью, передающейся по наследству.

Символ и функция женских волос в связи с мифологемой судьбы в традиционной культуре стали темой сообщения Т. Михайловой (Москва). Как показала исследовательница, в категориях культуры именно волосы являются наиболее изменяемой частью тела, часто становясь не просто атрибутом внешности, но и деталью костюма или одежды. Сложное и неоднозначное восприятие символики волос в мифопоэтической традиции разных народов позволяет, в частности, считать образ женщины, расчесывающей волосы, архетипическим. Символика его напрямую связывается с мотивом судьбы и смерти (ср. образы длинноволосой женщины-судьбы и женщины-смерти в мифах).

О типологии названий селезенки в языках Евразии рассказал А. Аникин (Новосибирск).

Доклад А. Бейнорюса (Вильнюс) был посвящен раскрытию особенностей человеческой психики в индийской традиционной медицине. В частности, исследователь выделил несколько причин и категорий болезней, связываемых с представлениями о физическом и духовном начале человека и их взаимодействии.

Й. Тринкунас (Вильнюс) посвятил свое выступление образу человека в литовских и латышских сказаниях.

Темой сообщения А. Барвеновой (Минск) стала семантика и символика парадно-церемониального княжеского костюма (одежды и обу-

ви) на территории Белоруссии в X—XV вв. Р. Бальсис (Клайпеда) рассказал о мифологических мотивах, связанных с шапкой, сложной символике представлений о человеческом головном уборе и метонимическом переносе на него всех свойств самого человека.

К особенностям этнокультурного формирования пола украинских девочек в XIX—XX вв. обратилась в своем выступлении О. Кись (Львов).

С. Небжеговска (Люблин) сделала доклад о польском народном соннике, представив выявляемую им систему ценностей сложным набором бинарных оппозиций.

Полнота как одно из основных измерений в структуре календарной и семейной обрядности стала темой сообщения В. Драбик (Краков).

Доклад В. Лобача (Полоцк) был посвящен чародейству и знахарству на территории белорусского Подвинья в XIX—XX вв.

Э. Зайковский (Минск) рассказал о двух разновидностях великанов (*волаты* и *асилки*) в белорусских верованиях.

К теме «плохого» (дурного) глаза обратился в своем сообщении Г. Аучиникас (Каунас), проанализировавший литовские предания и фольклорные тексты.

Музыка и музыкальный фольклор стали темами сообщений Д. Рачонайте (Вильнюс) и Я. Стэншэвского (Познань). Литовская исследовательница рассказала о магическом обрядовом действии *супартине*, а польский доклад был посвящен анализу социального статуса музыканта в польской деревне.

Р. Норинквичюте (Вильнюс) посвятила свое выступление психологическому аспекту плача.

Об этиологии и мифопоэтических представлениях о болезнях в эстонской, литовской и славянской традициях рассказали Р. Соуканд (Тарту), Р. Будрис (Вильнюс) и Е. Вельмезова (Москва).

Целая серия докладов была посвящена современной альтернативной медицине. Л. Станкус (Друскининкай) сделал сообщение о гомеопатии как христианской медицине. Р. Тримакс (Вильнюс) посвятил свое выступление развитию и трансформации традиционных и альтернативных методов лечения в современной литовской городской культуре. Е. Гялжинене (Шяуляй) рассказала о необычных возможностях человека и их использовании, а в докладе Б. Сяурсайтиса (Вильнюс) речь шла о понятии и развитии образа врача в Литве.

А. Уткус (Вильнюс) рассказал о врожденных аномалиях развития по данным литовского фольклора, иллюстрируя свое сообщение фактами и материалами современной медицины.

Доклад В. Вайтявичюса (Вильнюс) был посвящен медицине в контексте балтских святынь, а Н. Марцинквичене (Вильнюс) рассказала об употреблении обрядовых атрибутов в народной медицине во время календарных праздников.

Е.В. ВЕЛЬМЕЗОВА
(Москва)

Фестиваль

«Салехард-2000»

С 29 августа по 4 сентября 2000 года в г. Салехарде прошел Второй Российский фестиваль антропологических фильмов, организованный Российской ассоциацией визуальной антропологии, Администрацией Ямало-Ненецкого автономного округа и Центром визуальной антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Время, отделяющее это событие от первого фестиваля, состоявшегося в 1998 г., показало, что визуальная антропология в России развивается довольно успешно: она обрела и свою зрительскую аудиторию, и новых приверженцев как среди режиссеров-документалистов, так и среди ученых — главным образом этнологов и фольклористов, но также и философов, политологов, пытающихся осмыслить процесс становления в России этой новой дисциплины, находящейся на стыке науки, искусства и различных социальных и политических практик.

Программа фестиваля включала конкурс антропологических кино- и видеофильмов, конкурс телепрограмм, конкурс исследовательских проектов, I конкурс телепрограмм Арктического региона.

В конкурсе фильмов участвовали двадцать шесть картин российских авторов из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Якутска, Екатеринбурга, Самары, Архангельска, Ненецкой области и других городов. Среди авторов фильмов были и маститые режиссеры, получившие множество призов на различных кинофорумах (Юрий Шиллер, Андрей Анчугов, этнолог, доктор исторических наук Андрей Головнев, популярный путешественник Олег Алиев), и те, кто совсем недавно открыл для себя этот увлекательный вид деятельности. Как и на первом фестивале, в конкурсе преобладали фильмы, посвященные традиционной культуре и нынешнему состоянию многих народов России (ненцев, ительменов, чувашей, тувинцев, карел, эскимосов и др.), но, что характерно, почти в три раза увеличилось количество картин о русских, в основном о сельских жителях.

На конкурс телепрограмм, который проводился впервые, были представлены восемь программ центральных и региональных телеканалов. Замысел организаторов фестиваля, как кажется, вполне удавшийся, состоял в том, чтобы найти наиболее адекватную форму представления этнографической информации на телеэкране.

В конкурсе исследовательских проектов, направленных на решение методологических и практических проблем визуальной антропологии, приняли участие восемь авторов из различных научных центров России — Пермского и Томского университетов, Института языка, литературы и истории Карельского государственного центра РАН, Мурманского историко-художественного музея и др.

Внеконкурсная программа включала ретроспективу архивных этнографических кинолент, показ фильмов немецкой исследовательницы Сабини Джелл-Бальзен об Африке и Новой Гвинее, демонстрацию работ Центра визуальной антропологии МГУ, а также показ современных отечественных документальных картин, близких визуальной антропологии по духу и содержанию.

Семинары Российской ассоциации визуальной антропологии, имевшие следующую тематику:

«Визуальная антропология: наука и/или искусство?», «Визуальная антропология и телевидение», «Визуальная антропология в поле современных социальных и культурных практик», а также проходившая в рамках фестиваля сессия Северного исследовательского форума «Евразийский диалог» вызвали широкий резонанс и привлекли к активному участию не только конкурсантов и гостей фестиваля, но и местную общественность.

Жюри фестиваля, в состав которого входили и кинематографисты (А.М. Шемякин, Э.В. Иоч), и ученые (С.А. Арутюнов, В.М. Магидов, Е.С. Новик, А.А. Никишенков), а также Асен Балкис, экс-президент Комиссии по визуальной антропологии при Международной антропологической ассоциации, вынесло такое решение:

Гран-при присужден фильму Андрея Головнева «Пеггымель», рассказывающему об осеннем ритуале и мухоморных видениях оленных чукчей. Специальный приз жюри («За талантливый показ традиционной обрядности в ее динамическом развитии») вручен Наталье Литвиной за фильм «Синий колодец», тонко передающий религиозные чувства жителей Полесья, по воле обстоятельств фактически ставших бесплодными.

В номинациях конкурса фильмов призы получили следующие работы: «За новаторские тенденции в визуальной антропологии и документалистике» — фильм «Носи и помни» (реж. Леонид Филимонов, Центр визуальной антропологии МГУ); «За удачное отражение типичных черт народного характера в индивидуальной судьбе героя» — фильм «Серый воронок. Кому ты нужен?» (реж. Алексей Шипулин, Ismine&Shipulin prod); «За стилистику киноязыка, соответствующую выбранной теме» — кинофильм «Семейные хроники» (реж. Владимир Ярмошенко, Свердловская киностудия); «За своеобразие киноязыка в показе трагической судьбы народа» — фильм «Птицы Наукана» (реж. Алексей Вахрушев, студия «М-фильм»); «За тактичное проявление авторской позиции» — фильм «Родная сторона» (реж. Юрий Шиллер, Западно-Сибирская киностудия).

Приз конкурса телепрограмм присужден Михаилу Горшкову (Государственный республиканский центр русского фольклора, Москва) за программу «Мил у скрипочку играет».

Приз конкурса исследовательских проектов вручен Елене Четиню (Пермский государственный университет) за проект «Христианское и языческое в традиционной культуре Коми-Пермяцкого национального округа (к специфике исследования феномена двоеверия)».

Активная исследовательская работа и набирающий темп процесс ее теоретического осмысления, горячие споры и столкновение мнений не только в зале заседаний, но и в кулуарах, поиск общего языка и заинтересованность друг в друге — все говорит о том, что Второй Российский фестиваль антропологических фильмов стал важной вехой на пути становления российской визуальной антропологии и соответствующего профессионального цеха и, будем надеяться, стартовой площадкой для следующего, третьего, фестиваля.

О.Б. ХРИСТОФОРОВА
(Москва)

Содержание журнала

«Живая старина» за 2000 год

Статьи, публикации

Агапкина Т.А. Полесские заговоры: проблемы научного издания — 1, с. 27

Алексеев А.В. Вологодская народная вышивка-календарь? — 2, с. 36

Артемченко Е.Б. Путь былинного богатыря — 2, с. 28

Березович Е.А. «Чужаки» в зеркале фольклорной ремотивации топонимов — 3, с. 2

Блауна В.А. «Я записал, что сохранилось немного в памяти моей». Публикация Н.Н. Миргородской — 4, с. 15

Валенцова М.М. Семантика и символика «верха» дома в обрядности славян — 2, с. 11

Вельмезова Е.В. Семантика пространства чешского лечебного заговора: формулы отсылки болезни — 1, с. 35

Вертеп в белорусском Полесье. Публикация О.В. Ковалевой — 4, с. 45

Вертеп в селе Ласидк Пинского района. Публикация М.А. Копыловой — 4, с. 44

Виноградова Л.Н. Рождественская звезда как ритуальный символ — 4, с. 35

Виноградов Ф.А. «Ну тепер, барышны, пройдемте по гуляню...» Публикация О.Р. Николаева — 4, с. 4

Власкина Т.Ю. Смерть в верованиях и обрядах казаков Среднего Дона — 1, с. 14

Власкина Т.Ю. Дежские текстографические загадки — 4, с. 28

Говорова А.Н. «Симонова память» — 3, с. 39

Григорьева Г.Г. Стоит ли собирать фольклор? — 2, с. 39

Дианова Т.Б. «Посадил дед репку...» — 2, с. 26

Дмитриева Н.И. «Но про боль свою душевну никому не говорю». Публикация Н.А. Окининой, А.В. Тарабукиной — 4, с. 22

Дымищев В.А. С.А. Ан-ский и В.Я. Пропп, или что «еврейского» в еврейской сказке? — 2, с. 23

Енгватова М.А. Смоленские похоронные плачи: ритуал и музыка — 1, с. 2

Енгватова М.А., Пашина О.А. Русско-белорусское пограничье: взгляд российских этномусикологов — 3, с. 30

Жилина Н.В. «Шапка Мономаха» и ее история — 3, с. 22

Жигулева В.М. Женский траурный костюм в Пензенской и Тамбовской губерниях — 1, с. 21

Заговоры от оружия. Сборник XVII века. Предисловие и публикация Л.И. Сазоновой, А.А. Топоркова — 1, с. 36

Зайцева Л.М. К истории женского костюма восточной Белгородчины — 3, с. 19

Золотов Ю.М. Городские культы средневековой Руси — 3, с. 42

Зубарева В.С. «Даты не можем сказать, когда это было, но было...» — 4, с. 46

Калашникова Т.Е. Судьба легенды — 3, с. 44

Климова Н.Т. Избы, дворцы и храмы в русской народной вышивке — 2, с. 31

Колар Я. «Мой» Петр Богатырев. Перевод с чешского А.П. Солнцевой — 1, с. 39

Комарова С.В. «Параскева» в Петербурге — 1, с. 64

Костюхин Е.А. Иван Снегирев — историк Москвы — 3, с. 48

Костюхин Е.А. Два издания хрестоматии по русскому фольклору в свете истории советской фольклористики — 4, с. 48

Крестовский В. Встречи с Богатыревым — 1, с. 41

Кузин И.И. «Вот я всё это хотел запечатлеть...» Публикация В.Ф. Шевченко — 4, с. 17

Кукушкина Е.Ю., Никитина С.Е. Жанровые «портреты» фольклорного дома — 2, с. 5

Кутенков П.И. Символика траурной одежды старинных сел Поочья — 1, с. 24

Лауринкене Н. Символика девятирогого оленя в литовских календарных песнях. Перевод с литовского М.В. Завьяловой — 4, с. 39

Левин И.Г. «Нужен общероссийский документационный центр культуры народонаселения» — 2, с. 41

Лис Т.В., Разумова И.А. Студенческий экзамениационный фольклор — 4, с. 31

Лифенцев Н. «Когда я подрос, себя стал возвышать...» Публикация Е.А. Михайлова — 4, с. 14

Логинов К.К. «Знак дерева» в русской избе Обонежья — 2, с. 8

Логинов К.К. Обонежские ритуалы срубания дерева — 3, с. 11

Мадлевская Е.А. Образ Деда Мороза и современные представления о нем — 4, с. 37

Маслинский К.А. «Литва — она все зальет» — 3, с. 5

Медведева В.Н. Из истории хоровых обработок русских народных песен — 4, с. 50

Минёнок Е.В. Бабка Неживая — 1, с. 32

Можейко З.Я., Варфоломеева Т.Б. Песенные традиции Могилевского Поднепровья — 3, с. 26

Мукаржовский Я. О Богатыреве. Перевод с чешского Л.П. Солнцевой — 1, с. 40

Неклюдов С.Ю. Тексты «наивной литературы» — 4, с. 2

Никитина С.Е. «Смерть» в русском религиозном фольклоре — 1, с. 7

Петрова Н.П. «Вот сижу и сочиняю...» Публикация А.В. Поповой — 4, с. 21

Письмо Н.А. Яичука К.В. Квитке. Предисл. и комментарии Д.В. Смирнова — 3, с. 32

Плюхин В.У. Художественные традиции поморов — 1, с. 62

«Про Лихо одноглазое». Предисл. и публикация В.Ф. Шевченко — 2, с. 49

Ристески Л. Традиционное жилище в македонской области Мариово — 2, с. 14

Рыжакова С.И. Спит камушек без снов... — 3, с. 13

Сидорова Д.Е. Фрагменты дневника. Публикация О. Щербининой — 4, с. 8

Симакова И.А. Коллекционер и пропагандист русского народного шитья — 2, с. 34

Смирнов В.И. Архангельские туссы. Предисл. и публикация А.М. Решетова — 3, с. 46

Смолицкий В.Г. Байки «Неясной Поляны» — 4, с. 34

Соколова А.В. Этнокультурная специфика еврейского дома в Подолии — 2, с. 17

Солнцева Л.П. Богатыревские чтения в Москве: возрождение традиций — 1, с. 39

Стадник Ю.А. Кинетика заговорных лечебных ритуалов семейских Забайкалья — 1, с. 30

Стихотворения А.И. Попковой и А.А. Садкова. Публикация О.В. Гордиенко — 4, с. 11

Турилов А.А. Камень для вызывания дождя и ветра — 3, с. 16

Узенева Е.С. Магия строительства в славянской традиции — 2, с. 9

«Умирать каждый по-своему...» Публикация Е.В. Пауновой — 1, с. 17

Усачева В.В. Можжевелник в обычаях и обрядах славян — 4, с. 41

Фольклор Приангарья начала XX в. Предисл. и публикация В.В. Запорожец — 2, с. 45

Хромов О.Р. Лубочный мир Афанасия Куликова — 4, с. 23

Цивьян Т.В. Архетипический образ дома в народном сознании — 2, с. 2

Чеглов Н.М. На закате. Фрагменты рукописи. Публикация В.Ф. Лурье — 4, с. 13

«Чужие» в Полесье. Публикация и комментарий О.В. Беловой — 3, с. 9

Шолохова Л.В. Еврейский музыкальный фольклор в записи Ю.Д. Энгеля — 3, с. 35

Юмсунова Т.Б., Майоров А.П. Обрядение и проводы покойников у семейских Забайкалья — 1, с. 10

Ясинская М.В. Похоронные обряды в Уржумском районе Кировской области — 1, с. 16

Экспедиции

Андреева Е.Д. Живая культура в культурном ландшафте — 1, с. 48

Дранникова Н.В. Материалы к Пинежскому этнодиалектному словарю — 1, с. 45

Колмыков В.И. «Шаповал ходарил сизимку?» — 3, с. 52

Кузнецова Н.В., Лурье М.А. Черты на службе у колдуна — 2, с. 50

Кулешов А.Г. Деревянные дома Красноборского района Архангельской области — 2, с. 52

Лурье М.А., Филиппова А.В. Змея в бытыке — 4, с. 55

Монахова А.С. Экспедиции в деревню Водлу — 3, с. 50

Паунова Е.В. Заговоры старожилов Астраханского края — 1, с. 45

Пономарченко К.А. Этнолингвистические материалы с архипелага Додеканезы — 3, с. 54

Седакова И.А. Похоронная обрядность в болгарском селе Равна — 1, с. 43

Чередникова М.П., Матлин М.Г. Экспедиции в Среднем Поволжье — 4, с. 54

Выставки

Зимица Т.А., Мадлевская Е.А., Прокопьева Н.Н., Холодная В.Г. «Девичья красота и удал молодецкая» — 3, с. 55

Юбилей

Каргин А.С. Центру русского фольклора — 10 лет — 2, с. 54

К юбилею М.П. Чередниковой — 4, с. 57

К 100-летию Василия Ивановича Абаева — 4, с. 58

Обзоры и рецензии

Белова О.В. Этиологические легенды в мировом фольклоре (Aux origines du monde. I. Contes et légendes de France; II. Contes et légendes d'Ukraine) — 2, с. 59

Гусев В.Е. Ценный труд словенского филолога (Stanonik M. Poezija konteksta I. «Pozdravljeno, trpljeno...»; Poezija konteksta II. «Na

tleh leže slovenstva stebri stari»; Iz kaosa kosmos. Kontekstualnost in žanrski sistem...») — 4, с. 59

Иванова Т.Г. Защита диссертаций в научных центрах Петербурга — 3, с. 60

Каман Э. О роли женщины в народной культуре и фольклоре (Nagyományaos női szerepek. Nők a populáris kultúrában és a folklórdan. Szerkesztette Küllös Imola) — 3, с. 58

Кляус В.А. Новые публикации русских заговоров («Русские заговоры и заклинания») — 1, с. 49

Коротко о книгах — 1, с. 56

Костюхин Е.А. О персонажах древнерусской культуры (Б.Н. Путилов. Древняя Русь в лицах. Боги, герои, люди) — 2, с. 58

Медриш Д.Н. Народная сказка на рубеже тысячелетий («Народные сказки Нижней Волги») — 3, с. 58

Новик Е.С. Брачная символика молодежных развлечений (И.А. Морозов. Женитьба добра молодца) — 3, с. 59

Пашина О.А. Культурный ландшафт Козельского района («Калужский край. Козельский район. Этнографические очерки») — 1, с. 51

Петрухин В.Я. Жизнь мифа и миф жизни (Е.М. Мелетинский. Избранные статьи. Воспоминания) — 1, с. 50

Седакова И.А. Региональная культура Болгарии («Ловешки край. Материална и духовна култура») — 4, с. 60

Смолицкий В.Г. Фольклор Русского Севера («Фольклор Севера. Региональная специфика и динамика развития жанров») — 2, с. 61

Темпест С. Об изучении русского фольклора в США — 1, с. 53

Тимошина Н.Р. Новая литература по фольклору и этнографии — 1, с. 55; 2, с. 62; 3, с. 61; 4, с. 61

Тимошина Н.Р. О диссертациях 1998—1999 гг. — 1, с. 53

Толстая С.М. Словарь народных стереотипов и символов (Słownik stereotypów i symboli ludowych. T.I. Kosmos. [Cz. 2] Ziemia. Woda. Podziemie) — 2, с. 58

Толмачева И.А. Антология еврейской сказки («Еврейские народные сказки, предания, былички, рассказы, анекдоты, собранные Е.С. Райзе») — 2, с. 60

Научная хроника

Вашенко Н.Н. VIII семинар Сибирского регионального центра по фольклору — 3, с. 63

Вельмезова Е.В. Конференция «Концепция человека в традиционной культуре» — 4, с. 62

Иванова Т.Г. Конференция «Рябининские чтения-99» — 1, с. 57

Ковалева О.В. IV Толстовские чтения — 3, с. 64

Кормина Ж.В. Конференция «Полевые методы в социальных науках» — 3, с. 62

Кудрявцева А.В. Семинар «Технические и организационные проблемы компьютеризации фондов фольклора» — 3, с. 63

Минёнок Е.В. О работе фольклорных секций на съезде американских славистов — 2, с. 63

Семибратов В.К. Региональная конференция по вятскому фольклору — 1, с. 59

Смирнов Д.В. Этнографические концерты фольклорной комиссии — 2, с. 63

Христофорова О.Б. Фестиваль «Салехард-2000» — 4, с. 63

Михаил Сергеевич Крамской (1908—1989). Родом из с. Верхопенье Ивнянского р-на Белгородской области. Создал более 30 полотен. Удостоенный вниманием журналистов, он был представлен на выставке самодеятельных художников в Париже в 1980 г. картиной «Ярмарка в Верхопенье».

↑ Мельница и толкачи пеньки. 1976 г.

↓ 1927 год. Страда. Косовица ржи. 1986 г.

↑ Молотьба конной молотилкой в 1927 году. 1967 г.

О самом художнике известно немного. Рисовал с детства. В 1926 г. уехал в Харьков, чтобы заниматься в художественном училище, но вынужден был оставить учебу. В 30-е годы работал в Москве оформителем Лефортовского парка. Перед войной снова жил в селе и работал заведующим клубом. Воевал под Смоленском, награжден Орденом Отечественной войны II степени и медалью «За Победу над Германией». Односельчане вспоминают, что М.С. Крамской, мастер на все руки, работал и строителем, и штукатуром, и жестянщиком, расписывал стены в хатах. Родное село Верхопенье стало и домом, и миром художника-самоучки. Он запечатлевал сельский быт, праздники, ярмарки, шумевшие здесь в 20-е годы. Лейтмотивом многих работ М.С. Крамского стал храм Архангела Михаила, живописно возведенный в центре села в середине XIX в.; в местном музее хранится также выполненный им макет этого храма со всеми архитектурными подробностями. Для многих сельчан старшего поколения работы М.С. Крамского, обретшие сегодня художественную и этнографическую ценность, стали памятью о прошлом.

В.Н. МЕДВЕДЕВА (Москва)

Уважаемые читатели!

Подписка на журнал "ЖИВАЯ СТАРИНА"

принимается во всех
отделениях связи

Подписной индекс —
73149 (каталог Роспечати)
Для зарубежных читателей —
73149 (каталог «Russian
Newspapers & Magazines — 2000»)

Тел.: (095) 195-6677, 195-6418

Факс: (095) 195-1431

E-mail: rosp.ovs.@g23.relcom.ru

Internet: <http://www.relcom.ru/rosp>

В следующих номерах:

Н.А. Козенко (г. Борисов, Белоруссия)
*О хороводной традиции
Могилевского Поднепровья*

Л.М. Винарчик (Москва)
*Южнорусские хороводы —
перекресток календаря и свадьбы*

Н.Ю. Данченкова (Москва)
*Традиция владимирских
свадебных приговоров*

О.В. Гордиенко (Москва)
Свадебный «Максимилиан»

А.А. Чувьуров (Санкт-Петербург)
*Этнографические заметки
из жизни коми деревни*

И.Ю. Винокурова (Петрозаводск)
Хлев в обрядах и верованиях вепсов

А.А. Панченко (Санкт-Петербург)
*К вопросу о социокультурных функциях
полевых исследований*

*Материалы фольклорно-
этнографических экспедиций*

Хроника. Обзоры, рецензии

